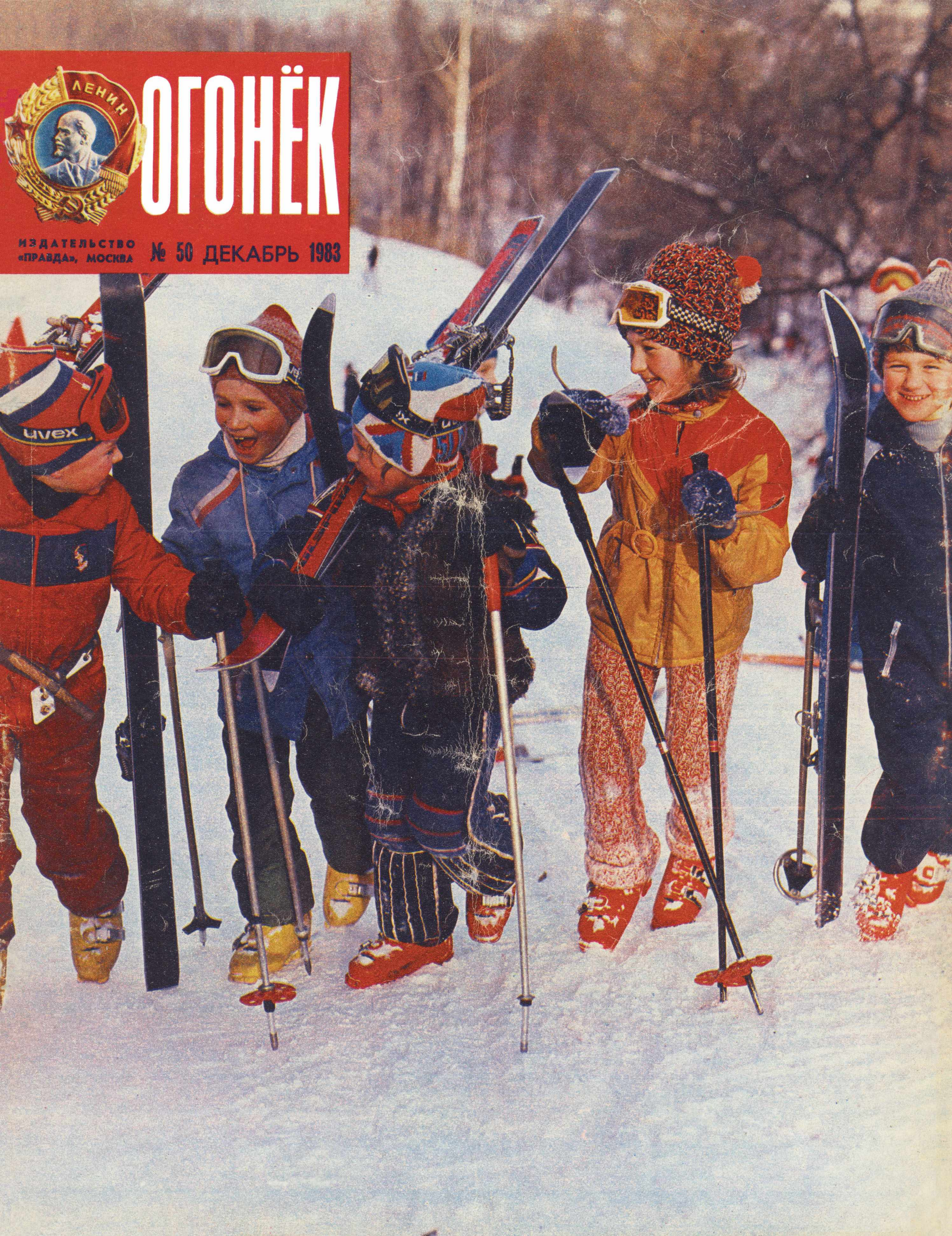

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 50 ДЕКАБРЬ 1983
uvex

СССР

Заявление товарища Ю. В. Андропова находит горячую поддержку в трудовых коллективах страны. На митинге, прошедшем в одном из цехов производственного объединения «Автозил», было подчеркнуто, что этот документ большого политического значения — выражение воли всего советского народа.

Фото А. Шогина (ТАСС)

НАРОДЫ МИРА ПРОТИВ ВОЙНЫ!

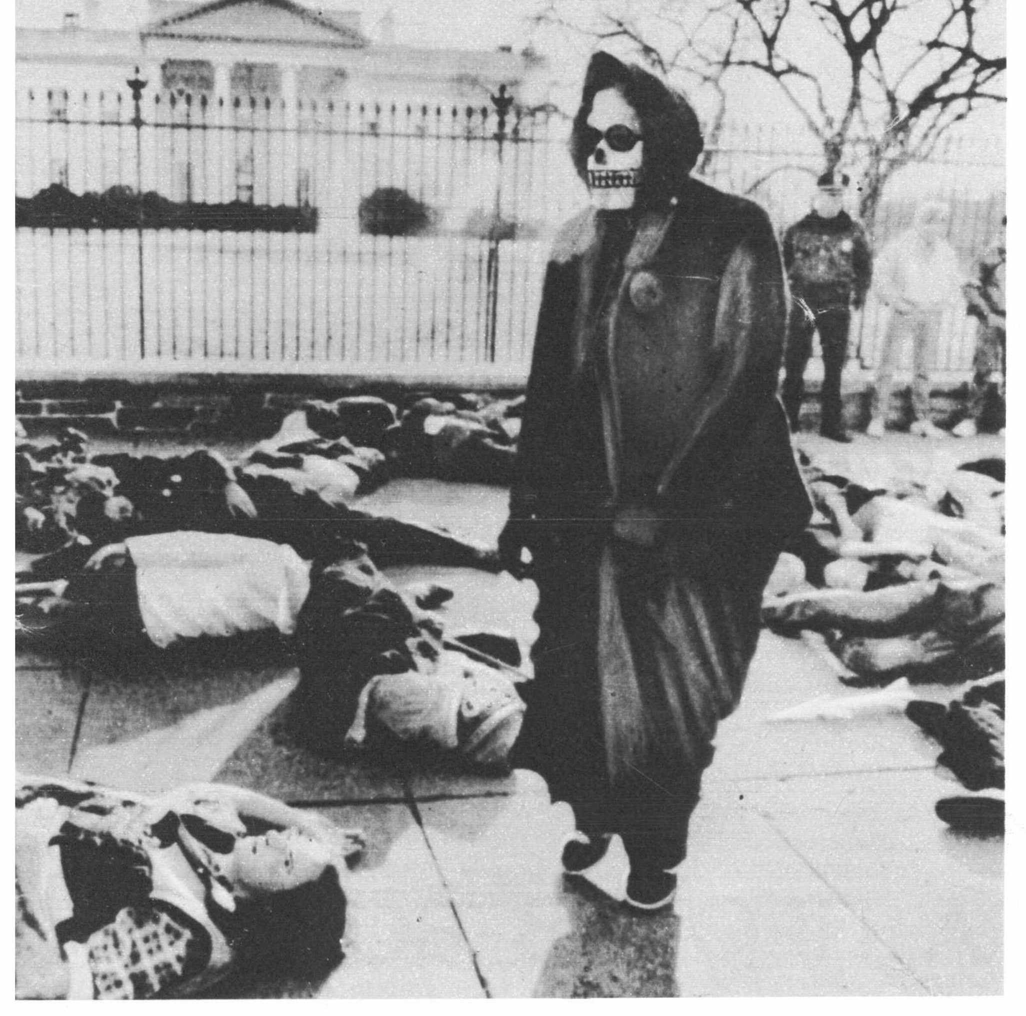
АВСТРАЛИЯ

Несколько сот участниц антивоенной манифестации австралийских женщин прорвались через кордоны на территорию базы электронно-космической разведки США Пайн-Гэп. С возгласами «Вон американские военные базы из Австралии!», «Обуздать поджигателей войны!» они штурмовали главный вход на базу и, несмотря на сопротивление охраны, заняли часть ее территории.

Телефото АП — ТАСС

США

У Белого дома состоялся массовый митинг общественности в связи с проводимой с 4 по 12 декабря по решению Всемирного Совета Мира международной Неделей действий против размещения «Першингов-2» и крылатых ракет в Европе. Символическую картину смерти от ядерного оружия представили участники манифестации против гонки ядерных вооружений, развязанной администрацией США.

Телефото АП — ТАСС.

ЯПОНИЯ

Митинг протеста против курса правительства на форсированные милитаристские приготовления и поддержку глобальной ядерной стратегии США состоялся в Токио. В нем приняло участие несколько тысяч человек, в том числе представители прогрессивных политических партий, профцентров, женских и молодежных организаций страны.

Фото Джапан пресс — ТАСС

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 50 (2943)

10 ДЕКАБРЯ 1983

В НОМЕРЕ:

Финляндия

Под лозунгами «Нет — размещению в Европе новых американских ядерных ракет средней дальности!», «За безъядерный Север, за безъядерную Европу!» в Хельсинки прошел Марш мира, в котором приняли участие свыше 50 тысяч человек. Марши мира состоялись в более чем ста городах и населенных пунктах страны.

Телефото Н. Горбунова (ТАСС)

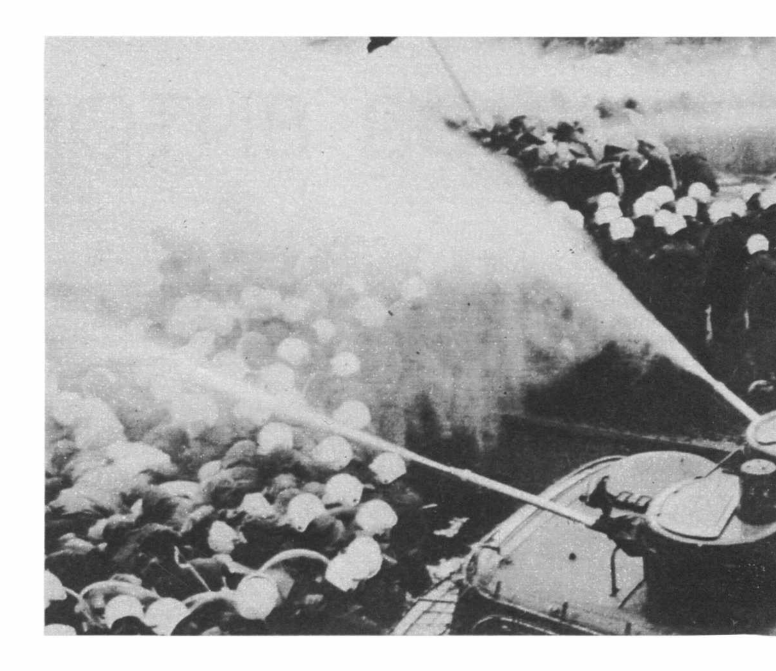
НАРОДЫ МИРА ПРОТИВ ВОЙНЫ!

СССР

Миллионы юношей и девушек нашей страны говорят решительное «нет» поджигателям войны, горячо поддерживают Заявление товарища Ю. В. Андропова. Их чувства и мысли выразили участники массового антивоенного митинга советской молодежи, который прошел 29 ноября в Москве.

Фото А. Шогина (ТАСС)

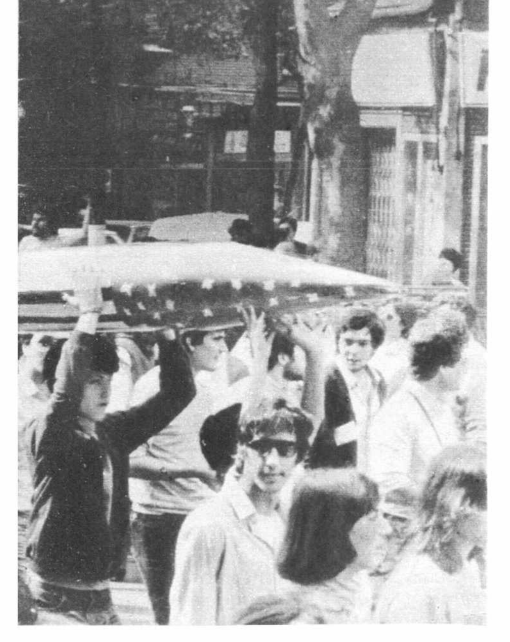

СПАСЕМ ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ

Эмильсон РАНДРИМИАХАСИНОРУ,
региональный секретарь Всемирного Совета Мира

Общественность Африки придает огромное значение Заявлению Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова от 24 ноября 1983 года. Человечество переживает один из наиболее острых моментов в своей истории: правящие круги Вашингтона, Бонна, Лондона и Рима не хотят прислушаться к голосу разума. «Першинги-2» и крылатые ракеты размещают в Европе. Это делается вопреки воле миллионов европейцев и всего мира. Ради претворения в жизнь своих амбициозных и авантюристических милитаристских планов администрация Рейгана поставила европейских союзников в положение заложников.

Размещение ракет «Першинг-2» и крылатых ракет противоречит тем ожиданиям, которые связаны с открытием в Стокгольме конференции по мерам безопасности и разоружению в Европе. Переговоры в Женеве окончились безрезультатно. На ком лежит ответственность за это? На тех, кто упорно продолжает прокладывать дорогу к новому и опасному витку гонки вооружений. Администрация Рейгана несет всю

ИСПАНИЯ

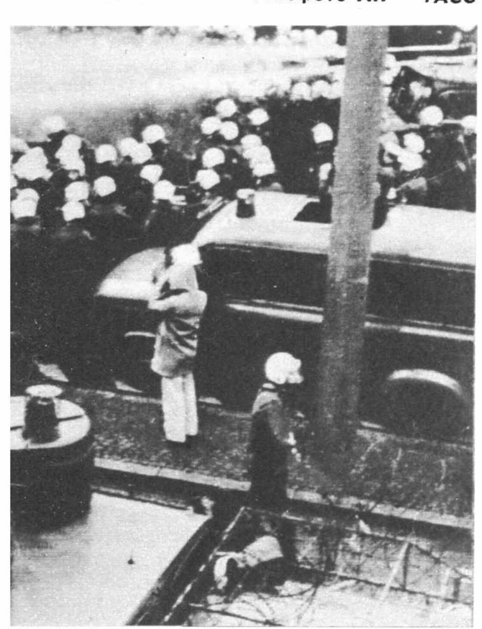
Мощная волна манифестаций протеста против размещения в Западной Европе новых американских ракет прокатилась по всей Испании. Сотни тысяч жителей Мадрида, Каталонии, Андалусии, Бургоса, других провинций и городов страны заявили решительное «нет» гонке вооружений, милитаристским устремлениям Вашингтона, толкающим человечество в пропасть ядерной катастрофы.

Фото ЭФЭ — ТАСС

ФРГ

Усиленные наряды полиции, используя мощные водометные установки, жестоко расправились с участниками антивоенной манифестации в западногерманской столице. Более ста участников манифестации были арестованы.

Телефото АП — ТАСС

ОДОБРЯЕМ и ПОДДЕРЖИВАЕМ ЗАЯВЛЕНИЕ Ю.В.АНДРОПОВА!

US

ЗАП.ЕВРОПА

Бор. Е.-83.

Народы всей Земли решимости полны
Дорогу преградить безумию войны!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

ответственность за столь опасный поворот в развитии событий и за резкое ухудшение международных отношений.

Те, кому дорог мир, кто защищает самое священное право человека, право на жизнь, одобряют и восхищаются хладнокровием и решительностью Советского правительства и советских людей в борьбе за спасение человечества. Заявление Ю. В. Андропова, в котором говорится о принятии СССР необходимых мер для обеспечения своей безопасности перед лицом неминуемой угрозы, встретило одобрение и поддержку миролюбивых сил всего мира.

Пришло время действовать со всей решительностью, чтобы спасти жизнь на нашей планете. Мы можем и должны это сделать. Сейчас крайне важно, чтобы люди всего мира предотвратили всеобщую ядерную катастрофу, которая может случиться в любую минуту. Задача номер один в борьбе за мир сегодня — устранить угрозу войны и остановить гонку ядерных вооружений. С этой точки зрения предложения, которые уже много раз выдвигал Ю. В. Андропов, представляют собой основу для принятия разумных действий в этом направлении.

Советский Союз убежден в том, что укрепить мир и гарантировать безопасность народов можно не путем увеличения вооружений и изобретения новых видов оружия, а, наоборот, путем сокращения уже имеющихся видов вооружений до более низкого уровня.

У человечества имеется много нерешенных проблем исключительно из-за того, что огромные материальные средства расходуются на вооружения. С этой точки зрения установление взаимопонимания по вопросу радикального сокращения ядерных и других видов оружия принесло бы большую пользу всем народам. Несмотря на огромную опасность, которой чревата современная международная обстановка, мы уверены, что силы мира и социального прогресса при поддержке все более упорной борьбы народов добьются провала сил милитаризма и сохранят мир на Земле.

Материал подготовлен корреспондентом АПН специально для «Огонька»

Антананариву.

ОДУМАЙТЕСЬ, ПОКА НЕ ПОЗДНО!

Анатолий ИВАНОВ,
писатель

В ноябрьском номере «Америки» напечатано обращение американского президента Рейгана к читателям этого журнала. Тут же помещено изображение улыбающегося президента. Он заявляет, что «правительство Соединенных Штатов уже давно является лидером в деле мобилизации международных усилий по уменьшению опасности возникновения войны». Далее Рейган пишет: «Мои недавние предложения, которые рассматриваются за столом переговоров в Женеве, представляют собой прямой и разумный подход к достижению двух основных целей — уменьшить опасность того, что одна из сторон под воздействием страха или в результате просчета поддастся искушению применить ядерное оружие; значительно сократить существующие арсеналы ядерных вооружений».

Какая откровенная, беззастенчивая, ничем даже не прикрытая ложь! Разве не Америка, подписавшая хельсинкские соглашения, направленные на укрепление разрядки, мира и добрососедского сотрудничества, превратила этот важный международный документ в пустую бумажку? Разве не Америка отказалась ратифицировать договор ОСВ-2, предусматривающий как раз уменьшение опасности возникновения войны? Разве не Америка устанавливает сейчас сотни ракет в Европе, неслыханно взвинтив тем самым международную обстановку? Разве...

Без конца можно задавать этому «лидеру по уменьшению опасности возникновения войны» подобные вопросы. Лидерство Америки как раз в обратном — во взвинчивании международной обстановки в мире, в нагнетании взрывоопасной обстановки то в одном, то в другом районе земного шара и, наконец, в организации и осуществлении военных действий в различных районах планеты. Разве, позвольте спросить «лидера по уменьшению опасности возникновения войны», не Америка вела беспощадную войну на вьетнамской земле, используя при этом самое варварское и бесчеловечное оружие, химические вещества, уничтожающие на земле и в воздухе все живое? Разве не Америка виновна в немыслимых страданиях ливанского, палестинского, сальвадорского, никарагуанского и других народов? Разве не Америка осуществила варварскую агрессию против суверенного государства Гренада?

Нынешний президент Америки разглагольствует о мире с трибуны и за банкетными столами, он улыбается со страниц газет и журналов, а американские вояки тем временем терзают, как хотят, нагло оккупированную Гренаду, истребляют беспомощный и беззащитный народ этого небольшого государства, хватают граждан Гренады по всему острову, бросают в концентрационные лагеря, безжалостно пытают там, расстреливают когда и где заблагорассудится — в этих лагерях, на улицах сел и городов, в собственных их жилищах.

Недавно газеты сообщили чудовищные факты: во время интервенции на Гренаду американцы использовали какое-то новое химическое оружие, в результате которого погибли тысячи людей. Затем трупы погибших были вывезены в Америку для исследований. О чем это говорит? Да о том, что американский «лидер» в борьбе за мир готовится к войне и у улыбающегося президента не дрогнула рука испытать на мирных гренадцах какое-то новое химическое оружие.

«Мои недавние предложения», говорит он, «представляют прямой и разумный подход» к предотвращению войны и к сокращению вооружений. Позвольте, где это ваши, господин президент, недавние или хотя бы давние мирные предложения? Мы таковых не знали, не слышали о них. Мы знаем и читали о ваших настойчивых предложениях и даже требованиях сократить, уничтожить ядерный потенциал лишь Советского Союза, разоружиться нам, так сказать, в одностороннем порядке.

А не хотите ли вы, господин Рейган, чтобы мы свои ракеты еще и передали в ваше полное распоряжение?

Простой и разумный подход к ликвидации всякой угрозы войны предлагаете не вы, господин Рейган, а Советский Союз. Ведь действительно, проще простого взять, скажем, обязательство не применять первым атомное и термоядерное оружие. Советский Союз такое обязательство взял, а Америка этого не делает.

Проще простого взять да и сократить на четверть, наполовину, на три четверти, а еще лучше — до нуля ядерные арсеналы обеих стран, что неоднократно предлагалось Советским Союзом. Но Америка об этом и слышать не желает.

Куда же проще и надежнее взять да и распустить военные организации НАТО и стран Варшавского Договора? Кто и как бы стал воевать? Но Рейган этого не хочет.

А чего же он, господин Рейган, хочет? А хочет он ни много ни мало — уничтожения социализма как общественно-политической системы! Именно так черным по белому и записано в разработанных по его распоряжению военно-стратегических планах Америки на ближайшие годы.

Вот где вся собака и зарыта, вот где причина нежелания американского президента достичь какой бы то ни было договоренности о снижении уровня вооружений, а тем более о полном разоружении. Но при всем этом улыбающийся Рейган в упомянутом выше обращении «К читателям журнала «Америка» пишет: «Мы протягиваем руку дружбы народам СССР, которым мы желаем только добра — мира, процветания и свободы».

Как же нам, советским людям, расценить такую президентскую улыбку. Что за ней ее обладатель прячет?

Понимая все это и должным образом оценивая, Советский Союз и страны социалистического содружества, как отметил в своем Заявлении Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов, «не могут закрывать глаза и на то, что Вашингтоном объявлен «крестовый поход» против социализма как общественной системы и что те, кто отдал сейчас распоряжение о размещении новых ядерных вооружений у порога нашего дома, строят свою практическую политику на этой безрассудной посылке. Похоже, что, размещая в Европе «Першинги-2» и крылатые ракеты, правительства ряда стран НАТО хотели бы подвести под эту авантюристическую посылку конкретную ракетно-ядерную базу».

Но ведь пусковые кнопки будут в руках американцев. Таким образом, жители этих европейских стран превратились в ядерных заложников. За океаном сейчас особенно и не скрывают, что безопасность западноевропейских союзников интересует американцев лишь в той мере, в какой эти союзники своими жизнями и своими городами смогут уменьшить возмездие самим Соединенным Штатам в случае развязанной ими термоядерной войны.

Недальновидные американские политики, создавая дополнительную угрозу развертыванием в Европе своих новых ракет, надеются, как это было в течение двух мировых войн, благополучно отсидеться за океаном, отвести ответный удар от своей территории. Увы, изменилось время, изменилось оружие, и разработанная американскими коварными стратегами теория ограниченных ядерных войн не сработает и Америку не спасет.

В Заявлении товарища Ю. В. Андропова изложены принятые советским руководством решения в ответ на созданную для СССР и его союзников дополнительную ядерную угрозу. Эти решения горячо одобрены всем советским народом, народами социалистических государств.

А что же дальше? Какая судьба ожидает нашу планету, оказавшуюся такой не защищенной и хрупкой перед созданными самими людьми чудовищными силами разрушения?

Юрий Владимирович Андропов дает на это в своем Заявлении четкий ответ: «Уберечь человечество от грозной опасности может и должен только человеческий разум».

Советское правительство призывает руководителей США и всех государств Европы, пока не поздно, еще и еще взвесить все последствия, которыми грозит их собственным народам, всему человечеству реализация планов развертывания новых американских ракет в Европе.

Руководствуясь голосом разума, Советское правительство четко и ясно заявляет, что если США и другие страны НАТО проявят готовность вернуться к положению, существовавшему до начала размещения в Европе американских ракет средней дальности, то Советский Союз тоже готов сделать то же самое, то есть отменить все свои решения по усилению обороны, принятые в ответ на возросшую ядерную угрозу для СССР и его союзников. Тогда вновь обрели бы силу ранее внесенные Советским Союзом предложения по вопросам ограничения и сокращения ядерных вооружений. И вновь появилась бы возможность сесть за стол переговоров.

В своем Заявлении руководитель нашего государства товарищ Ю. В. Андропов четко и ясно говорит: «Советский Союз по-прежнему выступает за самое радикальное решение вопроса о ядерных вооружениях в Европе. Он повторяет свое предложение сделать Европу вообще свободной от ядерного оружия — как средней дальности, так и тактического».

Прислушайтесь, господин президент США, к этим предложениям, пока не поздно!

РАЗУМ ВОЗЬМЕТ ВЕРХ

И. К. ШХВАЦАБАЯ,
директор Института клинической кардиологии имени А. Л. Мясникова, академик АМН СССР

Вряд ли есть более гуманная профессия, чем профессия врача. Вот почему столь активны мои коллеги в борьбе против уничтожения жизни на планете с помощью ядерного оружия. Вести эту борьбу — наше моральное право, профессиональный долг.

Вспоминается недавний Амстердамский конгресс движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны». Он собрал представителей 43 стран. В Амстердаме были доложены последние результаты работ по изучению возможных последствий ядерной катастрофы, принято Обращение к Председателю Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропову и президенту США Р. Рейгану.

Обращение, принятое на Амстердамском конгрессе, первыми подписали руководители движения врачей профессор Бернард Лаун (США) и советский ученый академик Е. И. Чазов. Выступая на конгрессе, Евгений Иванович Чазов сказал, что если в прошлом мир и уничтожение цивилизации были разделены 20—30 минутами полета стратегических ракет из США в СССР, когда еще можно было попытаться что-то сделать для спасения человечества, то сейчас даже эта грань может сократиться до 5—6 минут полета ракет из Западной Европы в СССР. Однако надеждам на благоразумие американской администрации не суждено было сбыться. Многие из участников конгресса движения врачей высказывали опасения, что вскоре последует новый скачок гонки ядерного вооружения. К сожалению, они оказались правы.

С гордостью и огромным удовлетворением встретили мы Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова, в котором убедительно показана авантюристическая сущность и огромная опасность того политического курса, которым следует руководимая Рейганом администрация США. Кстати, президент Рональд Рейган в отличие от Юрия Владимировича Андропова так и не счел нужным ответить на Обращение Амстердамского конгресса. Его ответом явилась доставка ракет с ядерными боеголовками в ФРГ, Италию, Англию.

Это событие, всколыхнувшее весь мир, вызывает небывалой мощи протесты. С волнением мы узнали, что в американском городе Ромьюлес был арестован всемирно известный врач Бенджамен Спок. Демонстрация, в которой участвовал старый доктор, проходила у ворот военной базы, где хранятся компоненты американских ракет средней дальности. Их Вашингтон намерен направить в Европу. Выступая во время демонстрации, доктор Спок сказал: «Врачи лечат людей от страданий и смерти. А люди слушают нас и доверяют нам гораздо больше, чем профессиональным политикам». К счастью, Спок под влиянием общественного мнения был освобожден. Это еще раз говорит о силе противодействия, силе протеста против гонки ядерного вооружения в самих Соединенных Штатах.

В Заявлении товарища Ю. В. Андропова говорится о решениях нашего правительства, которые благоразумны и справедливы. О каких дальнейших переговорах может идти речь, если во время их проведения Рейган своими действиями цинично профанирует их цель, смысл, идею?

Нечистоплотное политиканство американской администрации видится мне и в том, как она искажает правду, истину, искажает несомненные исторические факты, компилирует аргументы, на которых строит свои обвинения против нас. Так, она утверждает, что вся работа советского комитета «Врачи за предотвращение ядерной войны» — всего лишь пропаганда, нацеленная на запугивание народов других стран. И как бы упускается из виду, что именно медики более других понимают, сколь необратимы последствия возможной катастрофы. И именно врачи, может, лучше других осознают необходимость международного сотрудничества, в частности в области изучения заболеваний сердца и сосудов — нашего врага № 1.

Советско-американское сотрудничество в этой области началось много лет назад. С удовлетворением могу сказать, что работы эти продолжаются, продолжаются несмотря ни на что. С американскими коллегами у нас сложились хорошие деловые и личные контакты. Мне кажется, что американские кардиологи сами испытывают неловкость от создавшейся ситуации. Верю в то, что и в дальнейшем наша совместная работа не потерпит урона ни при каких обстоятельствах. Недавно, например, американские специалисты приезжали в Москву, знакомились с нашими исследованиями. Через несколько дней мы едем в США. Проведем симпозиум, обменяемся мнениями, узнаем о том, что нового, интересного выполнено в американских институтах и клиниках.

Силы, таящиеся в атоме, врачи используют на благо человека. Пример — ядерная кардиология. Используются методы и средства диагностики с помощью изотопов. В их основе — новейшие достижения в изучении атомного ядра. И кажется чудовищным, что те же новейшие достижения в изучении атомного ядра используются для создания несметных запасов ядерного оружия, которому надлежит уничтожить жизнь на Земле.

Скажу прямо — непросто заниматься вопросами профилактики сердечно-сосудистых заболеваний, работать над тем, как продлить человеческую жизнь, в то время как сама жизнь, само будущее всей Земли поставлены под угрозу! Нужно иметь огромную веру в будущее. И мы верим, потому что иначе нельзя. Верим в то, что разум и добрая воля возьмут верх.

ПОКА НЕ НАЧАЛСЯ РОКОВОЙ ОТСЧЕТ...

Греция остро переживает ситуацию растущего напряжения в мире, ибо на территории страны американцы держат ядерное оружие.

Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова с изложением принципиальной и справедливой позиции СССР по вопросу об американских ракетах первого удара, размещаемых в Западной Европе, встречено в Греции с должным пониманием. Это голос разума, к которому необходимо прислушаться, пока не начался роковой отсчет секунд на американских командных пунктах. Так суммируют здесь результаты опросов общественного мнения.

Вот что пишет популярная афинская газета «Элефтери гноми»: «Когда бундестаг ФРГ проголосовал за размещение американских ракет на своей земле, Белый дом и НАТО выразили удовлетворение тем, что Западная Германия выполнила свои союзнические обязательства и осталась верной решениям этой организации от декабря 1979 года».

Да, это верно, пишет газета. Но верно также и то, что бундестаг игнорировал требование народа Западной Германии отменить решение о размещении американских ракет на немецкой земле.

Статья в «Элефтери гноми» отражает мысли и настроения подавляющего большинства греческого народа. А что же думает меньшинство?

Газета крайне реакционного толка «Эстия» считает, что все, что хорошо для Пентагона, хорошо и для Греции. Она обрушилась с критикой на премьер-министра Греции Андреаса Папандреу. Чем же не угодил глава правительства тем, кто «принадлежит Западу»?

Во-первых, тем, что открыто заявил: США не хотели продолжения переговоров в Женеве — и еще раз подчеркнул, что вина за прекращение переговоров полностью лежит на США. Причем правых особенно раздражает замечание Папандреу о том, что американцы всегда хотели разместить свои ракеты в Европе.

СССР же всегда предпринимал только ответные меры, равнозначные тем, которые уже были предприняты США.

Корреспондент АПН, специально для «Огонька»

Афины.

ЗЛОВЕЩИЙ АЛЬЯНС

Владимир НИКОЛАЕВ

Несколько лет назад, когда один из самых главных израильских ястребов, Моше Даян, в очередной раз прилетел посоветоваться в Вашингтон, в газете «Вашингтон пост» не только оповестили об этом событии аршинными заголовками, но опубликовали портрет Даяна на целую газетную полосу. В то время я был в американской столице и заговорил об этом факте со знакомым мне сенатором.

— Скажите, пожалуйста,— спросил я его,— вы можете припомнить, чтобы когда-либо в газете печатали чью-либо фотографию на целую полосу?

— Нет, не помню такого случая,— ответил он, немного подумав.

— Но почему именно Даяну такая честь?

— А это не честь. Это деньги.

— Как так?

— Очень просто. Заплатили редакции за газетную полосу, сколько она стоит, вот и все.

За такую политическую рекламу денег выложить надо немало. У американских сионистов они есть. Кроме того, есть у них в США и политическое влияние. Американский журнал «Тайм» как-то заметил: «Действиями Вашингтона руководят не национальные интересы, а страх перед гневом сионистов». Верно! Могущественное сионистское лобби при американском конгрессе ежедневно и ежечасно давит на правительство США. Это постоянно действующий фактор, во многом определяющий курс Соединенных Штатов. В свое время американский сенатор Д. Абурезк так определил деятельность лоббистов, отстаивающих в Вашингтоне интересы Израиля: «Их присутствие просто подавляет. Никто не решается им противоречить. Израильское лобби — самое влиятельное в нашей стране».

Во всей этой ситуации есть, можно сказать, и обратная связь, смысл которой раскрывают следующие слова национального председателя Коммунистической партии США Генри Уинстона: «Вопиющая наглость, с какой израильским политикам удается диктовать свои требования такой «великой» державе, как США, объясняется не одним только идеологическим воздействием израильского сионизма. Сионизм и расизм — это орудия и средства на службе американских империалистов, пытающихся удержать свои главенствующие позиции в этом районе мира». Да, все дело в том, что вооруженный и финансируемый Вашингтоном Израиль создает Соединенным Штатам условия для военного проникновения на Ближний Восток.

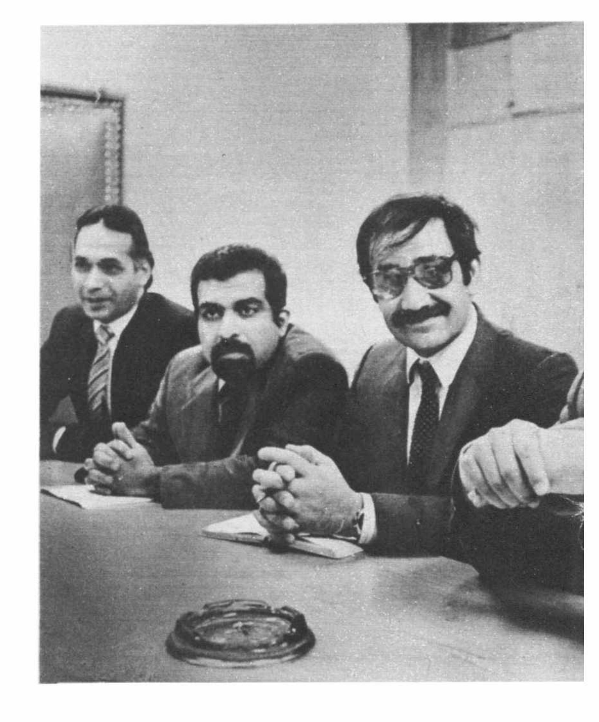
Недавно в США снова побывали израильские визитеры — президент страны Герцог, затем премьер-министр Шамир и министр обороны Аренс. И вот результат — Рейган и Шамир договорились о создании так называемого военно-политического комитета США и Израиля. Таким образом, создан американо-израильский орган, можно сказать, штаб по разработке и ведению совместной агрессивной политики и конкретных агрессивных акций на Ближнем Востоке. Комитет займется вопросами совместного военного планирования, проведения совместных маневров и размещения на территории Израиля американской военной техники и снаряжения. Едва Шамир покинул Вашингтон, как американские бомбардировщики и военные корабли обрушили новый огненный шквал на ливанскую землю. Так вот и обделываются преступные дела, рука руку моет: Вашингтон поддерживает в Ливане израильских агрессоров, одновременно наращивая там собственное военное присутствие. Недаром, как отмечают обозреватели, переговоры Рейгана с Шамиром проходили под знаком «полного единодушия» сторон в том, что касается проблемы Ливана.

«Единодушие» такого сорта — это прежде всего антиарабский сговор, это кровь и страдания ливанских граждан. Сто новых видов американского оружия испытала израильская военщина на истерзанной земле Ливана. В ходе визита Шамира Вашингтон принял решение возобновить поставки Тель-Авиву кассетных бомб — особо варварского оружия массового уничтожения: каждая такая бомба содержит 58 маленьких бомбочек. С политической точки зрения «единодушие» между Рейганом и Шамиром выразилось в «полной приверженности» кабальному соглашению, которое в мае нынешнего года было навязано Соединенными Штатами и Израилем правительству Ливана, оно ведет к расчленению ливанского государства, дроблению его на зоны американской и израильской оккупации.

Да, цель у Вашингтона и Тель-Авива одна: обеспечить американо-израильскую гегемонию на Ближнем Востоке. Вот, например, что пишет газета «Вашингтон пост»: «Основная цель визита премьер-министра Израиля в Вашингтон — максимальное расширение рамок «стратегического сотрудничества» между двумя странами. В Вашингтоне, похоже, решили, что США нуждаются сейчас в Израиле больше, чем когда-либо. Представители администрации не скрывают, что на переговорах обсуждены конкретные шаги по объединению прежде всего военных усилий обеих сторон для обеспечения американо-израильских целей в ближневосточном регионе». Договоренности, достигнутые между Вашингтоном и Тель-Авивом, поднимают на новый, еще более опасный уровень «стратегическое взаимопонимание» США и Израиля, указывает ливанская газета «Ан-Нида». Они являются отражением возрастающей агрессивности американского империализма и полностью отвечают интересам сионистской верхушки Израиля, добровольно взявшей на себя роль проводника гегемонистской политики Белого дома на Ближнем Востоке.

Тщетно Вашингтон и Тель-Авив стремятся силой оружия подавить процессы национально-освободительного движения в этом регионе. Ход истории необратим.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Делегация Организации мира, солидарности и дружбы Афганистана в редакции журнала «Огонек».

Фото А. Бочинина

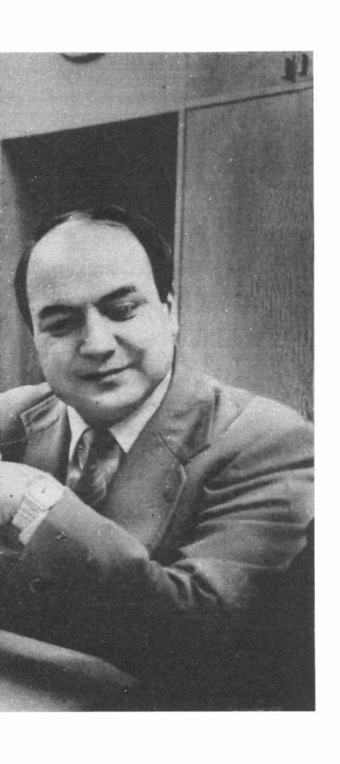
РЕВОЛЮЦИЯ НЕСОКРУШИМА

Торжественная дата отмечается советским и афганским народами: пять лет назад, 5 декабря, в Москве был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и Демократической Республикой Афганистан. По случаю знаменательной даты в Кабуле состоялась церемония вручения руководству Афганистана поздравления ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. Поздравление Б. Кармалю вручил Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в ДРА Ф. А. Табеев.

ЭСКАЛАЦИЯ АГРЕССИИ

Американские истребители-бомбардировщики, базирующиеся на авианосцах вблизи побережья Ливана, подвергли бомбардировке позиции сирийского контингента межарабских сил по поддержанию мира в Ливане. В заявлении официального военного представителя САР, переданном агентством САНА, говорится, что огнем сирийских средств ПВО три американских самолета сбиты. На снимках: на месте падения одного из сбитых американских истребителей-бомбардировщиков. Обломки воздушного пирата.

Телефото АП — ТАСС

По приглашению Советского комитета солидарности стран Азии и Африки в нашей стране находилась делегация Организации мира, солидарности и дружбы Афганистана. Эта организация была образована после апрельской революции. Она принимает активное участие в движениях афроазиатской солидарности и сторонников мира, вносит весомый вклад в углубление дружбы между народами Афганистана и Советского Союза, тесно взаимодействует с Советским комитетом солидарности стран Азии и Африки и другими организациями. В Москве и Баку в ходе встреч и бесед делегации с представителями советской общественности была выражена горячая солидарность с мужественной борьбой народа Афганистана за построение новой жизни. Гости посетили редакцию журнала «Огонек». Глава делегации, заместитель председателя Организации мира, солидарности и дружбы Афганистана Эмтияз Хасан рассказал о положении в стране.

— Последствия необъявленной войны империализма против нашего народа, к сожалению, до сих пор еще ощутимы.

США и другие страны НАТО тратят миллионные суммы на поддержку контрреволюционного отребья, вооружают и тренируют бандитов в специальных лагерях. Миллионы долларов тратятся на подрыв экономики страны, которая и без того была одной из самых отсталых в мире. Империалисты терроризируют наш народ, лишают женщин мужей, а детей оставляют сиротами. Один из главных ударов бандитов направлен против народного образования. Сжигаются школы, бандиты мучают и убивают учителей.

Империалисты хотят сохранить в Афганистане мрак неграмотности, ибо они знают, что если наш народ получит образование, то все их планы закабаления страны рухнут.

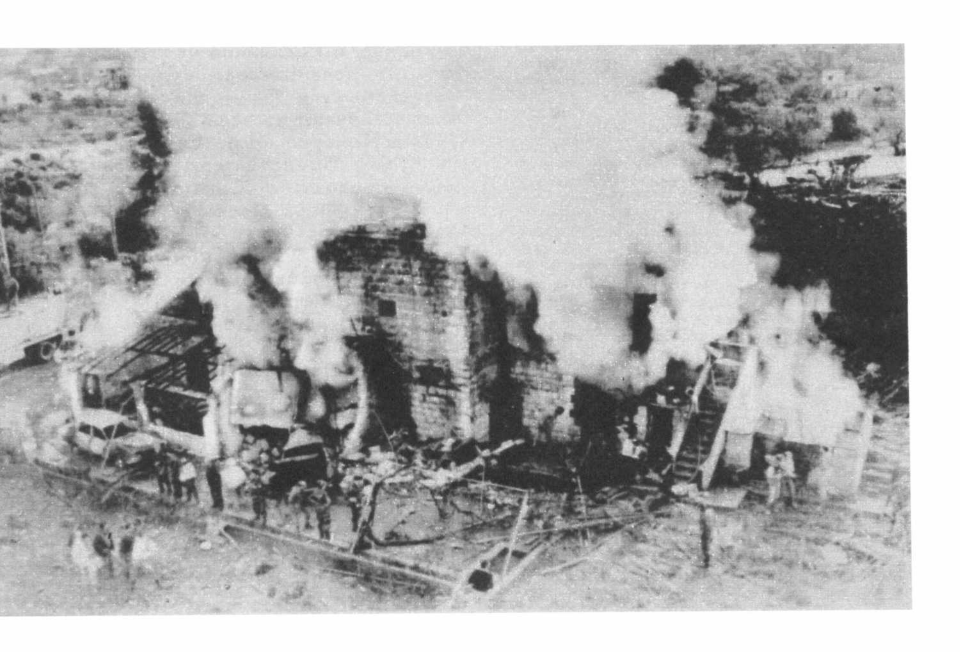
Свет нашей революции проникает в умы и сердца большинства людей. Обманутые душманами возвращаются к мирной жизни, да и сами душманы переходят на сторону революционного народа.

Прогрессивные силы мира во главе с Советским Союзом оказывают нам ощутимую братскую помощь. На XXVI съезде КПСС Бабрак Кармаль сказал, что если бы не было оказано помощи со стороны великого Советского Союза героическому Афганистану, то сегодня не существовало бы революционного, свободного, независимого и неприсоединившегося Афганистана. Народ моей страны никогда не забудет дружбу и солидарность советских людей. С каждым днем революция расширяет свои ряды и ускоряет свой шаг. С помощью Советского Союза и других социалистических стран в Афганистане возводится ряд промышленных предприятий. Улучшается материальное положение рабочего класса. В жизни крестьян также происходят заметные перемены. Создаются крестьянские кооперативы, все чаще на полях можно увидеть работающий трактор.

Те, кто прибывает в нашу страну, обращают внимание на величественный холм павших — памятник тем, кто погиб с мечтой о новой жизни, кто не покинул поле боя. Именно благодаря тому, что у народа есть такие герои, этот народ победить нельзя. Именно поэтому наша революция несокрушима.

Все теснее сплачивают свои ряды в борьбе против происков империализма и реакции трудящиеся Демократической Республики Афганистан. Это отряд защитников революции, созданный из рабочих Кабула.

Апокалипсис? Нет!

Станка ПЕНЧЕВА,
болгарская поэтесса, заместитель главного редактора журнала «Отечество» (НРБ)

Часы будут тикать,
пока не распрямятся пружины;
автомобили, потеряв управление,
будут лететь в кюветы;
только старательные машины
будут изрыгать денно и нощно
жвачки, танки, конфеты,
экскаваторы, туфли, заколки
в огромном количестве —
пока не иссякнут запасы сырья
на складах;
электростанции перестанут
давать электричество;
только вода будет
по-прежнему падать,
пока не разрушит плотины,
шлюзы, турбины;
обвалятся шахты,
и целые полчища сорняков
и колючек
поползут на поля, стадионы,
в сады и долины,
пробуравят асфальт,
взберутся на крыши —
непобедимы, могучи;
у железа —
не то, что у дерева —
будет длительная агония,
останутся только пластмассы,
и то не навеки;
над миром без остановки будут
идти дожди монотонные,
переполняя набухшие океаны,
моря и реки,
а на дне будет плавать
аморфная масса.
Люди, опомнитесь!
Неужели вам этого мало?
Не допустите,
чтоб прервалась наша история,
чтобы пришлось человечеству
начинать все сначала!

...Наверное, сотни километров прошла я по музеям мира: от залов неолита до залов космонавтики. Что оставил древний человек как знак своего существования? Кремневые наконечники копий, ножи и костяные иглы, примитивный ткацкий стан, глиняные сосуды... Орудия уничтожения и орудия труда, жизни. Такие же знаки оставляло человечество на протяжении всего своего долгого пути, только все более совершенные и дорогие.

Я познакомилась с «хобби» одного американского вице-адмирала: он вычислил, какие военные расходы приходились на каждого убитого вражеского воина в различные исторические эпохи. Так, убитый неприятельский солдат стоил Гаю Юлию Цезарю около 75 центов, а Наполеону Бонапарту уже гораздо больше — три тысячи долларов. Во время второй мировой войны каждый мертвый солдат противника обошелся США в двести тысяч долларов. С тех пор прошло около сорока лет — на сколько теперь подорожала человеческая смерть?

Специалисты вычислили: орудия уничтожения стоят сегодня человечеству один миллиард долларов в день. Средств, расходуемых на вооружение меньше чем за два дня, хватит, чтобы ликвидировать неграмотность в мире, за восемь дней — чтобы обеспечить регулярным питанием 500 миллионов голодающих. Но средства массовой информации приносят другие вести: несмотря на все протесты, в США готовятся пополнить свои арсеналы нейтронной бомбой и лучевым оружием, которое будет направлено на землю из космического пространства. Какой поистине фантастический «прогресс» по сравнению с жалким кремневым копьем!

Не знаю, вычислял ли какой-нибудь отставной или действующий военный специалист нечто другое: как растет эффективность орудий, предназначенных убивать. Одной стрелой можно было убить одного человека, в пулеметной ленте заключены десятки смертей, а лишь при первом обмене ядерными ударами погибнет 700—800 миллионов душ. На графике эта линия стремительно взлетает вверх, настолько высоко, что упирается во всеобщее небытие... Если начнется обмен ядерными ударами, для будущих музеев не останется никаких экспонатов, не будет и самих музеев, а если какой и уцелеет — в нем не окажется ни единого посетителя.

Душа моя сжималась от ужаса и холодела каждый раз, когда прикасалась не просто к смерти, а к человеческому безумию. Помню потрясение в Бухенвальде, когда прямо от Веймара, от дома Гете, нас повели к печам, к абажурам из человеческой кожи. Ветры давно развеяли белый пепел костей, но я подумала: пепел миллионов Клаасов должен стучать в наше сердце каждый день, каждый миг!

Помню ветреный день в Хатыни, когда протяжно звонили колокола, а черный кузнец все нес на руках ребенка и все никак не мог вынести его из огня... Помню огромную картину в Музее современного искусства в Нью-Йорке, на которой горел городок Герника и кони с разорванными животами ржали, поднимая оскаленные морды к небу (всемирно известное творение Пикассо еще не было отправлено на его родину)... И другая странная «картина» в Музее современного искусства в Вене: на заднем плане приклеены увеличенные фотоснимки уличных боев, где танки давят бегущих людей и бесшумно рушатся дома; на переднем плане, а в сущности, на части пола, разлита какая-то черная смола, в которой плавают человеческие кости, обгоревшие туфли, очки, детские игрушки; а в середине — телевизионные экраны, на которых каждый видит самого себя, схваченного расположенными напротив камерами — как он приближается, как вглядывается и становится частью картины и, может быть, частью экспонатов в смоле...

Как только не называли современного человека — и Хомо сапиенс, и Хомо фабер, и Хомо луденс[1]... А может быть, ему больше подходит прозвище Хомо арматус или Хомо беликус[2]? Да, если бы не существовали миллионы, миллиарды людей, создающие другие орудия — труда, жизни. Если бы не существовали руки, сеющие пшеницу и делавшие из камня корабельные якоря (не потому ли стены большого зала заседаний ООН украшены пшеничными колосьями и якорями?); руки, воздвигавшие пирамиды и соборы, достающие из земли уголь, золото и уран, ухаживающие за яблонями и детьми. Во время своих путешествий я встречалась с некоторыми государственными деятелями и с сотнями людей, чьи имена не войдут в историю, но которые в конечном счете и пишут эту историю.

[1] Человек разумный, производящий, играющий.
[2] Человек вооруженный, воюющий.

...Молодая монгольская семья, в чьей юрте, в горах Тэрелж, я впервые пила кумыс. В люльке спал грудной ребенок, а девочка постарше, с одной зеленой и одной красной ленточкой в волосах, спряталась от гостей. Пока мы разговаривали, она осмелела, вылезла из своего укрытия и неожиданно уселась ко мне на колени. Монголки весело захлопали в ладоши: это значило, что у меня родится девочка! И когда я напомнила им о своем возрасте, они уточнили: значит, родится внучка! Даже несколько внучек, и это хорошо, потому что если рождаются мальчики — это к войне. (У меня уже есть внук. Когда мы показали малыша прабабушке, моей матери, она перекрестила его и заплакала. Ни на миг не забывала она о своем первенце, убитом в последнюю войну.)

...Худенькая, маленькая, как девочка, вьетнамка, с которой мы встретились когда-то на конгрессе в Хельсинки. Оказалось, что она мать шестерых детей, председатель сельскохозяйственного кооператива и что она сбила восемь американских самолетов. У меня сохранилась запись ее краткого рассказа: «Когда над позицией зенитчиков появился самолет Б-52, я испугалась — гул был ужасный. Но тут я увидела, что самолет направился к селу, а там была школа, детский сад, много детей — и мои среди них. Тогда я начала стрелять, и даже сама не знаю, как попала. Я села и заплакала с облегчением...»

...Жители маленького села из области Гезира в Судане, от грудных детей до стариков, которые несколько долгих часов под палящим солнцем ждали нас — делегатов из Советского Союза и Болгарии. Заговорили барабаны, запищали дудки, дети запели длинную приветственную песню, сочиненную специально по этому случаю. Двое крепких мужчин держали плакат, написанный буквами кириллицы: «Добро пожаловать! Мир!» Мы не могли оторваться от этих милых людей — так хотелось им слушать о наших странах, о том, как живут люди в другом месте на земле. Возле дверей глиняных домов я видела кувшины с водой, а на их ручках висел черпак. Хозяйки говорили нам: «Это для путника. Стакан воды в жару — это самое маленькое добро, которое ты можешь сделать для человека». Я вспомнила: за десятки тысяч километров отсюда, в северной тайге, царит закон: в лесной хижине, где ты ночевал, ты должен оставить что-нибудь для того, кто придет сюда после тебя,— дрова, пищу, спички...

...И та величавая, несмотря на свою простоту, женщина, чье имя Индира означает в переводе «прекрасная», «могучая». От краткой встречи с ней я унесла вот что: даже государственный деятель не ложится спать, не открыв книгу любимых стихов; и еще — у каждой страны есть свои большие и трудноразрешимые проблемы, например, накормить население, но самая главная проблема, касающаяся судьбы всех: как сохранить мир? За тихим голосом Индиры Ганди мне слышалось эхо 683 миллионов голосов, и ее обыкновенные слова приобретали необыкновенную силу и вес.

Лица, лица и случаи. Я бы могла вспоминать их часами, чтобы доказать одну простую мысль: люди — везде люди. Цвет пролитой крови один и тот же везде, и вкус материнского молока одинаков, и искра между женщиной и мужчиной, от которой рождается новый человек.

Недавно я читала научные «предсказания» о предполагаемых открытиях в медицине. К 2000 году и после него ожидается: синтетическая кровь, вакцина против ревматизма, гриппа и инфекционного гепатита, генетический контроль и генная инженерия, симбиоз «человек-компьютер». И я поймала себя на том, что мыслю скептически: синтетическая кровь? Прекрасно! А если до той поры та, настоящая, алая, превратится в пар? Если от человека, теплого и живого, останутся только тени на камне, как те, что отпечатались на граните перед банком «Сумитамо» в Хиросиме? Когда, наконец, наступит двухтысячный год, застанет ли он нас на этой земле?

Может быть, нет. Если не будет страстной воли отдельного человека, народов УЦЕЛЕТЬ. Потому что опасность уже не далека, не абстрактна. Она называется «Першинг», или «Круз», или «MX», для нее не существует расстояния — длинная ее рука найдет тебя, где бы ты ни был. Поэтому даже люди, которые были до вчерашнего дня равнодушными, аполитичными, сегодня отправляются в походы мира, окружают живым кордоном ракетные базы, собираются на стотысячные митинги.

Моя страна, Болгария, мала, но она находится на историческом перекрестке, бывшем не однажды ареной кровопролития. И эта маленькая, древняя и молодая страна разговаривает со своими соседями: пусть Балканы всегда будут безъядерной, мирной зоной!

Но мои размышления о самой главной дилемме нашего века были бы неполными и даже ошибочными, если бы из них следовало, что наше стремление к миру есть лишь проявление инстинкта самосохранения, присущего каждому из нас. Нет, это нечто значительно большее: за слабым голосом единицы («Единица! Кому она нужна?» — вопрошал Маяковский) стоит великан, такая дорогая для нас, болгар, страна, стоит генеральная линия ее политики, провозглашенная еще в первые годы Советской власти. Это и мощный военно-оборонительный потенциал, и подлинное человеколюбие, и дальновидная мудрость.

Вот почему с таким вниманием было встречено во всем мире Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова. Поскольку в Западной Европе появляются новые американские ракеты средней дальности, необходимость ответных мер очевидна.

Два полюса: человеколюбие и мудрость, с одной стороны, антигуманизм и безумие — с другой.

А еще более кратко и ясно: жизнь — смерть. И сегодня никто — ни страна, ни личность — не может уйти от вопроса: а куда направлена стрелка твоей совести и твоего разума? КАКУЮ СУДЬБУ ТЫ ВЫБИРАЕШЬ САМ?

Перевела Лорина ДЫМОВА

София.

А. Венецианов. 1780—1847. КРЕСТЬЯНСКИЙ МАЛЬЧИК.

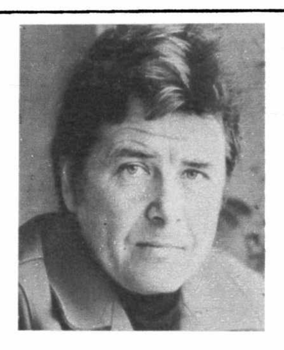
Омский музей изобразительных искусств

И. Шишкин. 1832—1898. СТАРЫЕ ЛИПЫ. 1894.

Омский музей изобразительных искусств

Иван ИСАЕВ

Наследство

БРАТЬЯ

Не хвалясь
ни ладной статью,
ни изысканностью слов,
я скажу,
что мне
на братьев
по наследству повезло!
Да и как иначе, право,
встанем — словно на парад:
слева — старший,
младший — справа,
я в середке аккурат...
Никакой подъем не страшен,
если держат,
как орла,
слева — младший,
справа — старший,
два надежные крыла...

ВОДА ЖИВАЯ

Я
вхожу
в Амур
по горло
и, простершись на спине,
тело бренное покорно
отдаю во власть волне.
Далека была дорога,
оттого я сер и хмур,
побаюкай же немного,
добрый батюшка Амур!
Жизнь мне баек не певала,
не носила на руках,
я едал в полуподвалах
и пивал на чердаках.
Жил — и, значит, было дело.
Тем судьба и хороша!
Пусть и тело задубело,
да не старится душа.
Не приемлет серой краски,
обескрыленной нуды,
без подсказки
верит в сказки,
в чудеса живой воды.
Сквозь огонь и трубы
узкой
стежкой
шел, не унывал,
в обской,
волжской
и амурской —
в трех купелях побывал!
Не суди меня ты строго,
что с устатку прикорнул,
побаюкай же немного,
добрый батюшка Амур.
Поноси, как в колыбели,
освежи
живой водой,
чтобы
вышел я
на берег,
словно в сказке, молодой!..

СНЫ ЗЕМНЫЕ

Спит Земля, спит, как мать
работящая.
И по снам ее
стежкой ночной
бродят страшные,
добрые ящеры —
каждый в два сновиденья длиной!
Тут же мелочь —
летая и ползая,
вглубь вгрызаясь,
карабкаясь вверх...
И над всеми —
любовь ее поздняя,
вся надежда Земли —
Человек!
Жить да жить бы.
Но все это — в канувшем,
все слизнула внезапная мгла:
снится ей,
что она снова камушек,
круглый, голый —
в чем мать родила...
Ни былинки на теле,
ни ящера,
ни людей,
ни надгробных имен —
лишь пустыня, пустыня мертвящая,
прокаленная адским огнем.
Доигрались, видать, не поладили,
все спалили —
дотла, до себя...
Ой, судьба погорельца
Галактики —
доживать на задворках, скорбя!..
Что быть может страшней, чем
убогое
и безлюдное скопище скал?
Спит Земля,
спит с извечной
тревогою —
как бы сон ее явью не стал...

ЯМАЛ
(монолог искателя)

Лиственницы Лабытнанги,
голубичные полянки,
тундра огненного цвета...
Догорает наше лето.
Ох и тундра,
эх и тундра
газа, нефти, комарья!
Мне с тобой бывает трудно,
без тебя же
я не я.
Заполярье, Заполярье!..
Если солнце —
столько яри,
столько мощи —
если вьюги!
А у нас —
сердца и руки...
Ох и тундра, эх и тундра,
выстраданная земля!
Мне с тобой бывает трудно,
без тебя же
я не я.
Заполярный полуостров!
Карта судеб наших пестрых,
край, тепла вовек не знавший,
ты согрет любовью нашей.
Ох и тундра,
эх и тундра,
в сердце вросшая земля!
Мне с тобой бывает трудно,
без тебя же
я не я.

КОШКИ ВЕНЕЦИИ

А в Венеции
кошек-то, кошек
невозможных пород и мастей!..
Как рассвет — у дверей и окошек
намывают усердно гостей.
Те
летят и плывут отовсюду,
табунясь по кампо и кале[1],
одержимые жаждою чуда:
побывать —
на плаву он покуда! —
на идущем
ко дну
корабле.
Погружается вглубь понемножку
диво каменное старины.
Остаются туристы да кошки:
кошки
дому родному
верны.
Кошкам свойственно чувство
отваги.
...Пусть еще и с избытком гостей,
но белеют простынные флаги,
но палаццо что год, то пустей...
А вверху,
на колонне роскошной,
гордо высящейся у воды,
Лев Венеции[2]
кажется кошкой,
что загнали туда
псы беды.

ВОРОБЬИ

Черный шарфик, укутавший шею,
гравированных крыльев рубли...
До чего же
зимой хорошеют
наши серенькие воробьи!
От зари до зари у сарая,
хорохорясь в метель и мороз,
и дерутся-то словно играя
и играют как будто всерьез.
А потом
на родимом карнизе
примостятся
с тоской мудреца,
осознавшего сложности жизни
и пути — от яйца до конца...
Я
весною
касаток
встречаю;
провожаю в отлет журавлей,
но за преданность отчему краю
мне
воробушки наши
милей.

ПОДРЕЗЧИК КРЫЛЬЕВ

Подрезчик крыльев —
редкая профессия.
В ней главное —
успеть и устеречь,
чтобы и сущность птиц
посредством лезвия
отсечь
и птичью внешность
уберечь.
Допустим,
лебедь
или кто из множества
пернатых
вдруг
крыло настроит в путь —
подрезчик тут как тут:
а ну, под ножницы!
И — чики-чик! —
красуйся и забудь!..
Подрезчик крыльев —
вредная профессия.
Как ночь —
подрезчик мается, хмельной:
душа взыскует неба,
да подрезанные
крыла
бессильно бьются за спиной...

* * *

Люблю грозу
Ф. Тютчев

Люблю грозу
в начале осени,
когда
последний
летний гром
прокатывается по озими,
раскалываясь над бугром!
Захватывающее зрелище.
...Обряд прощания блюдя,
молчат дубы заматеревшие
под тихий реквием дождя,
стоят торжественно-степенные...
И лишь осинка малых лет
дрожит и машет в нетерпении
косынкой алою вослед...

* * *

Часовщик,
мой кудесник Хоттабыч,
поколдуй,
вот тебе циферблат:
передвинь
мои годы
хотя бы
на десяток делений
назад.
Пусть не в юность, а малость
постарше
перебросъ чудом чар и пружин.
Часовщик,
понимаешь ли, старче,
я, по сути, еще и не жил.
Сколько знаю себя,
все куда-то
сам спешил и других торопил,
лишь мелькали за датою дата
да пускались года на распыл.
В гору шел — налегке,
безмятежен,
про себя лишь, как тетерев, пел,
оглянулся —
да я же и не жил
и свое долюбить не успел.
Часовщик,
ты умеешь кудесить?
Поколдуй, вот тебе циферблат,
передвинь
мои годы
на десять
или двадцать делений
назад.
Ну чего тебе стоит, мудрейший,
удружи же, отблагодарю!..
Я
ошибки и промахи
взвешу
и судьбину свою
повторю...

---
[1] Площадь и улица в Венеции.
[2] Герб Венеции.

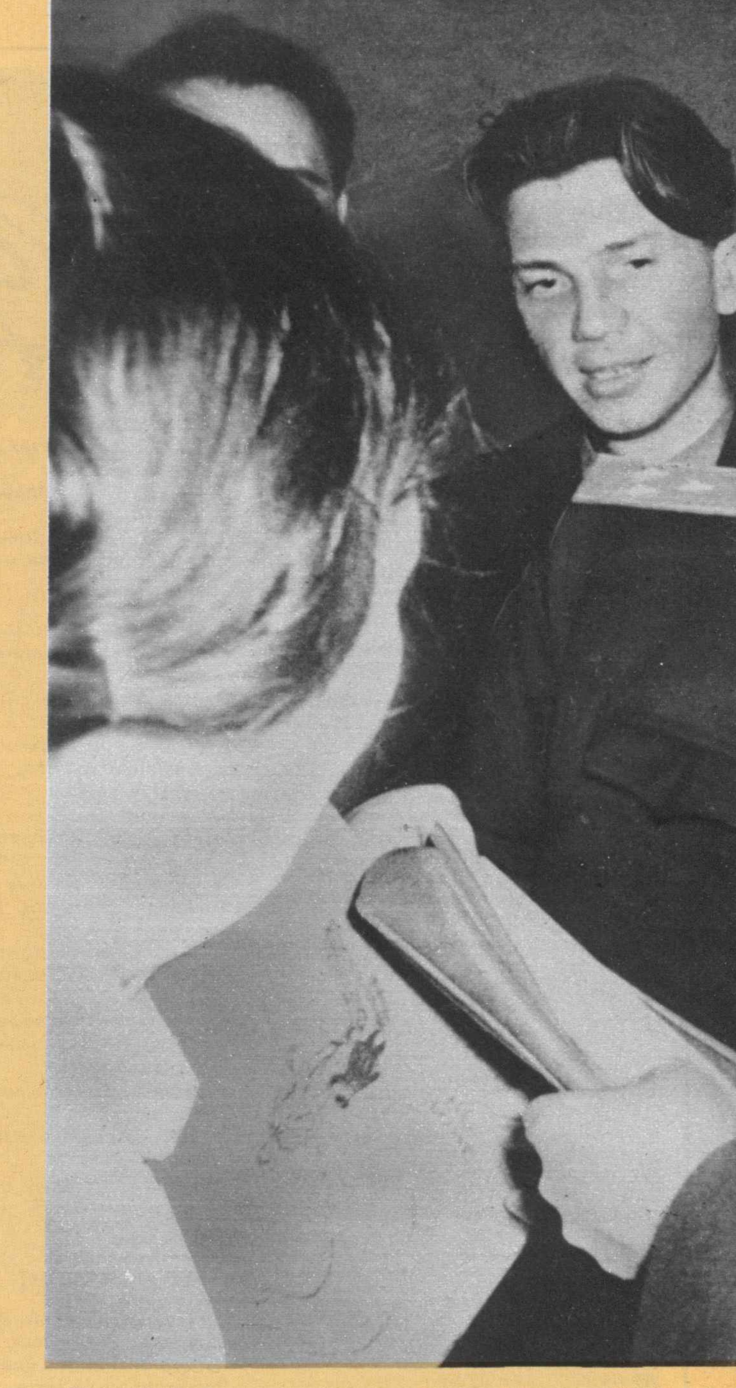

Ректор Литературного института, профессор В. Ф. Пименов.

Литературному институту имени А. М. Горького Союза писателей СССР исполнилось полвека. Из его стен вышли поэты, прозаики, драматурги, переводчики, чьи имена всенародно, а многие всемирно известны. Только что Литературный институт удостоен высокой правительственной награды — ордена Дружбы народов.

С корреспондентом «Огонька» беседует ректор Литинститута, известный литературный критик и театровед, заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор Владимир Федорович Пименов. Восемнадцать лет он руководит этим единственным в своем роде учебным заведением.

— Владимир Федорович, хотелось бы начать наш разговор с истории здания, в котором размещается Литинститут. Оно ведь тоже уникально.

У «Дома Герцена».

ЛИТЕРАТУРНОМУ ИН

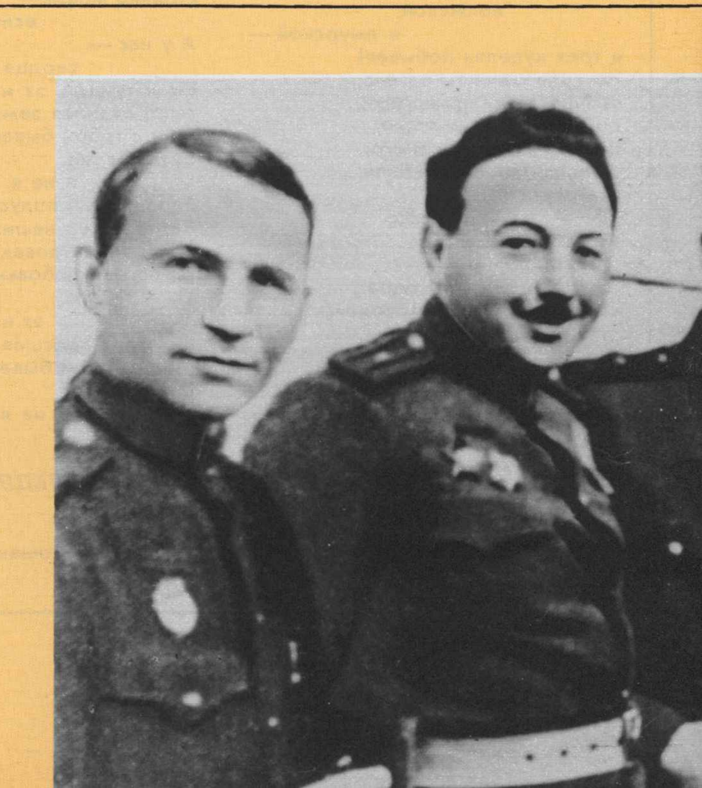
Фото И. ЧИРКОВА, А. ГОСТЕВА

— Несомненно, его история удивительна. Этот дом застал еще Наполеона. Не исключено, что офицер императорской армии Анри Бейль, будущий Стендаль, стоял здесь под вековыми деревьями, за чугунной оградой. В этих много повидавших на своем веку стенах родился человек, который «разбудил Россию»,— великий русский революционный демократ и писатель Александр Иванович Герцен. Дом этот он воспел в «Былом и думах». Есть предположение, что сюда, в литературный салон Свербеева, приходил Пушкин.

Создание нашего учебного заведения осенено дорогим всем нам именем В. И. Ленина, который, с одной стороны, жаждал видеть Россию грамотной, образованной, но, с другой стороны, понимал, как трудно было в самые первые годы Советской власти организовать именно такое, с уклоном в подготовку литературных кадров учебное заведение. В. И. Ленин, как вспоминает Горький, горячо интересовался пролетарской литературой. И спросил:

« — Чего вы ждете от нее?

Я говорил, что жду много, но считаю совершенно необходимым организацию литвуза с кафедрами по языкознанию, иностранным

Выпускники Литинститута — участники Великой Отечественной войны: Ив. Бауков, Ал. Исбах, М. Матусовский, Замятин, С. Наровчатов, М. Луконин.

Много лет председателем Государственной экзаменационной комиссии института был Всеволод Иванов.

М. А. Шолохов дает автограф выпускнику Литинститута Герою Советского Союза С. Курзенкову. 1958 год.

Перед студентами выступает Константин Паустовский. 1959 год.

СТИТУТУ - ПОЛВЕКА

Федор Гладков среди студентов Литературного института.

языкам — Запада и Востока,— по фольклору, по истории всемирной литературы, отдельно — русской...

Своих-то профессоров у нас нет по этой части, а буржуазные такую историю покажут... Нет, сейчас нам этого не поднять. Годика три, пяток подождать надо».

В 1920 году, согласно ленинскому плану монументальной пропаганды, на пилоне ограды установили барельеф с изображением Герцена и дом передали писательским организациям молодой Советской республики. Он стал родным для большинства писателей Москвы. Здесь бывали Блок, Маяковский, Есенин, Брюсов, здесь читались стихи, страстно обсуждались животрепещущие проблемы становления советской литературы.

— Поэтому, наверное, и неудивительно, Владимир Федорович, что именно в этом здании — Доме Герцена — разместился в 1933 году организованный по инициативе Горького Литературный институт?

— Вот вы назвали имя Горького, и мне глубоко символичным представляется это сочетание имен — Дом Герцена — Литературный институт имени Горького. Казалось бы, непохожие, разные судьбы, разные времена. Но в главном схожие — в яростном гражданском темпераменте, в огненной ненависти к рабству и несправедливости, в нежной любви к России, в стремлении высоким писательским и публицистическим словом творить добро. И вот еще в чем близки эти замечательные художники-патриоты — в бережном собирании талантов, в постоянной борьбе за будущее великой русской литературы.

Мечта Горького сбылась 1 декабря 1933 года, когда состоялось торжественное открытие в Москве Вечернего рабочего литературного университета (ВРЛУ).

Наш институт дал стране тысячи литературных работников, которые живут сегодня буквально от Москвы до самых до окраин. Вы заметили, я сказал — литературных работников, хотя надо бы сказать, тысячи поэтов, прозаиков, драматургов. Тут дело тонкое: один студент станет известным всему миру поэтом, другой будет скромно руководить какой-нибудь заводской литстудией. Важно одно: наш институт отбирает для учебы людей способных, талантливых, дает им образование, воспитывает.

— Но согласитесь, что даже такое уважаемое заведение, как ваше, не может «создать» поэта, настоящего прозаика?

— Иногда слышишь: разве можно создать талант? Как тут ответить? Да, нельзя создать из ничего талант художника, но если он есть, можно его укрепить, можно помочь человеку стать широко образованным, эстетически грамотным.

Разными путями приходят люди в литературу. Один из этих путей — Литературный институт, столь же важный, как и консерватория или художественные вузы. Литература, как музыка, как живопись,— профессия, а овладение профессией — это учеба, это передача опыта, это освоение традиций.

— Известно, что Литинститут окончили 3150 человек. Не могли бы вы назвать имена, что называется, самых, самых? Самых достойных, самых известных?

— Наш институт — кузница творческих кадров советской культуры. И мы, конечно, гордимся теми, кто создает сегодня отечественную литературу, несет знамя социалистического реализма, теми, кто были нашими воспитанниками. Хочу назвать имена лауреатов Ленинской премии, тех, кто когда-то переступал порог знаменитого Дома Герцена: Чингиз Айтматов, Юрий Бондарев, Расул Гамзатов, Егор Исаев, Сергей Михалков, Константин Симонов, Сергей Смирнов, Александр Чаковский. Семь бывших выпускников стали Героями Социалистического Труда, многие — лауреатами Государственных премий, премий имени Ленинского комсомола. Да что там говорить, вся страна знает имена поэтов, прозаиков, драматургов, переводчиков, учившихся в свое время у нас в институте: Воронько и Долматовского, Кугультинова и Наровчатова, Ошанина и Рождественского, Ахмадулиной и Трифонова, Капутикян, Яшина, Фирсова, Дамдинова, Федорова... Всех не перечислишь.

Лучшие мастера советской литературы преподавали и преподают в Литинституте. Творческими семинарами студентов руководили К. Федин, К. Паустовский, Л. Леонов, М. Светлов, Вс. Иванов, В. Луговской, Ф. Гладков, Л. Кассиль, И. Сельвинский, В. Лидин и многие другие.

— Владимир Федорович, в Литинституте учатся студенты из всех республик нашей страны, из многих стран мира. Видимо, интернациональное воспитание является одной из важных сторон подготовки будущих литераторов?

— Да. Именно здесь, в стенах института, многие студенты овладевали и русским разговорным и, что не менее важно для будущих писателей, русским литературным языком. Это служит сближению национальных литератур, строительству гармонической литературы и культуры будущего.

Во взаимном общении друг с другом студенты Литературного института, люди разных национальностей, постигали и постигают законы интернационализма, братской солидарности, уважения к национальным культурам. Немало молодых литераторов из социалистических и развивающихся стран Ближнего Востока и Африки получают дипломы Литинститута. Многолетняя дружба связывает наше учебное заведение с Литературным институтом имени Бехера в Лейпциге.

Огромное, ответственное дело поручено Литературному институту имени А. М. Горького — растить творческую смену, пестовать будущее советской литературы. И мы с гордостью отмечаем в эти дни наш юбилей.

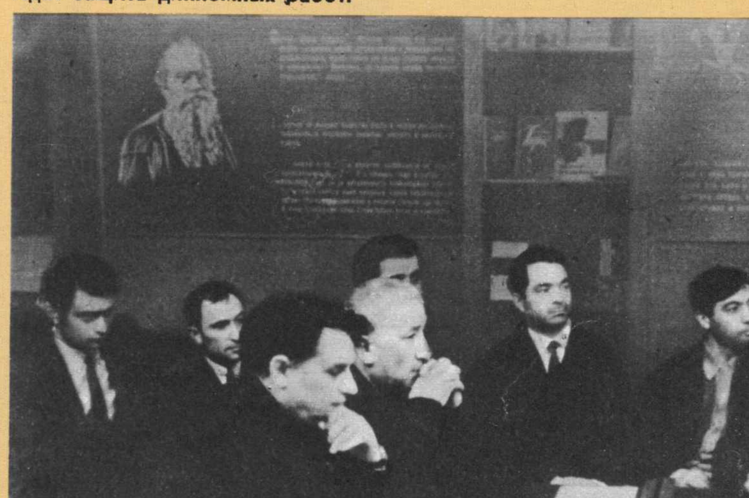
Беседу вел Феликс МЕДВЕДЕВ.

Александр Прокофьев с выпускниками Высших литературных курсов. Слева направо: Ю. Рытхэу, Ч. Айтматов, А. Прокофьев, Ю. Шесталов.

Идет защита дипломных работ.

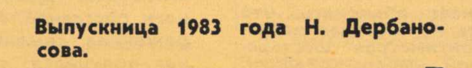
Встреча студентов с А. Т. Твардовским. 1956 год.

◀

Поэт Евгений Винокуров со студентами руководимого им поэтического семинара. 1983 год.

▶

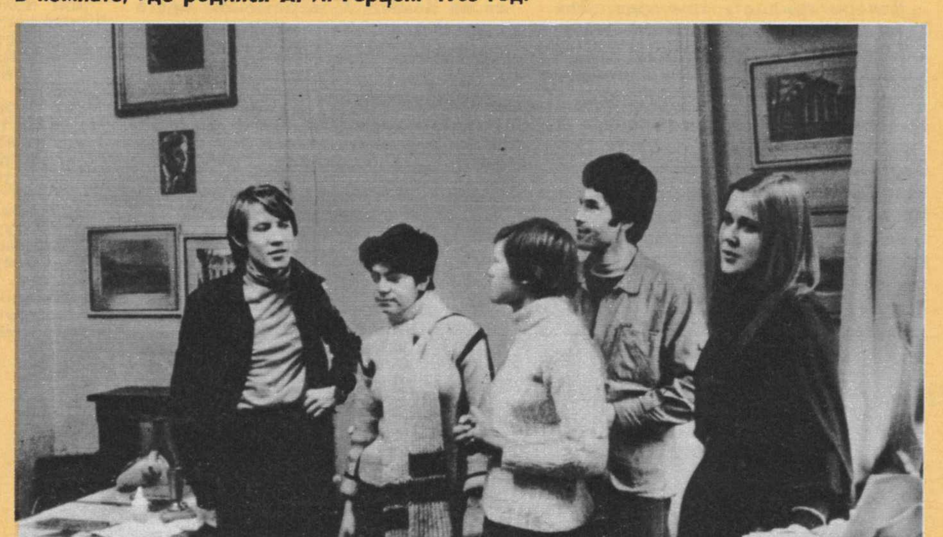

Выпускница 1983 года Н. Дербаносова.

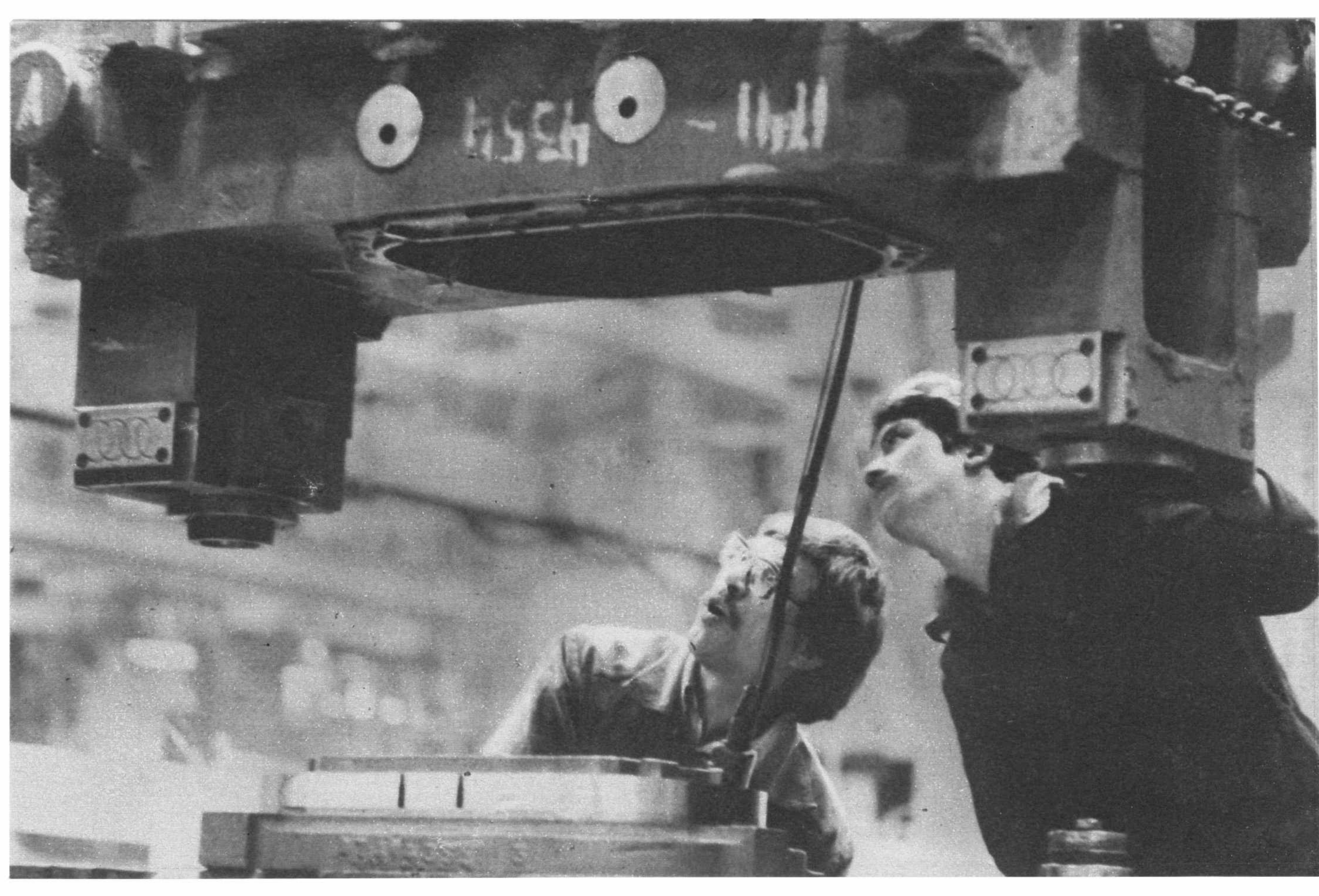
▼

В комнате, где родился А. И. Герцен. 1983 год.

«Огонек» на КамАЗе

Бригадир (слева) всегда готов прийти на помощь.

Г. РОЗОВ, фото автора

Неравнодушные

Съездить на рыбалку задумывали давно. Обсуждали всей бригадой, куда ехать, кому что брать, полировали блесны, ремонтировали спиннинги: словом, готовился праздник. На базу приехали вечером. Развели костер, уселись вокруг, и маленький кружок света еще больше сблизил и без того уже дружную бригаду слесарей-инструментальщиков. Дамир Ямилов и Валера Фокин пели татарские песни. Бригадир Слава Бородулин с женой Наилёй — свою любимую «Дым костра создает уют». Он и в самом деле, этот дым, обладает волшебными свойствами. Душа тянется к душе, самые сокровенные мысли просятся наружу.

— Вот вы объясните-ка мне,— размышлял вслух Валера Фокин,— почему так получается? Я больше десяти лет работаю здесь, на КамАЗе. Знаете: любой штамп сделать могу. И зарабатываю капитально — триста рублей. И жена у меня и две дочки... А в городе мне все равно как-то неуютно.

Валере тридцать три года. Для многих это возраст зрелой самооценки. И он, похоже, ждет от товарищей, и даже от меня, что успокоим его. Брось, мол, правильно живешь. Не терзайся. Но я молчу: не знаю, что сказать. Валера родом из татарского села. Оно здесь, рядом с городом. Когда начали строить КамАЗ, пошел на завод. За одиннадцать лет стал классным слесарем-инструментальщиком, председателем совета бригады. Человек он вспыльчивый, горячий, но в работе эти черты его характера совершенно не заметны. Наоборот, все отмечают его трудолюбие и основательность. Сам привел в бригаду брата: «Человеком его сделаю».

Слава Бородулин слушал, слушал Валеру и, наконец, не выдержал.

— Да брось ты! Знаем мы тебя! Никуда ты с завода не уйдешь. И работа у нас самая нужная. Вот,— он берет в руку ложку,— это штамп. А кружка? Тоже штамповали. И зажигалка. Смотри. Она же сплошь штампованная. Ты гордиться должен своей профессией, и ведь гордишься на самом деле!

Оба правы, наверное. Один — в своей уверенности, а другой — в своих сомнениях. Однако у бригадира проблемы другие — о них чуть позже пойдет речь, сейчас несколько слов о нем самом. Он горожанин. Родом из Челябинска. Там окончил техникум, стал слесарем-инструментальщиком шестого разряда. Женился, понадобилось жилье. Вот и подался на КамАЗ. С переменой места жительства для него ничего не изменилось. Город везде город. А вот завод... О заводе он говорит уважительно:

— Самый передовой в отрасли. Даже в Тольятти такие станки, как у нас, еще и не видели, наверное. И штампы мы для всех автозаводов страны делаем. Вот сейчас у нас в работе вытяжной штамп для крыши уазовского фургона. Он шестьдесят тысяч стоит. Трудоемкость — тысяча сто часов, а допуски плюс-минус пять микрон.

Я видел этот штамп. Три дня Слава гладил его бормашиной. И еще неделю будет обхаживать.

— О чем думается? — спрашиваю у Бородулина, когда он отрывается от работы, чтобы сменить наждачный круг.

— А я по сторонам посматриваю. Не надо ли ребятам помочь. И еще... У меня есть идея. Пойдем покажу.

Бородулин подводит меня к металлическому коробу с обрезками стального листа. Рядом громыхает мощный японский пресс. После каждого удара из него вываливаются в один короб готовые детали, а в другой — металлолом.

— Вот, — перекрикивает шум Слава, — это доходы, а это отходы. Отходов-то многовато. Процентов тридцать. Я давно к этим процентам присматриваюсь.

И он начинает объяснять, что можно сделать из обрезков металла длиной сантиметров шестьдесят и шириной около тридцати. Как надо изменить штамп, чтобы за один заход получить из стальной полосы еще две детали. Трудоемкость резко уменьшится, и гора металла сэкономится. Рационализация — любимый конек Бородулина. Два года назад он принес в отдел методов обработки два первых своих предложения. А там в то время был начальник, который с ходу отмел их, как нелепые прожекты. Вообще-то недоверие понятно: Бородулин всего только техник. А технологию разрабатывали ученые в специальном институте. Отсюда и недоверие и нежелание всерьез разобраться. Но Славу уже ничто не могло остановить. Для начала он пошел за помощью в управление главного конструктора объединения. Вернее, к молодым инженерам Наилю Беляеву, Евгению Когану и Михаилу Малинину. Ребята помогли ему сделать расчеты прочности и другую инженерную работу. Правота Бородулина подтвердилась, а заодно возникла, так сказать, еще одна бородулинская бригада — творческая комсомольско-молодежная: сам Слава и три инженера. Два первых предложения пошли в дело и дали экономический эффект двадцать пять тысяч в год. Вскоре Бородулин попросил секретаря комитета комсомола завода Николая Ларина сходить с ним к директору завода Вадиму Николаевичу Паслову. К тому времени подготовили еще десять рацпредложений. Пять предложений были приняты и сейчас в стадии внедрения. Ожидаемая экономия проката — две тысячи тонн в год. А в деньгах это выглядит еще внушительнее...

— Знаешь, — предложил мне Слава, — приходи-ка вечером на чаек. И времени будет побольше, и с тещей познакомлю. Она у нас — человек! Почетный гражданин Магнитогорска, ветеран Магнитостроя. Девятерых детей на ноги поставила. А когда всех переженила, семейный интернационал получился: татары, украинец, русские и еще есть такая народность — гагаузы, в Молдавии живут. Ребята поразъехались по всему Союзу. Вот мама теперь навещает их по очереди.

Когда вечером я позвонил в квартиру Бородулиных, Гульсуры Хасанзяновой дома не оказалось: действительно уехала к кому-то.

Со Славой в тот вечер мы наговорились вволю. Рассказывал он в основном о своей бригаде:

— Нам уже пять лет. С самого начала бригада организована как комсомольско-молодежная. Это уже само по себе необычно: сле-

сарь-инструментальщик — особая профессия, считается, что надо проработать минимум семь лет, чтобы мало-мальски набраться опыта. А у нас, так сказать, быстрая смена поколений.

Четверо наших сейчас служат в армии. Ирик Садыков и Леша Сивков лисьма в бригаду пишут. Собираются вернуться. Хорошие ребята, но назад в бригаду их взять вряд ли удастся. Скорее всего придется еще одну бригаду организовывать, потому что большим коллективом инструментальщиков управлять очень трудно, а нас уже сейчас девять человек. Пока что мы считаемся лучшей бригадой во вспомогательном производстве завода. Это удается только потому, что на заводе внедрена бригадная организация труда. Оплата повременно-премиальная. Раньше, при сдельщине, каждый о себе заботился. Теперь задание дается всей бригаде, и ребята поопытней, вроде Валеры Фокина, очень заинтересованы в том, чтобы новички быстрее осваивались. Есть, правда, и в этой системе один пробел. Она не учитывает чисто психологических и физических различий людей. Ведь ясно же, что мы от природы наделены и разными талантами, и здоровьем, и трудоспособностью. Даже при одинаковых разрядах разные люди работают неодинаково: один быстрее, другой медленнее. А на оплате это никак не сказывается. Получается уравниловка.

— Постой,— спрашиваю,— а коэффициент трудового участия?

— У нас он не работает. Совет бригады пускает его в ход только в случае серьезных нарушений дисциплины. Ну, представь... Как я, например, скажу, что кто-то соображает медленнее меня и потому ему надо зарплату срезать? Неловко. Вот поговаривают, что скоро начнут учитывать еще и реальный труд каждого члена бригады.

— Это что же, возврат к сдельной оплате?

— Нечто вроде. В сочетании с бригадной организацией будет и разумно и справедливо. Ребята и сейчас работают хорошо, а тогда появится дополнительный стимул, чтоб шевелить мозгами. Тем более есть чем шевелить. Вот, например, Роберт Халитов. Умница, еще до армии окончил техникум, а в этом году поступил в политехнический институт — будет осваивать обработку металлов давлением. Ему и книги в руки. Мы считаем, что всегда есть возможность придумать что-нибудь для снижения трудоемкости. Так мы, впрочем, всегда и делаем. А инициативу надо поощрять, как считаете?..

Согласен с этим и директор прессово-рамного завода Вадим Николаевич Паслов:

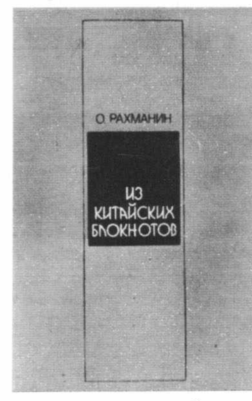
— Да, Бородулин прав. Бригаду его я очень ценю. Там ребята неравнодушные. По сторонам смотреть не устают. С такими много хлопот, но это приятные хлопоты.

* * *

Редакция обращается к вам, дорогой читатель, с просьбой высказать свое мнение о проблеме, которая так остро встала перед бригадой Бородулина и, вероятно, волнует не только их коллектив.

среди книг

ГОДЫ В КИТАЕ

Известный советский китаевед, доктор исторических наук, профессор О. Б. Рахманин написал книгу «Из китайских блокнотов», посвященную культуре, традициям, обычаям Китая. Работа О. Б. Рахманина представляет тем больший интерес, что она полностью основывается на документальных записях автора, долгие годы жившего в Китае, прекрасно знающего эту страну, ее историю, людей и древнюю культуру.

Постоянное, личное присутствие рассказчика чрезвычайно важно для того жанра, в котором написана рецензируемая книга. Действительно, можно было, например, и по литературным источникам рассказать о крупнейшем современном китайском прозаике и публицисте, драматурге и поэте Лао Шэ, но насколько ярче, динамичнее становится повествование, когда автор обращается к своим долгим беседам с великим писателем; останавливает наше внимание и на убранстве его квартиры, которая «была собранием уникальных книг, сувениров, цветов»; и свободно передает живую речь Лао Шэ, с юмором вспоминавшего, например, о писательском съезде в Москве. «Я,— сказал Лао Шэ,— из писателя превратился в заседателя (по-китайски, комментирует О. Б. Рахманин, это звучало еще тоньше: из «цзо-чжэ»—«писателя» стал «цзо-чжэ»—«сидящим», «просиживающим»)». Так, через на первый взгляд мелкие, но выразительные детали создает автор живой облик своих героев и собеседников. И это в сочетании с концептуальными наблюдениями и выводами придает работе стереоскопичность, насыщенность и глубокую достоверность.

В книге перед читателем проходят выразительные портреты писателей Мао Дуня, Сяо Саня, Чжао Шули, Цао Цзинхуа, Гэ Баоцюаня, Ай Цина, Тянь Ханя, Цао Юя, Ся Яня, основоположников современной китайской музыки Не Эра и Си Синхая и других замечательных представителей китайской культуры. Многих из них связывала долгая, искренняя дружба с советским народом, советскими деятелями культуры. В то время, к которому относится книга О. Б. Рахманина (50-е — начало 60-х гг.), активно развивались культурные связи наших стран, популяризировались советское искусство и литература в КНР. И в этой важной и полезной работе была большая доля труда автора книги «Из китайских блокнотов», одного из тех, кто практически воплощал в жизнь дело советско-китайской дружбы.

Публицист и ученый, О. Б. Рахманин, около 15 лет проработавший в Китае, не затушевывает трагедию, которая постигла страну в период «культурной революции». Но жестче становится стиль заметок, суровее авторское слово, почти протокольно передающее ужас случившегося. «Лао Шэ оказался одним из многих, схваченных в ходе погромов, прокатившихся по Пекину. Вначале его избили, пытаясь вырвать заявление политического характера. Однако писатель не склонился перед насилием. Он с возмущением отверг предъявленные ему требования. Упорство, с которым Лао Шэ противостоял грубой силе, лишь распаляло его мучителей: они избивали его до глубокой ночи. Утром 24 августа 1966 г. тело Лао Шэ было обнаружено в одном из городских прудов, сплошь покрытое ранами и следами побоев. Рядом плавала записная книжка писателя».

Лапидарность и даже некоторая скупость формы заметок О. Б. Рахманина привлекают тем, что автору удалось на сравнительно небольшой площади сконцентрировать значительную энергию публицистического слова и фактических знаний того, что он выбирает предметом повествования. За страницами книги чувствуются большая эрудиция ученого и его любовь к древней земле и людям Китая.

Отправляясь вместе с автором в путешествие по стране, мы побываем в городах и провинциях Китая, посетим древний Лоян, проедем по строившейся с помощью советских специалистов железной дороге Баоцзи — Чэнду, увидим знаменитые Юньганские пещеры, познакомимся с городом Бэйдайхэ, курортом на берегу Желтого моря, и другими уголками страны. Памятники истории и современная жизнь Китая интересуют автора, заставляют пристально всматриваться в прошлое и точно оценивать современность. О. Б. Рахманин четкими и уверенными штрихами пишет свой дневник. Видимо, так и надо рассказывать о стране многовековой цивилизации, в которой высоко ценится отточенность мысли и четкость ее выражения. Но при всей сдержанности автора книга чрезвычайно информативно насыщена, она несет массу интересных сведений, способных разбудить у широкого читателя интерес и уважение к прошлому и настоящему Китая.

Вот, например, автор повествует о поездке в город Ханчжоу, один из древних исторических центров Китая, отправной пункт строительства Великого канала. «К северу от дамбы Суди,— пишет О. Б. Рахманин,— находятся могила и храм народного героя эпохи Сунской династии Юэ Фэя (1103—1141). Могила Юэ Фэя — скромное, но запоминающееся архитектурное сооружение, место поминания воина-патриота. В отдалении — скульптурное, шаржированное изображение людей, стоящих на коленях. Это предатель Цин Гуй и его жена, ставшие виновниками смерти Юэ Фэя. Каждый посетитель считает необходимым плюнуть на эти статуи или бросить в их сторону какие-то отбросы. И так десятки, сотни лет: из поколения в поколение наказывают презрением предателей. Из храма Юэ Фэя горная дорога ведет к древнему монастырю Линьиньсы. По пути причудливая скала Фэйлайфэн высотой 200 метров. По народному преданию, в 328 году н. э. эти места посетил индийский монах. Увидев скалу, он воскликнул: «Это одна из скал индийского нагорья! Когда же она успела перелететь сюда?» Окружающие не поверили сказанному, а монах продолжал: «На этой скале с древних времен живут две обезьяны — черная и белая; они не покидают пещеру, закаляя себя, чтобы в будущем стать святыми. Они обязательно должны перелететь вместе со скалой». Монах что-то громко прокричал, и сразу же из пещеры появились черная и белая обезьяны. С тех пор эта скала называется «Фэйлайфэн», что означает «Прилетевшая скала». Таких рассказов о прошлом, об исторических памятниках немало в книге Рахманина, и они придают его работе особую ценность. Действительно, что может быть привлекательнее древних легенд, в которых отразилась высокая культура.

О. Б. Рахманин не только хорошо знает, но и понимает Китай, его традиции и обычаи. А это не одно и то же. Понимание, конечно, основывается на глубоком знании, но представляет собой качественно более высокую ступень постижения необычной страны, которой посвящена эта книга. Обратимся теперь к очень интересному разделу — заметкам «О некоторых китайских обычаях, традициях, праздниках». Среди прочих в них содержатся, например, уникальные сведения о традиционном искусстве — резьбе по камню; тонкостях изысканнейшей китайской кухни; тайнах каллиграфии и т. д. Все это не только ведомо автору, но изучено, исследовано, можно сказать, «прожито» им. В данном случае в лице автора заметок мы встречаемся с ученым, отчетливо сознающим, что в традициях и быте народа нет и не может существовать мелочей для того, кто хочет постичь его душу; и писателем, сумевшим передать немало удивительных, запоминающихся подробностей, делающих наше представление о Китае и его традициях шире и разнообразнее.

Во введении к своей книге О. Б. Рахманин остановился на трудах русских и советских синологов в исследовании китайской истории и культуры. Можно с уверенностью сказать, что среди многих работ отечественных ученых о Китае не затеряется и эта небольшая емкая книга, написанная талантливо, с любовью и уважением к замечательному, трудолюбивому китайскому народу. И, конечно, прочтя эти записи, нельзя не разделить точку зрения автора, что китайский народ «ждет лучшая судьба, в том числе дружба и сотрудничество со своими соседями, друзьями, которые никогда не оставляли этот народ в беде».

Я уверен, что многие, познакомившись с книгой О. Б. Рахманина, захотят еще больше узнать о Китае. И достойное место в фундаменте их знаний займут записки «Из китайских блокнотов».

В. ЕНИШЕРЛОВ

О. Б. Рахманин. Из китайских блокнотов. М., «Наука», 1982. 112 стр.

Г. ЗИМАНАС,
член ЦК КП Литвы,
главный редактор
журнала
«Комунистас»

Широко известен на литовской земле совхоз имени XXV съезда КПСС. Богатства его — ухоженные поля, фермы, удобные, со вкусом спланированные поселки; во всем этом, по признанию работников хозяйства, плоды братской дружбы советских людей разных национальностей. О делах совхоза — публикуемый очерк.

«СЕКРЕТЫ» ДИРЕКТОРА ДОКШАСА

Фото Г. КОПОСОВА

Я много лет знаю директора совхоза имени XXV съезда КПСС Зигмаса Докшаса. Но сегодня встреча особая — Зигмасу Докшасу присвоено звание Героя Социалистического Труда. И мне интересно слушать неторопливый, мудрый рассказ его о прожитом и пережитом, острые суждения о людях, событиях, явлениях. Ему пятьдесят лет. И он вправе говорить о судьбе поколения, не по возрасту рано познавшего сложные жизненные коллизии.

— В школу я пошел уже в годы Советской власти. Потом зоотехнический техникум, накрепко связавший меня с комсомолом. И вот я, еще совсем молодой парнишка, уже первый секретарь райкома комсомола. Тут и держало первое испытание мое чувство долга. Слово и дело...

Партия отбирала людей для работы на селе. Записывались многие — почти весь партийный и советский актив района. Но когда пришло время ехать в колхозы и совхозы, у иных не хватило духу выполнить свое обязательство. Я так не мог поступить, считал унизительным отказываться от своего слова. Из всех записавшихся на село отправились только двое. Один из них — ваш собеседник...

Я стал председателем захудалого колхоза. Тогда почему-то считали, что в слабые колхозы надо посылать людей без опыта. «Пусть себя покажет». А в крепких колхозах оставляли людей опытных, хотя по законам логики надо было поступать наоборот. Вот и стал я барахтаться в этом колхозе. Ресурсы хозяйства считать не умели, да и не хотели. В пример ставили того, у кого урожай на гектар был больше, надой на корову выше. И не задумывались над тем, что у передовика и земля получше и построек и людей у него побольше. Было еще одно обстоятельство, мягко говоря, затруднявшее мою работу. Дело в том, что при выборе секретаря райкома партии я высказался против, так сказать, кандидатуры номер один. Меня поддержали некоторые товарищи: они тоже считали, что кандидат этот не обладает качествами, которыми должен обладать руководитель партийной организации. В зале наступило некоторое замешательство. Кое-кто считал, что мы нарушили установившийся порядок. «Как же так, кандидатура согласована, одобрена...» Мы не добились своего. Выбрали того, кто был намечен. Но новый секретарь не забыл моего выступления. Хозяйство наше стало получать меньше кредитов, удобрений, машин. «Сильная рука» всюду ставила мне препоны. Я, конечно, не молчал, но рука все действовала.

И все же дела в нашем колхозе стали поправляться. За счет чего? Я стал наводить элементарный порядок. Не терплю разболтанности, безответственности. И сам старался слово подкреплять делом. Обещал, и люди тебе поверили,— вроде облегчил себе задачу. Но если обманул — больше доверия тебе не будет. Вот я и поставил себе за правило: не можешь — не обещай, а обещал — выполни, как бы трудно ни было. Люди это заметили, и я почувствовал: мне доверяют.

Стали мы ползти вверх. Но колхоз, где я был председателем, объединили с совхозом. И решили, что руководителем буду не я. Это за критику, ее, увы, не забыли.

Что делать? Я решил перейти в другой район, благо меня пригласили туда. Поработал некоторое время в управлении сельского хозяйства, а вскоре стал директором совхоза.

Меня часто спрашивают: «С чего ты начал, когда пришел в совхоз?» С заботы о людях. Я понимал: все нужное совхозу могут сделать только люди. Значит, о них надо заботиться. Не подумайте, что я заботился только о выгоде для хозяйства. Нет! Социализм — такой строй, при котором человек должен хорошо работать и хорошо жить. Меня тогда сильно критиковали и соседи и начальники. «Что ты делаешь? Коровник надо строить, а ты детский сад задумал». Но я делал свое. Я, конечно, не забыл про коровник. Но для меня заботы о людях и о производственных нуждах сливались воедино. Это две стороны единого процесса. Разве может человек сказать: я теперь не буду дышать, пока буду только есть, а когда поем, тогда и надышусь? Вот почему нельзя, на мой взгляд, в хозяйстве противопоставлять заботу о социальных нуждах людей хозяйственным делам. Не будет леса, если не будет хороших деревьев в нем. И вскоре выяснилось, что самыми рентабельными оказались вложения, которые были связаны с социальными нуждами тружеников совхоза. И проявилось это прежде всего в том, что у нас была решена самая главная проблема — рабочей силы. А если в хозяйстве мало людей, то что можно сделать, будь ты даже семи пядей во лбу.

Людей у нас теперь достаточно, и в частности молодых. Некоторые мои коллеги ходят по школам и уговаривают выпускников оставаться в колхозе или совхозе. У меня другая точка зрения. Пусть в первую очередь решают сами. Советская власть дает все возможности стать специалистом, зачем же лишать парня или девушку этой возможности? С другой стороны, нельзя и пожилых людей, создававших наше хозяйство, увольнять, пока не пришло для этого время. Так делать — аморально и гибельно для коллектива.

— Почему люди к вам идут и от вас не уходят? Как вы это объясняете? Вы больше платите или у вас условия жизни лучше?

— Думаю, что и то и другое. У нас заработки несколько выше. Мы платим примерно на пятьдесят процентов больше, чем в среднем по району. А выработка на одного работающего у нас в два раза больше, чем в среднем по республике. Но не только это решает проблему кадров. Людям надоел беспорядок в некоторых хозяйствах. Они стремятся к тому, чтобы не было штурмовщины, они требуют условий для хорошего отдыха, выходные дни. Мы стремимся выполнить эти их законные желания. На добро люди отвечают добром.

Вспомните 1982 год. Какая была тогда дождливая погода. В иных хозяйствах потеряли половину урожая. А мы и колоска не оставили в поле. Мы не ждали хорошей погоды, и люди очень старались. В тяжелых условиях убрали весь урожай. Это была победа дружного, слаженного коллектива.

...Мы ходим с Докшасом по поселку. Прекрасные коттеджи. Облик каждого из них индивидуален, каждый по-своему хорошо и своеобразно украшен. Проекты таких коттеджей люди заказывают сами. Красивый жилой дом — одно из важных условий сплочения коллектива. Летун дома не строит. А кто построил дом, тот будет в коллективе работать и жить.

Подошли мы к детскому саду.

— Это первое здание, с которого мы начинали,— рассказывает Докшас.— По-моему, детскому садику принадлежит исключительно важная роль в жизни хозяйства. Родители довольны: есть кому позаботиться об их детях. И еще. Бывало, спросишь молодых: «Почему у вас детей нет?» Отвечают: «Боязно. Что же, хозяйке работу бросать?» Нет теперь у нас этой проблемы.

Мы тогда еще не были ни богаты, ни знамениты, как сегодня. И денег у нас не было лишних. Мы взяли ссуду в банке и решили так: если строить, то хорошо. Чтобы садик не только пользу приносил, но и прививал детям чувство прекрасного, чтобы именно ребенок преподнес отцу цветы, когда колхоз его поощряет, чтобы он был рядом с отцом, когда тот кончает сев или завершил уборку. Дети должны знать о заботах и трудовых успехах родителей, гордиться ими.

...На территории садика маленький автополигон с моделями светофора, игрушечными машинами.

— Живем-то мы около магистрали,— продолжает З. Докшас,— машин много, дети будут в город ездить, пусть знают правила дорожного движения. Это необходимо. Взялись мы и за школу. Родители хотят, чтобы дети росли и учились там же, где они живут. Сельский ребенок, чтобы попасть в школу, должен подниматься ни свет ни заря, а его товарищ, живущий в поселке, последний сон досматривает. После уроков сельских детей ждет автобус, а в школе учитель придумал встречу, репетицию, диспут, в общем, что-то из того, что почему-то называют внешкольной работой, хотя это и есть самая важная работа для многогранного воспитания юноши и девушки. А сельский ученик не может остаться в школе — «надо домой, автобус ждет». Вот сельские и отстают. Я это с детства помню: в школе были сельские и городские. Мы, сельские, были вроде не глупее, а все же больше уважали городских. И с детства я переживал это. Когда сам стал руководителем, все делал для того, чтобы сельский ученик был не хуже городского. Школу мы решили построить красивую. Даже фрески в ней предусмотрели. Сколько в связи с этим было разговоров! В школе фрески? Да ведь дети их изгадят. Наши фрески — работа художницы А. Баните, ныне она лауреат Государственной премии СССР, и Ю. Восилюса. Уже сколько лет они в школе, но ни одной черточки дети на них не сделали, хотя толпятся около них постоянно.

Мы стремимся, чтобы побольше уроков было на лоне природы.

●

Центральный поселок литовского совхоза имени XXV съезда КПСС * Деревце на память. В семье Вамбутеней родился сын. Данута — учительница, Аницетас — директор Дома культуры. По обычаю они сажают дерево в Сквере новорожденных.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: В совхозе строится бассейн * Еще в одном доме скоро справят новоселье * Порадуем земляков!— к концерту самодеятельности готовятся учительница Юрате Петкявичюте, председатель профкома Петрас Раудонюс, секретарь парткома Леонас Лукошюс и школьник Адольф Бинтакис * У механизаторов начинается рабочий день * Почти миллион бройлеров выращивается на совхозной птицефабрике.

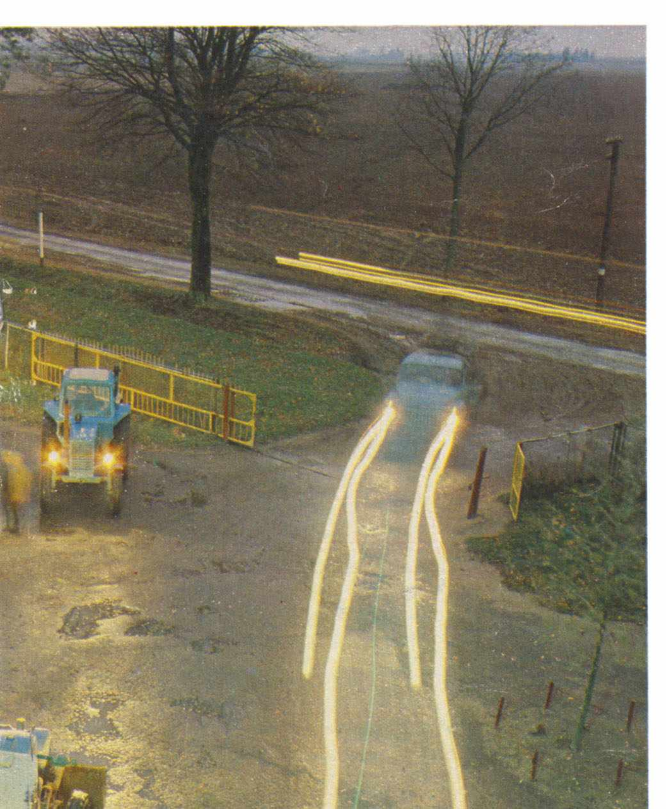

VYTAUTO KALINAUSKO
KŪRYBOS PARODA

LĖLĖ
Katės

40

Для этого и соорудили школьный сад. Там — искусственный маленький Нямунас, Куршский залив. Пусть дети знают, в каком краю живем. Не хотим, чтобы наши дети спрашивали у матерей, не растет ли морковка в магазине. Вот почему при школе существует садик, в котором работают сами дети. Здесь выращивают те овощи, которые бывают на столе у колхозников. А дальше — парк, где все деревья и кусты, которые растут в Литве. Мы так и говорим учителям — больше уроков на чистом воздухе. И чтобы учитель показывал, а не только рассказывал.

Пришло время и для новой столовой. Старая уже не устраивала нас. Туда и зайти не хочется. Колченогие столики, объедки, мухи. Мы хотели, чтобы у нас столовая была красивой. Именно красивой. Заказали новые удобные, красивые столы, стулья. Впору хорошему городскому ресторану. Решили и столовую украсить фресками. И опять начали судачить: для чего, мол, фрески в колхозной столовой.

Во многих наших хозяйствах люди сейчас тянутся к искусству. В некоторых колхозах создают свои картинные галереи. Хорошо! Но бывает и так: кичатся «галереей», а искусства там ни на грош. Тут нельзя не вспомнить такую поговорку, несколько перефразированную: «Я не настолько богат, чтобы покупать дешевые произведения искусства». Деньги, возможно, сэкономлены, но пользы от того нет никакой, ибо нет и искусства. Важно, чтобы люди видели подлинные творения искусства. Когда сельский труженик найдет время пойти в музей? Важно, чтобы всюду были предметы, воспитывающие вкус, любовь к красоте.

— Ну, а если вернуться к заботам хозяйственным?

— О, их у нас много. Есть в республике баллы, по которым принято оценивать почвы. Так вот, наш балл значительно ниже республиканского. А урожай у нас в среднем всегда на 8—10 центнеров выше среднереспубликанского. Да вот беда — ветровая эрозия. Тут переплетаются и хозяйственная и социальная проблемы. У нас много было разговоров о хуторах. Когда с ними стали расставаться, то кое-кто слезу пустил по этому поводу. Главным образом горожане, которые летом любят пожить месяц-другой в деревне. Однако селянину-то на хуторе тяжело, особенно зимой. Значит, надо переселять его в поселки. Теперь, когда хутора снесены, на наших легких почвах остро заявила о себе ветровая эрозия почвы.

Мы стали думать о лесозащитных полосах, которые, как правило, в Литве действительно не всюду нужны. Но наше хозяйство без них просто не может существовать. Предложил я высаживать их. И тут опять на меня: «Что ж это — на пахотных землях лесозащитные полосы? Все это ты, Докшас, мудришь. А как раньше тут люди жили без всяких полос?» Не хотят видеть, что иные сейчас времена. Что такое хутор? Это постройки, кругом сад, деревья, кусты. Ветру негде разгуляться. А ныне мелиораторы убрали хутора,— большое спасибо им за это. Но теперь ветер гудит, свистит, землю носит, наши почвы-то легкие. Как сейчас здесь работать? Вот и начали мы закладывать лесозащитные полосы — единственное это спасение. Думаю, что наши противники скоро в этом убедятся. Конечно, землю надо экономить, беречь, но если ветер выдувает целый массив, то не лучше ли пожертвовать частью его, чтобы весь он давал зерно, чем жалеть землю для лесозащитной полосы, а потерять весь массив?

Этого не хотят понимать некоторые наши «советчики». Есть у нас такие. Всех поучают, но ни за что по-настоящему не отвечают. Если что — в кусты. А зарплата-то идет... Я не против совета, но если он продуман и дан со знанием дела. И главное: дал рекомендацию — отвечай вместе со мной. А то ведь бывает и так: если совет принес удачу, тогда советчик спешит объявить: «И мы пахали». Если неудача, он в кусты, меня, мол, неправильно поняли. Я всегда ищу умного человека, который помог бы мне принять правильное решение. Но это должен быть совет знающего товарища, он не должен быть мне навязан, меня надо убедить. А если навязываешь, то бери и на себя часть ответственности.

Сколько раз говорилось о том, что надо кончать с мелочной опекой хозяйств. Но ведь она продолжается. А все советчики с амбицией. Вот почему подчас у принципиального директора много недругов. Не пора ли совсем по-иному вести дело — получай государственный заказ и выполняй его как разумеешь. Сейчас же мне распределяют посевные площади: столько сей того, столько этого. Безответственные советчики не думают, что если я должен получить хороший урожай зерновых, то нужны хорошие предшественники. Нет, сей столько-то и столько-то процентов. А если я при правильном севообороте выполню задание на меньшей площади, а на большей площади задания не могу выполнить, ибо нет предшественников?

В стране идет перестройка руководства сельским хозяйством. Надо сделать так, чтобы созданные агропромобъединения все были бы заинтересованы в успехе. И в материальном его выражении.

...Беседуя, мы вновь возвращаемся в поселок. Внимание привлекает многоквартирный жилой дом, его архитектура. Это современный дом, но в его профиле что-то напоминает старые местные строения. Смотрится он в целом прекрасно — курортная постройка.

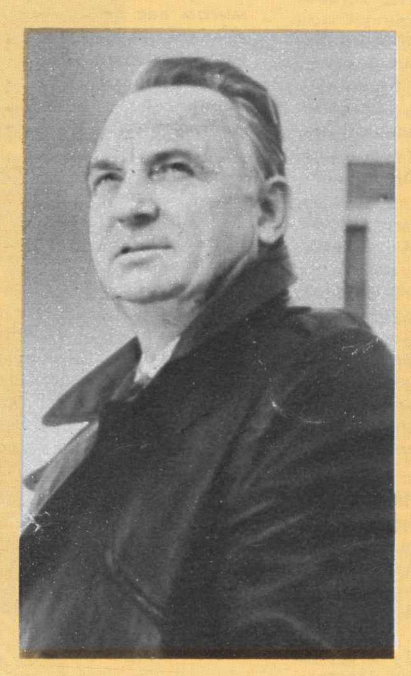
— Это для специалистов совхоза,— говорит директор.— Они не всех хотят иметь свои дома. Возможно, не желают себя привязывать к совхозу. Глядишь, и выдвинут тебя куда-нибудь,— с легкой иронией говорит Докшас.

— Где они содержат скот?

— Кто хочет его держать, для тех есть общественный коровник — вон за этими кустами. А кто не хочет, того мы не неволим. Личное хозяйство — дело очень полезное, выгодное и государству и семьям, но оно добровольное. Все, у кого есть свои домики, рядом ставят и хозяйственную постройку. Помогаем им нормами, пастбищем.

...Кабинет у Докшаса скромный, небольшой, но обставлен со вкусом. Распахивая дверь в соседнюю комнату — стены ее выложены шестигранниками,— директор говорит: «Здесь заседаем». В центре комнаты — большой круглый стол.

— У нас больше принято столы ставить в виде буквы «Т»,— улыбается директор.— Во главе сидит «сам», «хозяин», как его иногда называют, рядом замы, главные специалисты, затем идут рангом пониже, а в самом конце — «галерка». Разговор идет главным образом между теми, кого относят к «верхушке», а «галерка» только слушает. Редко кто слово скажет, да и то оно до «верхушки» не дойдет. Возможно, не всюду такой порядок, но он все же и не редкость. В мой адрес немало шпилек было пущено, когда увидели этот круглый стол. Мол, Докшас задумал «объединенные нации» устраивать. А мысль-то у меня какая была? Когда стол круглый, то нет у нас ни «верхов», ни «галерки». Сидим вокруг одного стола, стало быть, все тут равны. Вместе решаем, вместе и выполнять будем. Каждый имеет право сказать свое слово. Конечно, не всегда можем согласиться, но выслушать любого — это у нас закон. Я думаю, что только неспособные, трусливые руководители боятся выслушать иное мнение. Человек хорошо знает какой-то свой участок работы, которого руководитель может и не знать. Да он и не может все знать. Конечно, можно по-бюрократически вести разговор у круглого стола и демократически у стола в виде буквы «Т». Но формой своего стола мы хотели подчеркнуть наше желание, чтобы многие участвовали в принятии решения.

Зигмас Докшас.

— А шестигранники на стене что означают?

— Это соты. Мы все в одном улье. Все стремимся внести свой взяток в общий вклад, все ненавидим трутней. Хочу, чтобы это чувство единого улья было у всех членов нашего коллектива. Но для этого мало посадить актив у круглого стола и налепить шестигранники на стены. Тут требуется много слагаемых. И справедливое вознаграждение за труд, и возможность хорошо отдохнуть, обеспечить отдых семье; нужен демократизм в управлении; нужно, чтобы работник любил свое хозяйство и был связан с ним тысячами нитей. Любовь — это чувство, а чувство воспитывается долго и сложно. И тут хочется поблагодарить наших работников искусства. Я уже говорил об Ангелине Банисте, о Ю. Восилюсе. Много нам помогает скульптор Стасис Кузьма. Вы видели его работу, скульптуру в центре хозяйства,— лошадь, а на ней сокол. Конь символизирует нашу силу, силу земли, а рвущийся ввысь сокол выражает наше стремление подниматься все выше и выше.

Вы видели наше искусственное озеро с островом посередине. Около озера — групповая скульптура С. Кузьмы «Эгле — королева ужей», любимая нашим народом сказка.

В одном из парков сажаем деревья в честь новорожденных. Если мальчик — сажаем дуб, если девочка — липку. Родители сами сажают деревья и, как правило, детей приводят на торжественную эту церемонию. Вырастут, судьба, может, занесет далеко, а будут помнить, что на родине шумят деревья. А в другом нашем парке сажаем деревья в честь каждого выпускника средней школы. Сажаем в таком порядке, как сидели в школе. О детях у нас особая забота. Я сам из многодетной семьи. У моих родителей было одиннадцать детей, все они живы, здоровы, и я не первый герой в нашей семье — мать уже давно «Мать-героиня». Отец был малоземельным крестьянином. Жил в Ленинграде. Ленина видел, на «Авроре» служил, правда, уже после революции. Имел книгу с автографом Ленина, но она пропала, к величайшему нашему сожалению. В нынешнем году ему 90 лет исполнилось. Когда отмечали его 80-летие, нас было 50 человек. Сейчас, когда все соберемся, будет 60.

А совхоз,— продолжал Докшас,— будем украшать. Сейчас планируем создать Дворец здоровья и отдыха. Так мы его и назовем. Будем следить за тем, чтобы там можно было хорошо отдохнуть. Полный покой. Хорошие картины, фильмы, приятная музыка.

Долгие годы мы любили менять специалистов. Чуть что не так — пиши заявление. Конечно, сейчас специалисту найти работу нетрудно. Но ведь травма-то остается. Иные руководители забывают, что времена, когда стучали кулаком по столу, прошли. Надо воспитывать и воспитываться. И тут очень важно воздействие искусства, красоты, коллективизма. Этого мы и добиваемся.

Когда я прочел в газете,— рассказывает З. Докшас,— что мне присвоили звание Героя, то, конечно, был счастлив. Но радовался я не только за себя. Мне думается, высокая награда — это оценка работы коллектива, стиля его деятельности.

...Стоит поселок у дороги. Живут в поселке люди, которые строят новую жизнь, по-новому складываются их взаимоотношения. И Зигмас Докшас счастлив своей причастностью к этому архитрудному строительству.

Юкнайчяй — Вильнюс.

Идет урок географии * Утром, днем и вечером в поселке Юкнайчяй.

Любовь **ЮНИНА**

РАССКАЗ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Происшествие

В палате, куда поместили Яна Карловича Войтана, находился еще один пациент, худой, лысый человек, который занимался странным для мужчины делом — вязал шарф.

— Не удивляйтесь,— сказал он Войтану вместо приветствия.— Все удивляются, а я все равно вяжу. Очень отвлекает от всяких мыслей.

— Я не удивляюсь,— застенчиво ответил Ян Карлович. Он вообще был человек очень стеснительный и потому молчаливый, в больницу он попал впервые в жизни и не знал, как себя вести. Войтан стоял посередине небольшой палаты, держа в руках матерчатую сумку, куда жена сложила ему бритву, мыло, зубную щетку и еще кое-какую мелочь.

— Меня зовут Иван Николаевич,— сказал вязальщик.— Да что вы стоите? Располагайтесь.

Пожилая медицинская сестра, провожавшая Войтана и замешкавшаяся с кем-то у дверей в коридоре, тоже вошла в палату.

— Добренький день, Иван Николаевич,— певуче произнесла она,— а вы, новенький, поселяйтесь. Вот ваша коечка, вот тумбочка. Столовую Иван Николаевич вам покажет и все расскажет. Он все тут знает, скоро уже выписывается.

Она ушла, а Ян Карлович присел на кровать и стал перекладывать из сумки в тумбочку свое имущество.

— Вас как звать? — спросил Иван Николаевич.

— Ян Карлович Войтан. Из Риги я. Токарем работаю.

— А я, представьте, бульдозерист. Под Тулой живу. Город есть такой — Алексин называется. Не слыхали?

— Нет. Не слыхал. Я из Риги никогда никуда не уезжал. Только на взморье.

— Давно болеете? — спросил Иван Николаевич, ловко орудуя спицами.

— Нет. Совсем недавно. У меня, знаете, какая-то шишка на голове вскочила.— Он поднял руку, легонько дотронулся до опухоли и словно удивился, что она все-таки есть, никак не проходит.

— А вам повезло, что вас к Евгении Дорофеевне послали. Доктор что надо! У меня ноги совсем не ходили, а сейчас хоть пляши.— Иван Николаевич потопал пяткой о пол.— Я тут четвертый месяц, все знаю. Раньше думал, что опухоль, значит, все, кранты человеку. Ан нет! Поглядел я тут и вижу — лечат! Ведь лечат, а? До чего же медицина поумнела! А Евгения Дорофеевна — это вообще человек что надо.

— Операцию будут делать? — осторожно спросил Ян Карлович. Он очень боялся операции, несмотря на свою весьма мужественную внешность. Как большинство никогда не болевших людей, он испытывал страх перед любым лечением.

— Доктор Орешникова,— наставительно заметил Иван Николаевич,— операций не делает. Она лучевик.

— Лучевик? — переспросил Ян Карлович.— Что такое лучевик?

— Лучами лечит. Специальными такими. Что надо получается! — Иван Николаевич по натуре был оптимистом и недуги других видел в довольно розовом свете, что, увы, не всегда соответствовало действительности.— Вязать-то кто меня научил? — продолжал Иван Николаевич.— Опять же Евгения Дорофеевна. Меня когда привезли сюда, я совсем ходить не мог. Лежу, скучища, сил нет. Читать я не люблю, ну газетку там, это, само собой, поглядишь. Но чтоб целый день, это я, извиняюсь, не могу. Если б я читать любил, я бы на бульдозере не работал. Радио тоже: сколько можно слушать! А сосед у меня глуховатый был, совсем невозможно с ним разговаривать. Чтоб он услышал, орать надо. Вот доктор-то и удумала. Гляжу, приносит клубок и спицы! Я, говорит, мигом вас научу, и вы жене шарф свяжете. Я сначала ни в какую. А потом научился, и, знаете, нравится.— Он говорил и время от времени любовался на свою работу.— Я уже и жене шарф связал, и себе, и вот внуку теперь подарок готовлю. Он у меня в этом году в школу идет.

Ян Карлович слушал соседа, кивал головой, но на душе у него становилось тоскливо. Пока он ходил по врачам в Риге, ехал в Москву, проходил осмотр, до той минуты, когда он сел на больничную койку, он все не верил в свою болезнь. Время от времени он боязливо ощупывал шишку, втайне надеясь, что или не обнаружит ее, или окажется, что она уменьшается. Но сейчас он смирился с мыслью, что болен. И начинал веровать в удивительного доктора Евгению Дорофеевну Орешникову. Он вспомнил ее доброжелательное лицо и, таясь, вздохнул. Но сосед уловил его вздох.

— Все, Ян Карлович, будет в норме. Это поначалу, с непривычки опасливость в тебя забирается. Утром Евгения Дорофеевна придет и сразу за тебя возьмется.— Разговорчивый Иван Николаевич и сам не заметил, как перешел на «ты» со своим молчаливым собеседником, который произнес всего несколько фраз.

Но наутро Евгения Дорофеевна не пришла.

Когда Илья Архипов вышел из отделения милиции, где молодой лейтенант учинил ему допрос по всей форме, шел девятый час.

Звонить Тане было уже бессмысленно, в лучшем случае она бросит трубку и будет, между прочим, права. Но кто же думал, что эта очкастая тетка полезет на рожон? Илья не понимал, как получилось, что он ее стукнул, он вовсе не собирался драться со старой бабой. Просто ему позарез нужны были билеты. Он не мог обмануть Таню, он хотел лишь отодвинуть тетку в сторону — так объяснял себе свой поступок Илья. Но на самом деле все было иначе. Почувствовав препятствие на пути к достижению цели, он вспылил, он не привык к препятствиям, как и не приучен был думать о последствиях. Ему нужны были билеты, и он должен был получить их во что бы то ни стало,— это единственное, о чем он думал в тот миг, а рука уже как-то помимо его воли, а точнее, по подспудной, неконтролируемой воле двинулась к лицу женщины.

Илья шел домой удрученный, но не событием, а тем, как сделать так, чтоб Таня не сердилась. А если рассказать правду, думал он, может быть, тогда он, наоборот, вырастет в глазах Тани! Она увидит, что он для нее готов на все. Может быть, это даже и к лучшему, что так получилось. Илье показалось, что ему в самом деле пришла в голову ну просто гениальная идея. Он остановился, стал шарить в карманах в поисках двухкопеечной монеты. Двух копеек не нашлось, но обнаружились два гривенника, которые тоже годились для телефонов-автоматов. Илья огляделся в поисках будки, оказалось, он стоял рядом с ней.

Немного труся, Илья набрал номер.

— Да! — услышал он Танин голос.

— Таня,— волнуясь, заговорил Илья,— Таня, только не бросай трубку.

— Пошел ты к черту,— чеканя слова, сказала Таня. Раздались гудки. Илья опустил второй гривенник. Долго никто не подходил, потом прозвучал Танин голос:

— Я, кажется, сказала, прекрати трезвонить. Знать тебя не желаю.

— Таня, выслушай,— закричал Илья,— меня забрали в милицию.

— Не ври!

— Я не вру. Можешь проверить, я стоял за билетами, там была такая давка, и я нечаянно толкнул какую-то тетку. Она подняла визг, и меня забрали. Я ничего не мог сделать. Даже позвонить. Меня только что выпустили.

— Слушай, пацан,— жестко сказала Таня.— Мне глубоко омерзительны мужчины, которые толкают женщин, даже случайно. Чао!

Илья не повесил трубку на рычаг, а в сердцах бросил ее, и она повисла на оплетенном металлом шнуре, издавая, как крики о помощи, короткие гудки. «Стерва,— зло подумал Илья о Тане.— Какая гадина, и еще издевается». Он был взбешен, и, если б она стояла сейчас перед ним, он бы, наверное, ударил ее. Он просто вне себя был, Илья Архипов, когда бежал в этот вечерний час домой. Ему хотелось немедленно обидеть кого-то так же, как обидела его Таня.

Он не стал доставать ключи, отрывисто несколько раз позвонил. Дверь открыла мать в клетчатом нарядном домашнем платье и такого же цвета фартуке.

— Илюша! — весело воскликнула она.— Так рано! А я думала, ты сегодня где-нибудь у ребят засидишься. Ты что хмурый?

— Я был в милиции,— сказал Илья и, не снимая ботинок, пошел к себе в комнату и плюхнулся в кресло. Лидия Алексеевна вошла следом за ним.

— Что за новости? — Она побледнела, предчувствуя что-то недоброе, и на всякий случай прикрыла дверь. Совсем не все, что касалось дел Ильи, доверяла она мужу.— Объясни, в чем дело?

— Я пригласил знакомую в театр. Билетов не было. Позвонил тебе на работу — сказали, сегодня не будет. Обзвонил кого мог, даже тетке позвонил.

— Ну и что? — тревожно спросила Лидия Алексеевна.— Да не мучь ты меня!

Но ему нравилось ее мучить. Ведь кто-то был виноват в том, что так получилось. И выходило, что виновата Лидия Алексеевна, которой в нужный момент не оказалось на работе.

— Пошел в кассу, там очередь. Ну, образовалась давка, я кого-то толкнул, вызвали милицию.

— И что? — еле слышно произнесла Лидия Алексеевна.— Тебя забрали?

Илья кивнул.

— Господи боже мой.— Лидия Алексеевна, обессилев, опустилась на диван.

— Говорят, хулиганство,— мрачно добавил Илья.

— Нет, нет, нет! — вскрикнула Лидия Алексеевна.— Подожди, мы с отцом сейчас сами подъедем. Какое отделение? Боже мой! — Непослушными пальцами развязала она тесемки фартука.— Сережа! Сережа! Немедленно одевайся. Ты слышишь? — И она побежала в другую комнату, где муж смотрел по телевизору футбольный матч.

В отделении милиции Лидия Алексеевна добилась все-таки разговора с дежурным.

Окончание. См. «Огонек» № 49.

— Я хочу знать, что случилось,— просяще сказала она.— Умоляю вас, это, наверное, какое-то недоразумение.

— Никакого недоразумения,— сказал дежурный.— Ваш сын ударил женщину, нанес ей телесные повреждения.

— Не может быть! — воскликнула она.— Это случайность какая-то. Не мог Илья такое сделать. Он же не пьяный... Он же хороший мальчик, он сдает сейчас экзамены в институт. Разве он хулиган?!. Совершенно домашний ребенок, мы же от него одни радости видим!

Услышав эти слова, Архипов неожиданно для самого себя подумал, что, пожалуй, радостей особенных они от Ильи не видели, но и огорчений он доставил не так уж много. В то же время он не мог представить себе, чтоб Илья дрался. В общем-то, подумал Архипов, он довольно трусливый парень, скорее всего, недоразумение, нечаянно толкнул, все в конце концов выяснится и утрясется. Он не очень любил разрешать разные житейские сложности и по мере возможности старался их избегать.

— Этого не может быть! — повторяла Лидия Алексеевна.

— Все, гражданочка,— сказал милиционер.— Наш разговор с вами идет впустую. Я ничем не могу помочь вам.

— Кто хоть эта женщина? — спросила Лидия Алексеевна.

Материнское чувство говорило ей, что ситуация, в которую попал Илья, отнюдь не пустячная, и она лихорадочно думала, как вытащить из нее сына.

— Потерпевшая Орешникова Евгения Дорофеевна. Возраст сорок лет. Образование высшее, медицинское.

— Врач? — переспросила Лидия Алексеевна.

— Это не знаю. А вот место работы — это я могу вам сказать. Это пожалуйста.

Когда Архиповы вернулись домой, был уже поздний вечер, но, несмотря на это, Лидия Алексеевна начала обзванивать знакомых в поисках юриста, который объяснил бы ей, чем вся эта история грозит Илье и что надо делать, чтоб оградить мальчика от неприятностей.

Она ни на минуту не верила, что Илья мог нарочно ударить кого-то.

— Это просто бред какой-то, Сережа,— сказала она мужу.— Илья уверяет, что он совершенно случайно толкнул ее. Какие все-таки есть склочные люди.

— Мир не без этого,— вздохнул Архипов.

Ночь старшие Архиповы провели без сна, хотя утром друг другу в этом не признались.

В это утро Лидия Алексеевна встала чуть свет, сварила мужу кашу, пожарила на завтрак сыну яичницу и снова села за телефон. К моменту, когда надо было уходить на работу, план действий, которые следовало бы предпринять, был для Лидии Алексеевны более или менее ясен.

Самое главное — это была потерпевшая, Орешникова. Если она признает, что да, действительно Илья толкнул ее нечаянно, то вопроса нет — дело прекратят. Значит, надо было устроить так, чтобы кто-то поговорил с этой Орешниковой. Целый день Лидия Алексеевна металась по телефонам, искала подступ к этой даме, как она ее про себя именовала. Хоть и велика Москва, но Лидия Алексеевна твердо была убеждена, что с любым человеком из восьми миллионов ее жителей можно найти общих знакомых. И хоть Архипов заметил, что с таким же успехом можно искать иголку в стоге сена, она не согласилась с ним.

— Человек не иголка, Сереженька. Кстати, ты бы тоже поискал. У тебя автомобилистов знакомых целая куча.

Архипов принялся за поиски. Впрочем, за два дня, потраченных на это дело, ни он, ни Лидия Алексеевна не преуспели, и потому скрепя сердце она позвонила на работу брату, члену-корреспонденту Академии медицинских наук Петру Алексеевичу, и назначила с ним встречу. Она не хотела, чтоб его жена знала о неприятностях в семье Архиповых, и поэтому они встретились в кафе, возле института, где работал Петр Алексеевич. Лидия Алексеевна кратко изложила ситуацию.

— М-да,— сказал Петр Алексеевич.— А что я должен сделать?

— Другого выхода, Петя, у меня нет. Ты знаешь директора института, где работает эта Орешникова. Попроси его переговорить с ней. Пусть убедит ее не калечить Илюше жизнь.

— Не очень удобно,— поморщился Петр Алексеевич.

Лидия Алексеевна заплакала.

— Петя, я умоляю тебя. Если она заупрямится, я сама пойду к ней, поймет она материнские слезы. Хотя... она безмужняя и бездетная, наверное, потому так и окрысилась на Илюшу. Господи, я так страдаю, Петя...

— Ну, не надо, Лида. Я поговорю с ним, не расстраивайся.

Петр Алексеевич очень любил сестру и племянника любил. Он тоже думал, что случилось недоразумение, потому что в его представлении Илюша был воспитанный и хороший мальчик. А если из-за этой глупости его посадят, то жизнь у него будет сломана, и Лида этого не переживет.

— Я все сделаю, не волнуйтесь, сегодня или завтра я просто подъеду к нему.

— Спасибо! — Лидия Алексеевна сквозь слезы благодарно улыбнулась брату.

Ночь Евгения Дорофеевна спала плохо, часто просыпалась, и голова болела, все-таки легкое сотрясение мозга, вероятно, было. Встав с постели, тотчас бросилась к зеркалу — вид был отвратительный, но она не позволила себе расстраиваться, а стала думать, что теперь делать. Сегодня, решила Орешникова, придется отлежаться, может быть, голова перестанет болеть и кружиться, и за сегодняшний день надо раздобыть очки с большими затемненными стеклами. Это самое трудное, с простыми стеклами можно одолжить. А ей нужны были с диоптрией минус четыре.

Второй ее заботой был вчерашний больной латыш. Сегодня ему сделают необходимые анализы, а завтра во что бы то ни стало надо ехать в клинику и самой еще раз осмотреть его, не откладывая больше ни на один день, начать лечение. Болезнь и так уже достаточно запущена. Если б она не была так запущена, она поручила бы его своему молодому помощнику, но сейчас Евгения Дорофеевна не могла это сделать, она доверяла только собственным рукам и глазам.

Позвонила Ирина Вербицкая.

— Ты как?

— Дурацкий вопрос! — сердито ответила Евгения Дорофеевна.— Думаю, где очки достать.

— Знаешь что? Твоя оправа осталась у меня в сумке. Я попытаюсь вставить стекла.

— К этой оправе стекол у нас не найдешь...

— Найду,— решительно сказала Ирина Ива-

новна.— Ты тоже ищи, будем действовать параллельно. На работу идти не можешь?

— Без очков не могу. Умоляю, Ирина, помоги. У меня новый больной, каждый день на счету. И очень важный доклад на конференции.

— Ты только не волнуйся.

— Легко говорить...— Евгения Дорофеевна всхлипнула.

Кошки друг за дружкой вошли в комнату, сели напротив Евгении Дорофеевны и стали печально глядеть на нее.

— Ну что, дурашки? — спросила Евгения Дорофеевна.— Страшна? Вот такая жизнь. Идемте, я вам рыбки дам.

Она поднялась со стула, и кошки, словно поняв, неторопливо пошли впереди нее по коридору в кухню.

Потом Евгения Дорофеевна методично обзванивала одну аптеку за другой, но напрасно: готовых очков нигде не было. В середине дня позвонила Ирина и сказала, что все в порядке, через неделю оправу починят и стекла вставят.

— Это поздно, но все равно спасибо. А я уже отчаялась, почти все аптеки обзвонила.

— То-то я с трудом прорвалась к тебе — занято и занято. Я думала, ты с Басаргиным любезничаешь.

Вчера Евгения Дорофеевна, сказав Басаргину, что идет с Ириной в театр, сразу пожалела об этом. Ей тотчас же расхотелось идти на балет, но какое-то горькое чувство, что она должна всегда подлаживаться под его возможности, не позволило изменить решение.

— Приходи ко мне завтра, хорошо? — попросила она.

— Ну, конечно, Женя. Во сколько?

— Ты позвони. Может быть, встретишь меня у клиники...

— Обязательно.— И он повесил трубку.

Сейчас Евгения Дорофеевна думала о том, что Басаргин позвонил на работу, там ему сказали, что она заболела, и он никак не может до нее дозвониться.

«Так хочется видеть его,— с тоской думала Евгения Дорофеевна.— Так соскучилась».

В ее трудовой, напряженной жизни праздники бывали редко. Она радовалась, когда удавалось поставить на ноги больного, но все-таки это был не личный праздник, а всего коллектива. Личным были короткие встречи с Басаргиным один раз в год.

Евгения Дорофеевна любила Басаргина горячо и смиренно — это была любовь на всю жизнь, уйдет Басаргин — и на все отсчитанные ей дни она останется одна.

А Басаргин с утра боролся с желанием позвонить Жене. Вчера, уличив ее во лжи, пережив бурю чувств, он решил немедленно уехать домой, даже не объясняясь. О чем говорить, если у нее появился другой. Он, Басаргин, сам во всем виноват и не имеет права упрекать ее. У него все нормально — семья, сын, а она одна, ждет долгими месяцами, когда он откинет ей кроху любви. Но, думая так, он одновременно начинал злиться на нее, на ее неверность, и жгучее чувство ревности, доселе незнакомой ему, жгло сердце, и он решил позвонить, ни словом не обмолвясь, что был вчера в театре и знает, что она солгала.

Евгения Дорофеевна ждала звонка Басаргина, расстроенно думая, что показаться ему в таком виде не может. Но хоть по телефону поговорить, хоть голос услышать. Она сидела за столом и оттирала специальным средством пятна крови на жакете. По вологодским кружевам расплывались бурые подтеки. Костюм был безнадежно испорчен — почти месячная зарплата Евгении Дорофеевны. Она скомкала жакет и зло бросила его на стул.

И тут позвонил Басаргин.

— Ой, Лева,— воскликнула она.— Здравствуй! А я заболела.

— Тебя навестить?

— Нет, нет,— торопливо ответила Женя,— навещать пока не надо. Ты надолго?

— Завтра улетаю,— соврал Басаргин, хотя ему удалось притупить бдительность жены, и он выкроил целую неделю на пребывание в Москве.

— И мы не увидимся,— грустно сказала Женя.

Басаргин, обиженный тем, что и сегодня она избегает встречи, не поверил ее грусти и жестко сказал:

— Не притворяйся. Я все знаю. В театре ты вчера не была, а сидела дома. Сказала бы честно, что я тебе больше не нужен. Прощай.— И бухнул трубку.

Евгения Дорофеевна, окаменев, слушала короткие гудки. Она ничего не понимала. Что он молол? Надо объяснить ему все. Но где его искать? Останавливался всегда Басаргин у своих родителей, постоянно живущих в Малаховке, но Евгения Дорофеевна не могла туда явиться.

Когда Иван Николаевич сообщил утром своему соседу Войтану, что заболела Евгения Дорофеевна, ее избили и ограбили бандиты (история, как всегда, уже обросла несуществующими подробностями), Ян Карлович сильно приуныл. Иван Николаевич так расхваливал Евгению Дорофеевну, так возвысил ее над другими врачами, что тот уже поверил в свое скорое выздоровление. Он лег на кровать лицом к стене и затих. Ян Карлович думал о своей жене, болезненной, не приспособленной к жизни женщине, о трех сыновьях, старшему шел двенадцатый год, о том, что с ними будет, если он умрет. О себе он не думал и жить хотел только ради них, потому что главнее его сыновей, семьи у него ничего не было. Он мечтал дать им хорошее образование, получить которое ему помешало сиротство — отец погиб на войне; мечтал вырастить их честными, работящими, чтобы они стали его гордостью. А без него все пойдет прахом, разве сможет вытянуть, выучить их мать, с ее крошечной зарплатой кассирши в кинотеатре? Он лежал, думал, и скупые слезы текли по его щекам.

Через два дня голова у Орешниковой стала болеть меньше, и она, густо замазав синяки гримом, отправилась в клинику, хотя без очков видела плохо и совестно было появляться в таком виде на люди. Но Женя преодолела себя, потому что беспокоилась о судьбе больного латыша. Однако очень быстро все в отделении привыкли к ее лицу, и сама она об этом забыла. Лишь у чувствительной Роксаны Алабян глаза налились слезами: художница, она страдала при виде дисгармонии.

Орешникова решительно взялась за Яна Карловича, и тот вдруг расцвел и произнес несколько слишком длинных для него фраз.

В середине дня Евгении Дорофеевне позвонила секретарь директора Ольга Олеговна и сказала, что Георгий Георгиевич просил ее зайти.

— Это обязательно? — помедлив, спросила Орешникова.

— То есть? — ошарашенно спросила Ольга Олеговна: вызовы к директору еще никогда и никем не обсуждались.

— Обязательно мне нужно зайти? А нельзя ли поговорить по телефону?

— Бог с вами, Евгения Дорофеевна,— сказала Ольга Олеговна.— Как же по телефону, если он вызывает?

Директор был крупным светилом в мире медицины, непререкаемым авторитетом в своей области, ослушаться в институте его никто не смел. И Ольга Олеговна чуть дар речи не потеряла от такой наглости — так она про себя расценила поведение Орешниковой.

— Хорошо,— коротко ответила Евгения Дорофеевна.— Иду.

«Черт с ним,— подумала она про себя,— пусть любуется». И, не взглянув в зеркало, не поправив грима, пошла к директору.

Ольга Олеговна, увидев ее, вскрикнула:

— Что с вами, доктор?

Орешникова пожала плечами и вошла в огромный кабинет.

— Здравствуйте, Георгий Георгиевич!

— Садитесь, Евгения Дорофеевна. Господи, что с вашим лицом?

— Подралась,— хмуро ответила Орешникова.

— Так,— сказал директор и замолчал, потому что говорить ему было нечего.

Орешникова тоже сидела молча, ожидая, что скажет директор. Молчание неприлично затягивалось, Евгения Дорофеевна не понимала, зачем ее вызвал директор (он вообще редко кого вызывал к себе, чаще сам ходил по отделениям), стала волноваться.

— Собственно говоря,— начал директор,— глупая история, извините меня, Евгения Дорофеевна. Сто раз зарекался не лезть в чужие дела.

Орешникова удивленно подняла на него глаза.

— Дело в том, что у меня сейчас был коллега, профессор Громов Петр Алексеевич, слышали о таком?

— Лично незнакома,— коротко ответила Орешникова, не понимая, при чем здесь Громов, известный кардиолог.

— Он просил меня поговорить с вами.

— Со мной? — еще более удивилась Орешникова.

— На днях в театре у вас произошел какой-то конфликт с его племянником, и я, поверив в невинность происшествия и какое-то недоразумение, обещал переговорить с вами. Извините меня, старого дурака, я вижу теперь, какая это невинность. Он что, избил вас?

— Толкнул. А в нем около двух метров. Разбил очки, ну и...

— Да... Зачем вы пришли на работу? Посидите дома.

— Не могу. Очень тяжелый больной. Тут каждый день играет роль.

— Да... Просто неудобно мне за Петра Алексеевича, уверен, что его так же неправильно информировали. Там что, уголовное дело завели?

— Я ничего не понимаю в этом. Мы были в милиции. А что дальше, я не знаю. Он лез без очереди за билетами в кассу... Я сказала, что не пущу... Не надо было связываться.

— Ну, если всем уступать...— сердито сказал Георгий Георгиевич, который был из неуступчивых.

— Тем не менее,— усмехнулась Орешникова.— И еще, Георгий Георгиевич, если мне не сделают большие очки с темными стеклами, завтра на конференции я не смогу делать сообщение.

— Но это же очень важно и для вас и для института...

— В таком виде подняться на освещенную юпитерами трибуну?

— М-да...— огорченно вздохнул Георгий Георгиевич.— Ничего себе невинная история. В таком виде действительно неудобно. И поручить прочесть никому нельзя, ведь непременно будут вопросы... А если взять просто пляжные очки без диоптрий, это я вам вмиг сорганизую, у дочки такие есть, даже носа не видно.

— У меня минус четыре. И я ничего не увижу в таблицах.

— На таблицах все покажет ваш помощник. Нельзя же сдаваться, Евгения Дорофеевна. Сейчас я распоряжусь, чтоб привезли очки.

Лидия Алексеевна Архипова несколько успокоилась после того, как брат сообщил ей, что переговорил с директором института, где работает эта склочница. Она и мужа успокоила и Илье сказала, чтоб выбросил из головы глупую, как она выражалась, историю и готовился к последнему экзамену. Впрочем, чтоб набрать проходной балл, Илье теперь было достаточно и тройки, которую он легко получит.

Когда почтальонша принесла повестку из милиции, приглашающую Илью к следователю Лобовой, у Лидии Алексеевны руки задрожали.

— Как? Опять? — воскликнула она, обращаясь к ничего не ведавшей почтальонше. Потом спохватилась, позвала Илью, сказала бесцветно:

— Илья, распишись, тебе повестка.

Илья расписался, закрыл за почтальоншей дверь, хмуро спросил:

— Почему же ты сказала, что дядя Петя все уладил?

— Он уверил меня, что все в порядке, что он поговорил с директором.

— В чем дело? — спросил, выйдя из комнаты, Архипов.

— Сереженька, посмотри — повестка, завтра в пятнадцать к следователю.

— Может, сначала вы сходите? — спросил Илья.— А то я наболтаю там чего-нибудь лишнего...

— В этом есть смысл, Сереженька,— заметила Лидия Алексеевна.— Скажем, что он на даче, а мы не успели ему сообщить.

Орешникову тоже вызвали в милицию на шестнадцать часов, и она, кляня все на свете, поехала. Жалко было тратить время. Но, с другой стороны, вспомнив Басаргина, неприятные ощущения на конференции, когда она стояла

в чужих очках на трибуне, не видя зала и его реакции, волнуясь, что помощник не так объясняет диаграммы и таблицы, вспомнив унизительность своего обезображенного лица, вспомнив, как красивый мальчик с наглым лицом прошипел ей: «Закрой пасть, тетка»,— Орешникова почувствовала желание наказать этого юнца. Она не жаждала крови, но захотела справедливости. Странно, что как только лицо ее стало очищаться, она за сутолокой дел почти не думала об этом происшествии. Отчего она по-настоящему страдала — это из-за Басаргина. Басаргин — вот была ее боль, ее рана.

В коридоре сидели двое, мужчина и женщина, красивые, хорошо одетые, примерно одних лет с Орешниковой. Она мимолетно глянула и постучала в дверь.

Следователь Лобова оказалась молодой женщиной сурового вида, может быть, из-за сросшихся на переносице бровей.

— Рассказывайте,— сказала она Орешниковой, грустно улыбнувшись, и суровость ее сразу исчезла.

— Рассказывать-то особо нечего. Я прошлый раз все рассказала.

— Я допрашивала свидетелей Вронскую и Вербицкую. Они подтверждают ваши показания. Я хотела сегодня устроить вам очную ставку с Архиповым.

— Его Архипов фамилия? — удивилась Орешникова.— А я думала, Громов.

— Почему?

— Профессор Громов просил директора института, где я работаю, поговорить, чтоб я простила его племянника и сказала вам, что он ударил меня нечаянно. Я думала, что он тоже Громов.

— Ах, так, большие хлопоты начались! Я хотела устроить вам очную ставку, но вместо Архипова пришли родители, их сын на даче, они не успели ему сообщить.

— Это они сидят в коридоре? — догадалась Орешникова.— Такие... добротные. Да?

— Вероятно. Так что, директор уговаривал вас простить его?

— Он не уговаривал меня. Он просто информировал. А скорее, извинялся, когда увидел мою физиономию. Он же разукрасил меня, как бог черепаху. Видите? — Орешникова сняла очки, которые прикрывали еще не истаявшие кровоподтеки.

Когда допрос был окончен и Орешникова вышла в коридор, она увидела, что Архиповы еще сидят. Женщина быстро поднялась и подошла к ней.

— Извините,— сказала она,— вы Евгения Дорофеевна?

— Да,— сухо кивнула Орешникова.— С кем имею честь?

— Мы Архиповы, родители Ильи. Я вас умоляю, простите его. Он просто глупый мальчишка, мы сделаем все для вас. Не губите ему жизнь.

— Я никого не гублю,— быстро сказала Евгения Дорофеевна,— просто у вас дурной сын.

— Он не дурной, он хороший мальчик. Вы совсем не знаете его. Все получилось нечаянно. Поверьте. Понимаете, девочке, в которую он влюблен, захотелось посмотреть спектакль.— Лидия Алексеевна торопливо шла рядом с Орешниковой, а ее муж следовал чуть позади.— Вы ведь тоже были молоды, любили...

Слова о том, что она была молода и любила, больно ударили Орешникову по сердцу. Любила! Она и сейчас любит, несмотря на свои сорок лет, пусть горька ее любовь, но вот из-за этого прямо-таки «идеального» мальчика она потеряла Басаргина, наверное, навсегда.

— Как мать, я умоляю вас,— бормотала Лидия Алексеевна.— Простите его, он нечаянно взмахнул рукой.

— Нечаянно? — Орешникова резко остановилась.— А вы знаете, что он мне сказал, прежде чем ударить? «Закрой пасть, тетка»,— вот что сказал мне ваш замечательный сын. И оставьте меня в покое! — Она отвернулась и быстро пошла прочь. Она едва сдерживала слезы от обиды, и за нее, обиженную, некому было заступиться, даже Басаргин в незнании ее обидел.

— Этого не может быть! Вы говорите неправду! — крикнула ей вслед Лидия Алексеевна. Она и в самом деле не поверила, что Илья мог так сказать.

Архипов догнал жену.

— Ну что?

— Бесполезно. Недаром говорят, что старые девы ненавидят весь мир. Мне сказали, что, кроме кошек, у нее никого нет... Все равно надо бороться.

У Ильи взяли подписку о невыезде, путевки в Пицунду пришлось продать, а свой отпуск Архиповы отложили.

Кто-то сказал Лидии Алексеевне, что если у Ильи не будет свидетелей, которые подтвердят, что удар был нечаянным, то дело для него может окончиться тюрьмой. И тогда она, чуть не ползая на коленях перед лучшим другом Ильи Сашей Шалоновым, уговорила его пойти в свидетели, сказать, что он тоже стоял в очереди за билетом и видел, что Орешникова скандалила, а удар был случайным. В случае успеха она обещала подарить Саше магнитофон. Саша согласился, скорее даже не из-за магнитофона, а потому что показалась ему ситуация несколько романтической, а сам себе — неким героем, спасающим друга.

Устроив это, Лидия Алексеевна почти успокоилась.

Наступила осень, Илья стал студентом, вместе со сверстниками слушал лекции, ходил на семинары.

Несмотря на уверения матери, что все обойдется, он очень трусил. Его ужасала мысль, что наступит день, когда ему придется войти в судебный зал и сесть на скамью подсудимых. Пусть не будут стоять по бокам конвоиры, пусть потом оправдают его — все равно какой позор сидеть на этой скамье. Ему, привыкшему делать и получать все, что хочется, мысль, что сидения на скамье не избежать, была невыносима. Иногда он решал втайне от родителей уговорить дядю Петю и поехать к этой тетке (как он называл про себя Орешникову), упасть ей в ноги, вымолить прощение. Но он не был способен на такие поступки. Тем более что раскаяния Илья не чувствовал, только страх. Но мать, которая вела многочасовые разговоры с адвокатом, приглашенным для защиты Ильи, убеждала сына, что все будет в порядке.

— В крайнем случае дадут условное наказание,— говорила Лидия Алексеевна,— ты только не волнуйся. Главное — хорошо зарекомендовать себя в институте: тебе нужны блестящие характеристики.

Характеристик Лидия Алексеевна набрала уже немало, не было, кажется, только из детского сада. Она все-таки оставалась в убеждении, что удар Илья нанес нечаянно.

День суда наступил. Лидия Алексеевна напоила Илью утешительным элениумом, и он, как ни странно, почти без страха ступил за перегородку, отделяющую скамью подсудимых от зала судебного заседания.

Разложили свои бумаги прокурор и адвокат, на первую скамью села Орешникова, сзади Архиповы. Судья зачитал обвинительное заключение, свидетелей отправили в коридор.

Орешникова сидела безучастно, не поднимая глаз. Равнодушно выслушала рассказ Ильи, показания свидетелей, отвечала на вопросы адвоката, который дотошно расспрашивал ее, как она стояла, как повернулась, зачем приблизилась к Илье. Лишь сухие вопросы прокурора, который довольно скоро уличил Сашу Шалонова во лжи, вывели Евгению Дорофеевну из того состояния отрешенности, в котором она находилась. С нескрываемым омерзением оглянулась она на высокого юношу в кожаном пиджаке, который, понурив голову, шел через зал от места, где давал свидетельские показания, к скамье. Она кинула взгляд на Илью Архипова и на его породистом лице впервые увидела смятение.

Евгения Дорофеевна почти не слышала речей прокурора и адвоката, последнего слова Ильи, ей хотелось поскорее уйти отсюда.

Когда суд удалился на совещание, Евгения Дорофеевна поднялась и пошла вон из зала. Ей было безразлично, какое наказание определит суд этому наглому оранжерейному юнцу, который за восемнадцать лет только и научился бездумно и удобно для себя топтать землю.

...Орешникова думала о другом: утром в клинике умер Ян Карлович Войтан.

среди книг

ПОД ПРИЦЕЛОМ — УМЫ И ДУШИ

Книга Михаила Озерова «Под прицелом — умы и души» завершается словами известного французского публициста, директора ежемесячника «Монд дипломатик» Клода Жильена: «Одно из самых тревожных проявлений ущемления свобод граждан — дезинформация населения. Свобода пропаганды превратилась в свободу обрушивать на человека поток информации, которая лишь мешает ему разобраться в происходящем вокруг, представляет собой лживые, демагогические и тенденциозные сообщения».

Я лично хорошо знаю автора этих строк, который в беседах со мной в Париже не раз высказывал подобные суждения. Однако Жильен — увы! — редкое исключение среди той армии профессиональных потрошителей умов и душ в мире буржуазной прессы, которых называют разбойниками пера или идеологическими террористами. Михаил Озеров как раз и рассказывает в своей новой книге именно о них — рассказывает увлекательно, с конкретными фактами, приводит неопровержимые доказательства преступной деятельности западной пропаганды.

Семь глав в книге — это семь законченных новелл, ибо написаны они не по материалам газет и сообщениям телеграфных агентств, а исключительно на собственных впечатлениях автора от поездок за рубеж, от встреч, бесед и дискуссий с теми, кто начиняет пропаганду отравой дезинформации, кто становится ее жертвой и кто борется против этого.

В наше время, когда США практически подменили неизбежную идеологическую борьбу «психологической войной» против нас, особенно актуальна и своевременна эта книга советского писателя, работающего в сложном жанре международной публицистики. Да, в этом жанре все должно быть безукоризненно выверено: и достоверность событий, и документальность, и точность высказываний. В то же время есть опасность, как говорится, «засушить» материал, перегрузив его фактурой. Михаил Озеров нашел ту золотую середину, которая сделала книгу его новелл интересной.

Перед читателем проходит целая галерея людей, разных по возрасту, профессии и убеждениям. Две-три фразы, сказанные священником из ФРГ, газетчиком из Рима или американской студенткой,— и вы чувствуете специфику их жизни, мышления. Две-три строчки личных наблюдений автора — и вы ощущаете атмосферу Нью-Йорка, Бейрута, Парижа, Мадрида, итальянских и западногерманских городов, лондонских улиц, австрийских кварталов. Книга, изданная в издательстве «Советская Россия» в серии «По ту сторону»,— хороший подарок широкому читателю нашей страны.

В. КАТИН

М. Озеров. «Под прицелом — умы и души». М., «Советская Россия», 1983. 112 с.

К. БАРЫКИН

Фото А. БОЧИНИНА

ЗАВЕРШАЕТСЯ ОСЕННЯЯ РАСПРОДАЖА ТОВАРОВ ПО СНИЖЕННЫМ ЦЕНАМ. НЕ СДЕЛАТЬ ЛИ ТАКУЮ ТОРГОВЛЮ РЕГУЛЯРНОЙ?

ПЕРВАЯ РАСПРОДАЖА

ТОВАР — ПРИЛАВОК — ПОКУПАТЕЛЬ

Покупатель распродажу принял сразу, без оговорок. В первый же день, едва раскрылись двери, едва магазинное радио оповестило, что некоторые секции начали сезонную распродажу товаров, как покупательские ручейки потекли именно к этим прилавкам. В общем-то заметные, но все же не без оттенка робости, даже стыдливости написанные объявления (видимо, сработало укоренившееся представление о том, что к снижению цены товары «приговаривают» из-за недостатков) повели к отделу тканей, в ювелирную секцию и сюда, где вывешены пальто и плащи с новыми, заметно сниженными ценами. Иные пришли сюда вроде бы из любопытства, но вот один отходит со свертком, другой отсчитывает деньги, а третья примеряет плащ. Похоже, и здесь покупка состоится...

— Впору ли обнова? — Покупательница нетороплива, обстоятельна. Она примеряет третье пальто и, по всему видно, им довольна.

Сегодня для того, чтобы обмолвиться словом, повод есть особый — начало сезонной распродажи. Дело это новое, хотя молва о ней давно идет. Совсем недавно одна газета писала, рассказывая о сезонных торгах в некоторых странах СЭВ: «Это подлинные праздники проводов лета или зимы: транспаранты, плакаты, зазывная реклама, нарядные торговые залы, шумная толпа». Но некоторым нашим экономистам, видимо, казалось, что распродажа — не та форма торговли. Дескать, товар, если он добротен, и так найдет покупателя. «Рано или поздно»,— иногда добавляли противники распродаж, словно забывая о том, что непроданный товар ложится бременем и на торговлю и на промышленность. А чем больше выпускается тех или иных изделий, чем интенсивнее внешнеэкономические связи, чем шире покупательский выбор, чем, наконец, требовательнее спрос, тем больше шансов у иных вещей оказаться непроданными. И едва ли надо рассчитывать на то, что все сшитое, сделанное, собранное, отштампованное, выпиленное, сколоченное — все до последнего! — будет расходиться в сезон. Что-нибудь да останется: там — десяток пальто, здесь — сотня-вторая плащей или курток. А уж морозец на дворе, и этот вот светло-бежевый, из легкой ткани плащ обречен на то, чтобы зимовать в магазине или на складе. А если весной грянет новая мода? Появится что-то такое, что отвлечет от этого плаща покупательское внимание. Пусть остается непроданным? А уценишь вовремя — какие-то деньги за него выручишь. Да и послужит вещь, пользу принесет...

Уловить эту экономическую закономерность, найти момент, когда настает этот перелом,— и в этом заключается искусство торгового работника.

— В первые же часы распродажи мы почувствовали, что время для нее выбрано весьма удачно,— говорил мне заслуженный работник торговли Российской Федерации, директор Центрального универсального магазина столицы Георгий Иванович Фокин. — Еще вчера в этой секции отдела готового платья было затишье, а едва началась распродажа — и десяток пальто проданы...

Через неделю в том же ЦУМе я поинтересовался результатами продажи сезонных, попавших в уценку товаров — за них выручено более 80 тысяч рублей. За весь август покупатели не приобрели ни одного платья-костюма швейного объединения «Женская мода», которые прежде стоили по 127 рублей. Теперь же, став шестидесятипятирублевыми, костюмы нашли покупателя — 27 штук продали за пять дней. В два раза увеличилась реализация женских демисезонных пальто из темного драпа. А вот пестрые, в крупную клетку мужские пиджаки особым спросом не пользуются, хоть и уменьшена их цена. Нашли покупателя павлово-посадские набивные платки, гардинное полотно. Шелковая же ткань как лежала почти без движения, так и лежит — тугими штуками; и шерстяной товар нарасхват не берут.

...Идем в секцию готового платья. Заведующей Раисе Васильевне Полинской словом пока обмолвиться некогда: бойко идет торговля. Выдав очередную покупку, Раиса Васильевна комментирует ход распродажи:

— Мы предполагали, что сезонный товар после уценки не залежится, ткань добротная, аккуратно сшито, в общем-то вполне современный фасон. Однако покупатель знает: такие костюмы были в моде весной. Задержится ли мода еще на год? Словом, за полную стоимость эти костюмы и пальто не очень покупали, а со скидкой на сорок, а то и пятьдесят процентов приобретают охотно. И те, кто не гонится за модой, и те, у кого достаток поскромнее...

Распродажа — явление закономерное. Это естественный коммерческий маневр. И хотелось бы сказать Министерству торговли СССР, которое смело и активно провело первую распродажу сезонных товаров: хорошо бы не останавливаться на этом. Ведь, надо полагать, и после зимы останется что-то нераспроданным... Хотелось бы надеяться, что если за первой распродажей последуют другие, то и организованы они будут лучше: а совершенствовать есть что. Объявления, приглашения, вся реклама донельзя скромны, обозначения новых цен едва приметны. Да и попытки втиснуть в сезонную распродажу подчас откровенно халтурный товар похвал не вызывают. Торговля никак не решится принять на себя вину за то, что не смогла (не захотела?) противостоять натиску псевдочеканки. Магазины не первый год забиты латунными «полотнами». Низкопробная псевдочеканка наносит урон основательный и не разовый; исподволь работает на понижение вкуса; отнимает у кого-то нужный металл (латунь, бронза, медь!); да и торговую репутацию не поднимает... Знают ли это руководители городской и сельской торговли? Если знают — не могут не знать! — отчего так долго терпят нашествие откровенного брака? Под шумок распродажи торговля попыталась объявить, что и чеканка — товар сезонный. Полноте! Авторитет сезонных распродаж не поднимется, если вклинивать в них товар, которому вообще не место на прилавке. Покупателя на такой мякине не проведешь. Как лежала пластами чеканка, сработанная неведомыми умельцами, так и не пошла: ни одна медная «картина» не была продана ни в первый день, ни в последующие. А уценили-то их — дальше некуда: почти на две трети. В омских магазинах не продаются — несмотря на уценку — некоторые пальто, сшитые в Магнитогорске, в Ярославле... Это я к тому, что при сезонной торговле надо бы строже подходить к выбору изделий, подлежащих уценке, иначе новое для нашей торговли дело можно скомпрометировать, едва начав.

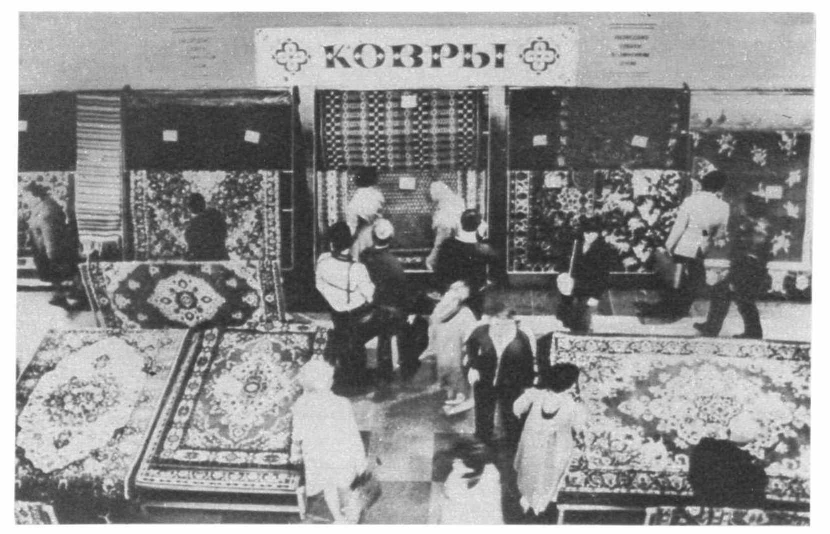
Я беседовал со многими организаторами торгового дела, со специалистами по спросу и конъюнктуре торговли; они отмечали оживление, которое внесла первая распродажа.

— Торговля пошла заметно активнее, — ответил на мой вопрос министр торговли Молдавии М. И. Чолак. — Особенно хорошо покупают трикотаж, верхнюю одежду, ткани...

И это при том, что первая распродажа не раскрыла, да и не могла раскрыть все плюсы такой формы торговли. Их немало. А шероховатости первой сезонной распродажи исчезнут — не сами по себе, конечно...

Есть что выбрать...

Махтумкули

Г. ЧАРЫЕВ,
академик Академии наук Туркменской ССР

В истории человеческой культуры есть имена непреходящего значения, гении, давшие миру неизмеримые духовные ценности,— Данте и Низами, Шиллер и Гете, Пушкин, Толстой и многие другие. Отразив в своем творчестве целые эпохи, они призывали к гуманизму, к высокой нравственности, к добру, любви, дружбе, братству народов; они были поборниками свободы, счастья. В одном ряду с корифеями мировой культуры стоит имя великого туркменского поэта и мыслителя Махтумкули из Гургена, творения которого открыли новую страницу в истории поэтической и общественно-философской мысли Востока.

Махтумкули жил в XVIII веке и мечтал о таком обществе, в котором не будет эксплуатации человека человеком, нищеты, разорения, национального и социального гнета, иноземного порабощения, межплеменной борьбы, несправедливости; он боролся за общество, где будут царствовать свободный труд, справедливость, братство, равенство, любовь, дружба народов, расцвет цивилизации, науки, философии, искусства, художественной и духовной культуры.

Это свое возвышенное устремление, свою мечту о великой будущности и счастье туркменского и других народов он выразил, в частности, в таких известных поэтических произведениях, как «Будущее Туркмении», «Азербайджан», «Светлое время», «Обращение к человечеству», «Таков мир», «Что в мире видно»...

Поэтическое творчество Махтумкули — исключительное явление художественной культуры XVIII века, одно из самых ярких, самобытных проявлений мудрости туркменского народа. С каждым новым чтением произведений Махтумкули возникает все более реальное ощущение их неисчерпаемости, а также яснее становится их истинная демократичность, удивительная способность овладевать людскими сердцами.

Время приносит все новые и новые доказательства гения Махтумкули — поэта и мыслителя. Интерес к нему всегда был необычайно велик. Его многообразное творчество постоянно находится в центре внимания ценителей и любителей классической поэзии Востока. Слава Махтумкули безмерна, она рождена всепокоряющей любовью к нему народа.

Удивительно, как поэзия Махтумкули созвучна передовым идеям нашей современности, борьбе за торжество свободы и братства, за мир и дружбу между народами. Махтумкули предостерегал власть имущих, тех, кто держал в руках бразды правления, от напрасного кровопролития, от несправедливых войн. Он считал войну непростительным преступлением перед человечеством и природой.

Ярость звучала в страстных стихах Махтумкули:

Привел ты в страну мою казнь и грабеж,
Ты бьешь по глазам, совершая правеж,
По сорок бичей ты невинным даешь,
Мы тонем в кровавой пучине, фетах!..

Обуглилось небо от нашей тоски,
В удавках людские хрустят позвонки,
Не знают пощады твои мясники,
Но мы — не рабы, не рабыни, фетах!..

Народ мой воспрянет, исполненный сил,
А ты на крови свой престол утвердил,
Ты хлеб наш насущный с отравой смесил
И сгинешь в тюрьме на чужбине, фетах!

Передовой мыслитель-гуманист, Махтумкули в своих произведениях отстаивает права человека на лучшую жизнь, утверждает свободу личности, воспевает человека из народа.

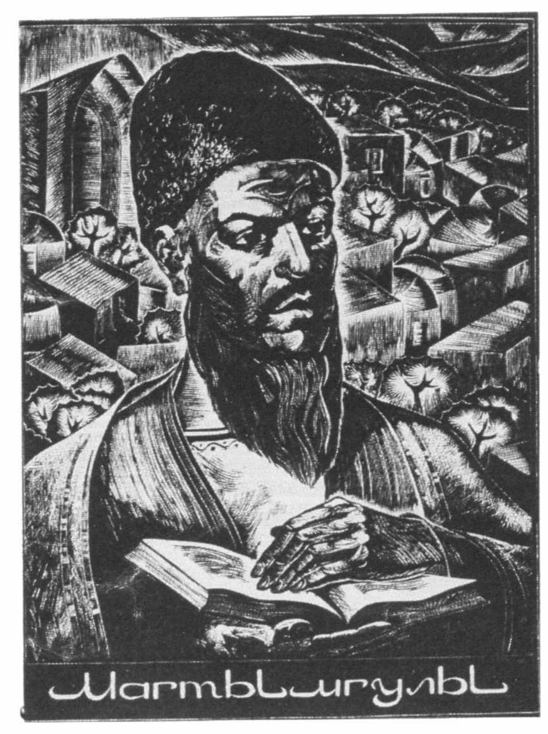
Поэт подчеркивал, что в мире все создано ради человека, для его счастья. Народы мира, трудовые люди всех рас и наций по природе своей братья, друзья, у них общая цель — стремление к свету, знанию, счастью. Он страстно любил людей труда и всегда резко противопоставлял их эксплуататорам, присваивающим чужое добро. Каждый должен довольствоваться плодами своего труда, писал он. Это — высшее счастье. Малый кусок хлеба, добытый честным трудом, ценнее, чем бесценные сокровища, полученные от других. В трудолюбии и дружбе заключена истинная красота человека.

Поэт учил:

Равен ты Сулейману? Склонись скорей;
Что-то хочет шепнуть тебе муравей!
Хочешь добрым прослыть? Народ обогрей,
Ветерком и журчащей водою будь!

И далее:

Достойного мужа нетрудно узнать —
На помощь придет он по первому зову...
Богатство джигита — лишь конь да камча.
За друга и жизнь он отдаст сгоряча.

Б. Лаллыков. Махтумкули. 1980.

Он верил в свет разума, в способность науки раскрыть тайны природы. Мудрость прежних веков была близка и доступна ему. Платон, Аристотель, Авиценна, Несими — в их трудах черпал он знание и вдохновение:

Живительным дождем была мне мудрость книг,
Простор больших морей передо мной возник...
Махтумкули всю грязь отмыл с души своей,
Он так любил и чтил своих учителей...
Нам знание дано как заповедь небес.
Ты просветил меня и ввел в тайник словес...

Афористичны и точны его строки:

Блажен, кто не застыл в покое,
Познав добро и зло мирское!
Со мной — содружество седое,
Ученых книжников кружок.

* * *

Мудрец не скажет: все мне в мире ясно,
Мы многое познать еще не властны.
Напиток знанья терпкий и прекрасный...
Тянусь рукой... Как рот смочу,— не знаю.

* * *

Слух склони к ученью мудрых, наставление прими,
Встань! Об Истине радея, к небу руки подыми...

* * *

Склони свой дух пред истиной и светом,
Огонь души не дай гасить монетам...

Имя Махтумкули, основоположника туркменской классической литературы XVIII века, овеяно ореолом вечной славы и любви. Его поэзия сыграла громадную роль в деле пробуждения национального самосознания, нравственного обновления народа.

Поэтическое творчество Махтумкули составляет целую главу в духовной истории туркменского народа и оказало огромное благотворное влияние на развитие общественной мысли и культуры многих народов. Это объясняется тем, что Махтумкули — пламенный поборник идей пробуждения угнетенных, друг и защитник обездоленных, неутомимый обличитель невежества и зла. Всей своей жизнью он служил истине и разуму, укреплению дружбы между народами.

Жизнь и творчество Махтумкули были наполнены борьбой за торжество добра. В его сверкающей поэзии слышится биение родников народной жизни, радость и боль угнетенных. Богатейшее наследие Махтумкули является национальной гордостью туркменского народа, входит ныне в сокровищницу художественной и философской культуры великой Советской Родины. Махтумкули — наш вечный и высокоценимый спутник, наш соратник. Его поэтическое искусство прекрасно, богато, глубоко, оно несет людям земли радость, свет, вдохновение.

Туркменский народ свято чтит и бережет память о Махтумкули и своими великими делами чтит память своего верного сына.

Сегодня мы, потомки великого Махтумкули, празднуем торжество светлого ума, непокорного духа, высокой, мудрой поэзии и глубокой философской мысли, которые, пройдя через века, принесли нам прекрасные образцы духовной красоты, высокого гуманизма, человеколюбия.

Виктор ПРОНИН.
Фото автора

ПРИВЕТ ИЗ ГРИВЫ

Эта деревня называется довольно необычно — Грива. То ли произошло оно от конской гривы, то ли главную роль сыграла холмистая местность — вся деревня расположена на взгорье, как бы на гриве, у крутых берегов Серёны в полутора десятках километров от Козельска. Совершенно уверенно можно сказать, что Грива — одна из самых живописных деревень Калужской области. Но судьба, дав ей эту извилистую речушку, удалив от шумных дорог и железнодорожных станций, сыграла злую шутку — попала деревенька в число так называемых неперспективных. Если до войны здесь было шестьдесят дворов, причем больших — в каждом дети, многочисленная родня, невесты и женихи, то теперь в Гриве не набирается и двух десятков домов, да и живут в них в основном старушки, на лето принимая разъехавшуюся по стране родню.

Добраться сюда непросто, маленький автобус из Козельска проходит в нескольких километрах от Гривы, да и его частенько отменяют по причине осенних дождей, зимних снегов, весенней распутицы, летней уборочной страды. Водители подобным отменам даже рады, они жалуются на выбоины, разбитое покрытие, и потому на большаке частенько можно видеть неподвижные фигурки людей, часами дожидающихся попутной машины, трактора, молоковоза, поднимают руки, даже завидев мотоциклиста в клубах пыли. А что делать: кому в больницу, кому на почту, по хозяйству чего купить, одежду...

Прибытие автолавки в Гриву — всегда радостное событие. Оживленные старушки, оповещая друг друга, торопятся на взгорье. Машина в деревню не съезжает, нет дороги, останавливается на самом верху, недалеко от кладбища. Привозит хлеб, конфеты, макароны, водку. Бутылки покупают разве что в ожидании гостей, в самой деревне пить, можно сказать, и некому. А какие были свадьбы, какие хороводы!

Но это все так, к слову. А суть в другом, в том, что кое-кто готов и людей, оставшихся здесь, тоже записать вроде бы в неперспективные. В Гриве мне повезло познакомиться с Варварой Яковлевной Шихиной, это она на снимке. Всю жизнь Варвара Яковлевна прожила здесь, была большая семья, муж, дети. Потом война, послевоенные трудности, много лет она работала в колхозе, последнее время живет одна. Ведет хозяйство, косит траву, собирает сушняк — придет зима, надеяться не на кого. Раньше держала корову, другую живность, сейчас просто нет сил. Остались одни куры. Из всего огорода успевает управляться всего с несколькими грядками. Что делать — восьмой десяток идет. Но часто, закончив дневные свои хлопоты, садится Варвара Яковлевна на лавку у дома и смотрит на освещенную закатным светом дорогу к большаку.

Ждет сына. Не первый год, не второй...

Сколько раз уже, потеряв всякую надежду, писала в адресные бюро запросы — нет ли там у вас Шихина Николая Ивановича, не прописан ли он там у вас, не проживает ли... Как-то пришел радостный ответ — проживает. Несколько дней жила этой вестью Варвара Яковлевна, все обдумывала строки письма своего к сыну, все старалась написать убедительнее. Написала, отправила письмо по полученному адресу: Приморский край, Михайловский район, Новошахтинский...

Что делать, чужие люди из казенных, как говорится, контор отвечали быстрее, исправнее — не получила ответа Варвара Яковлевна.

— Что-то, Катя, не свертаешь ты к моему дому,— укоризненно говорила Варвара Яковлевна гривенскому почтальону Гордюшиной.

— Да рада бы,— отвечала та.— Не с чем свертать. Пишут, Варвара Яковлевна, пишут,— отговаривалась та привычной почтовой шуткой.

И снова шли годы, наполненные заботами, работой, болезнями, заметало землю снегом, снова приходило тепло — молчал сын. Последний раз ответ из Михайловского района Приморского края пришел больше трех лет назад... «На Ваше письмо сообщаем, что Шихин Николай Иванович 1939 года рождения прописанным по нашему району не значится». И далее следовала подпись начальника РОВД капитана милиции Ф. Ф. Орла.

Надо понимать, сменил сын местожительство, переехал куда-то.

Где он теперь, куда писать?

А всего-то и хочет узнать Варвара Яковлевна — жив ли, здоров ли... И только. Ничего больше ей от сына не нужно. На некоторых служебных бланках, которые она получала в ответ на свои запросы, приписано чьей-то сердобольной рукой: «Жив, здоров». Но с тех пор как последний раз пришли такие слова, прошло уж лет пять. Ладно был бы сын несмышленышем, а то ведь пятый десяток вовсю идет... Своя семья, должно быть, есть, дети...

Трудно найти слова, убеждающие человека в том, что нехорошо забывать свою мать, что надо бы хоть изредка писать ей, гостинец какой-никакой послать к празднику, десяткой поделиться. Чего уж там, неплохо зарабатывают механизаторы на Дальнем Востоке, потеря десятки не разорит, да и не в десятке дело... Есть вещи настолько очевидные, что и говорить-то о них неловко. Можно стыдить человека за плохое поведение в общественном месте, за то, что много пьет или мало работает, но стыдить за то, что отрекся от собственной матери, вычеркнул ее из своей жизни... Тут вступают в силу какие-то другие нравственные законы, более жесткие и непримиримые. Когда кого-то стыдят, то уже в этом есть надежда на исправление, на то, что он был плохим, а станет лучше, что он поймет, осознает свою промашку и больше так поступать не будет. А здесь что-то другое, более важное, может быть, самое важное. Как бы мы ни относились к своей работе, к приятелям, к обещаниям, которые даем, вряд ли все это, вместе взятое, перевешивает отношение к матери. Более того, именно отношение к матери часто определяет сущность человека, его ценность, его достоинство.

Мы посидели с Варварой Яковлевной на скамейке, она рассказала о себе, о своих заботах, о своей боли.

— А нельзя ли через журнал как-то попытаться найти сына-то? — спросила она.

— Попытаться можно...

— Не обидится?

— Чего ему обижаться? Срамить его не будем, расскажем как есть... Глядишь, и откликнется. Совесть заговорит...

— Да ну, совесть! — Варвара Яковлевна махнула рукой.— Небось, все некогда... А найдется, так и скажите — привет из Гривы, Коля.

Даже сейчас не хотела она сына корить перед чужим человеком, оправдания ему искала, прощала заранее. Когда я предложил сфотографировать ее, Варвара Яковлевна охотно согласилась. Отставила свой посошок, сдернула косынку с головы, поправила волосы.

— Сними, а чего ж,— сказала она.— Все память будет. Приедет Коля, хоть карточку застанет...

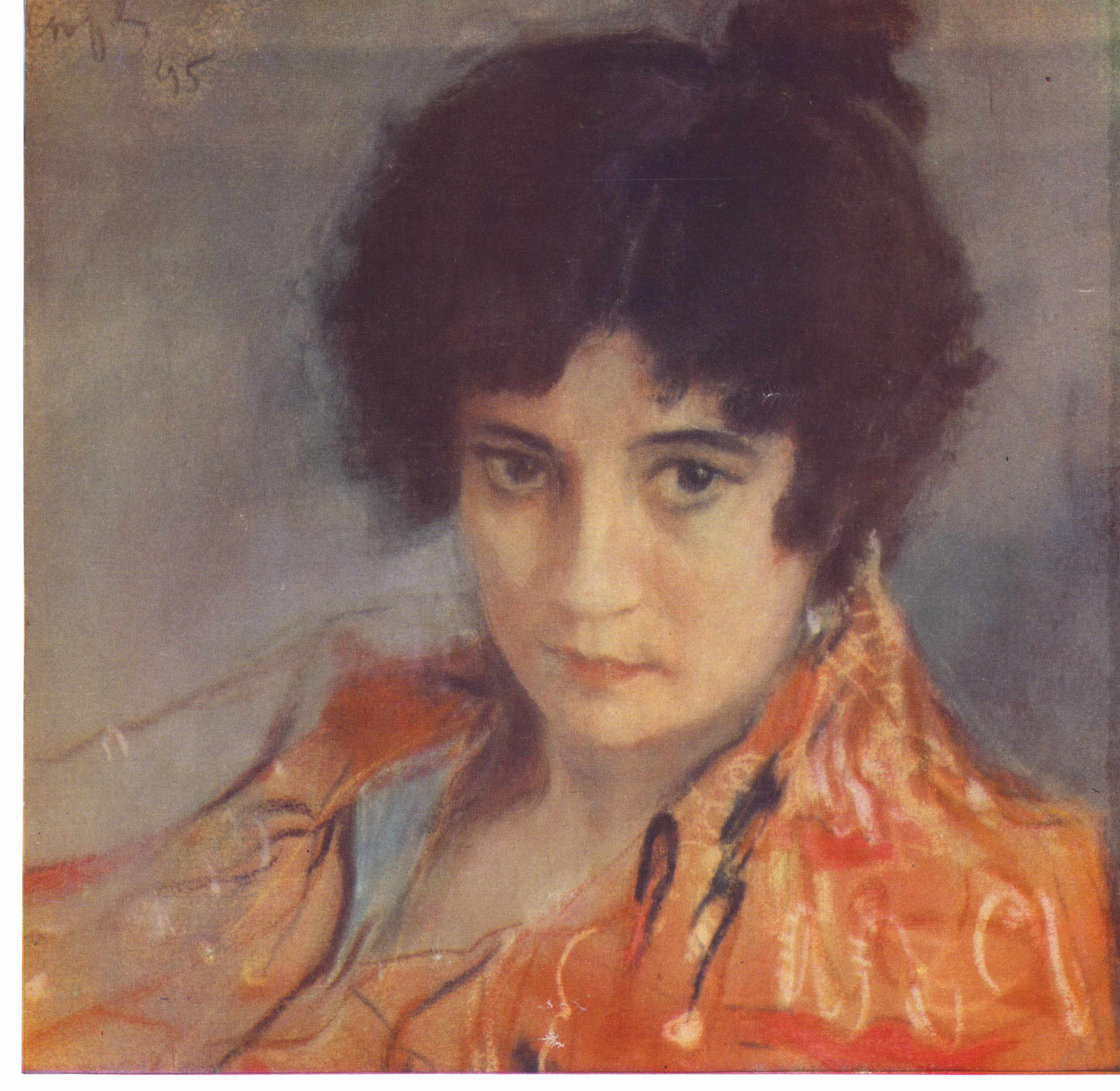
— Может, руки на колени положите?

— Да пусть висят... Им так лучше отдыхается.

Такой она и вышла на снимке. Посошок у калитки, косынка на заборе, повисшие вдоль тела натруженные руки, резиновые сапоги — в них легче управляться по хозяйству. Освещенная закатным солнцем, смотрит она в привычную сторону, на дорогу, ведущую к большаку. Был теплый осенний вечер, маленькое стадо из восьми коров уже вернулось в деревню, где-то за лесом прошел последний автобус.

А сейчас уже похолодало, дело к снегам идет, но и сегодня в фуфайке и вязаном платке сидит Варвара Яковлевна на этой скамейке и вот так же смотрит в сторону большака.

В. Серов. 1865—1911. ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ. 1895

Омский музей изобразительных искусств

Д. Щербиновский. 1867—1926. АМПИР. 1904.

Омский музей изобразительных искусств

МОСКВА, 41-й

Иван **СТАДНЮК**

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Вторая половина июля 1941 года — новый обвал потрясений, когда история в ее вечном движении вопросительно, с нарастающим беспокойством всматривалась в глаза народов и их правительств, испытывая гнетущую тревогу за завтрашний день человечества и за пути, по которым она, история, пойдет в будущее. Все зависело от того, выстоит ли Советский Союз под неистовым напором немецко-фашистских полчищ, яростно рвавшихся к Москве.

Смоленская возвышенность будто явилась в эти дни неожиданным каменным порогом, на который налетела германская военная колесница и хрястнула осью. Казалось, что война, истратив накопленную энергию зла, застопорилась здесь. Но пространства в районе Смоленска продолжали в грохоте боев буйно колоситься смертью, болью, ненавистью, безнадежностью и надеждой. Сражение не утихало ни днем, ни ночью, неутомимо собирая смертный оброк: гибли тысячи и тысячи людей — и защитников этой древней земли и ее поработителей — алчных пришельцев.

Немцы непрестанно и упорно кидали через Днепр свои штурмовые отряды, стремясь гусеницами танков уцепиться за правый берег и торопясь захватить северную часть Смоленска, чтобы затем крупными силами выйти наконец в тылы всей группировки войск Западного фронта, после чего путь на Москву был бы открыт окончательно.

Захватчикам противостояла здесь 16-я армия генерал-лейтенанта Лукина. Изнемогая от неравенства сил, истекая кровью, дивизии этой армии огневыми и штыковыми ударами сметали врага с захваченных береговых плацдармов, сами переплывали не столь большую здесь водную ширь Днепра, бросались в атаки, тесня захватчиков в глубь южной части Смоленска, пытаясь вернуть ее.

Но тщетно: логика войны неумолима — когда вражеские самолеты с рассвета дотемна десятками кружили в небе и когда на стороне немцев огромное преимущество в танках, артиллерии да и в пехоте, потеснить их с захваченных рубежей было невозможно. Немцы тоже не могли одолеть армию генерала Лукина, пусть малочисленную, но силу которой будто умножали веками врожденная у россиян ненависть к поработителям и не покидавшее воинов скорбное мужество, суть которого — умение страдать и готовность идти на самопожертвование во имя Отечества. Именно так: смертная человеческая плоть была крепче огня и железа, если дух в ней не увядал.

А, может, отчасти и жестокая строгость поступавших свыше приказов, которые кратко, в чеканных формулировках излагали боевые задачи и сурово напоминали редеющему воинству 16-й армии и без того известную им, рвавшуюся из сердца болью истину: Смоленск — это ворота к Москве...

1

...Война застала генерал-лейтенанта Лукина в Виннице. В то время погруженные в железнодорожные эшелоны части его 16-й армии, начавшие выдвижение из Забайкалья на запад еще перед войной, подходили передовыми силами к местам расквартирования в районах Бердичева, Винницы, Проскурова, Старо-Константинова и Шепетовки. Последние эшелоны еще пересекали Сибирь, а генерал Лукин уже получил новый приказ: 16-я армия переходила в распоряжение ставки Верховного командования. Ее задача — двигаться после сосредоточения навстречу врагу через Шепетовку, Острув, Ровно и далее — согласно последующим приказам.

Силы же в 16-й армии были тогда немалыми — только один ее 5-й механизированный корпус имел более тысячи боевых машин, насчитывалось около трехсот танков в отдельной танковой бригаде; да и 32-й стрелковый корпус состоял из трех дивизий высочайшей воинской выучки.

26 июня поступил новый приказ: он перенацеливал 16-ю армию с Юго-Западного на Западный фронт — в район Орша — Смоленск. Поэтому прибывшие на Юго-Западный, но не успевшие разгрузиться эшелоны тут же направлялись по новому маршруту, а генерал Лукин помчался в Шепетовку, чтобы приостановить там разгрузку 5-го механизированного корпуса. Застал в этом заштатном городишке Подолии скопление отступивших от границы разрозненных подразделений, сотни призванных местными военкоматами рядовых и командиров и множество представителей из действующих частей, прибывших за боеприпасами, оружием, продовольствием. И нескончаемый поток беженцев с запада... Ко всему этому — непрерывные бомбежки и диверсии переодетых немецких парашютистов.

Что было делать ему, генерал-лейтенанту Лукину, в этой кутерьме, учитывая, что к Шепетовке уже подходили разведывательные части противника, а он волей судьбы оказался здесь самым старшим по воинскому званию и по должности? И Михаил Федорович принял решение взять на себя власть, доложив об этом командованию Юго-Западного фронта.

Но связаться со штабом фронта не удалось. С трудом дозвонился из кабинета начальника железнодорожной станции в Киев, к заместителю командующего генерал-лейтенанту Яковлеву. Доложил ему, что Шепетовка под угрозой захвата врагом. Яковлев, потрясенный услышанным, ответил:

«Вы понимаете, что это значит? Немедленно принимайте все доступные вам меры!»

«Но мне надо ехать к своей армии!»— резонно ответил ему Лукин.

«В Шепетовке — главные наши склады,— задыхаясь от волнения, объяснял генерал Яковлев.— Если противник займет Шепетовку, войска фронта останутся без боеприпасов и без всех других видов боевого довольствия!»

Кабинет начальника станции тогда и стал командным пунктом генерала Лукина. Первым делом он приказал отменить погрузку в эшелоны 109-й механизированной дивизии 5-го механизированного корпуса и 116-го танкового полка 57-й танковой дивизии. Командиру дивизии полковнику Красноречкому поставил задачу — вместе с танковым полком занять оборону и не допустить противника к Шепетовке.

При себе Лукин оставил армейского интенданта полковника Маланкина, двух штабных офицеров и двух политработников. Приказал им сколотить группы заслона и останавливать на дорогах машины с беженцами, пересаживать их в железнодорожные эшелоны, идущие на Киев, а машины загружать боеприпасами и отправлять на фронт... Сколько же было тогда слез, просьб, проклятий в его, Лукина, адрес — многие беженцы никак не желали да и не могли расставаться с машинами. Но — война... Да, война длилась уже неделю, а со стороны Киева пусть и редко, но все еще шли через Шепетовку в направлении разных городов Западной Украины эшелоны, груженные тракторами, комбайнами, сеялками, зерном,— шли по довоенному графику.

Генерал Лукин приказал начальнику станции остановить этот поток. Но это было так же невозможно, как невозможно остановить течение реки: оказались бы забитыми все железнодорожные пути на всех станциях, что застопорило бы движение воинских эшелонов. И товарные поезда продолжали следовать в сторону противника, чтобы где-то слететь под откос или сгореть...

Вызвал начальников военных складов — а складов было множество — и спросил о том, сколько кому надо эшелонов для эвакуации. Услышал такие цифры, что продолжать разговор было бессмысленно, и на свой страх и риск отдал приказ: ни в чем не отказывать всем прибывающим с фронта за боеприпасами, горючим, продовольствием, боевым снаряжением, если даже у них нет на руках чековых требований для получения боевых грузов. Достаточно записки полковника Маланкина — и вручил начальникам складов белые картонки с заверенным печатью образцом подписи интенданта.

А командир 109-й механизированной дивизии полковник Красноречкий Николай Павлович бесстрастно доносил, что мотомехчасти противника продолжают остервенелые атаки и уже находятся в двадцати километрах западнее Шепетовки. Дивизия несла большие потери. Вскоре был тяжело ранен и сам Красноречкий. Лукин тут же решил заменить его командиром одного из полков этой дивизии — майором Подопригорой. Но к этому времени полк в стычке с превосходящими силами немцев понес большие потери, и Подопригора от отчаяния застрелился. Пришлось генералу Лукину самому ехать в дивизию, вести ее в бой, пока не был назначен новый надежный командир.

Начало первой книги романа. Полностью будет печататься в журнале «Молодая гвардия».

Обстановка на Шепетовском направлении накалялась и обострялась все больше. Надо было бросать навстречу врагу новые силы и чем-то прикрыть фланги слабеющей 109-й механизированной дивизии. Лукин приказал задерживать всех идущих, едущих через Шепетовку или близ нее — вырвавшиеся из окружения разрозненные части, группы, одиночки... Из них удалось сколотить четыре мотоотряда. Усилив их тремя батареями артиллерии и двумя десятками танков, бросил на защиту флангов 109-й дивизии...

Так же решительно подчинил себе и свежую стрелковую дивизию, которая пешим порядком приблизилась к Шепетовке, следуя на запад, чтобы влиться в состав воевавшей там 5-й армии, местонахождение которой было неизвестно. И приказал ей занять оборону на подступах к Шепетовке. Лукину тогда казалось, что он не поспевал за работой своих жадных и встревоженных мыслей; решения приходили будто сами по себе от ощущения смертельной опасности и понимания небывалой ответственности. Часто остроту или непредвиденность ситуации улавливал чутким инстинктом; при этом помнил, что одна из подлинных тайн умелых военачальников заключается в соединении смелости и осторожности.

Итак, генерал-лейтенант Лукин самовластно стал в Шепетовке командиром созданной им же войсковой оперативной группы, о действиях которой вскоре замелькали похвальные упоминания в сводках штаба Юго-Западного фронта и даже Ставки Верховного командования. Наладилась наконец связь с командующим Юго-Западным генерал-полковником Кирпоносом, и Лукин со всей прямотой доносил ему, что Шепетовская оперативная группа войск тает с каждым днем и больше не имеет возможностей пополняться. Уже ни доблесть, ни отвага, ни самопожертвование не помогут ей дольше удерживать Шепетовский узел, если на этом участке не будет введено в бой необходимое количество свежих соединений.

Вскоре под Шепетовку прибыл из Днепропетровска 7-й стрелковый корпус генерал-майора Добросердова, а Лукин поспешил под Смоленск, чтоб вновь возглавить свою 16-ю армию.

2

Под Смоленском, как читатель уже знает, Лукин застал только две дивизии: 46-ю неполную и 152-ю, а все остальные соединения, как доложил ему со скорбью в глазах начальник штаба армии полковник Шалин, переданы в 20-ю армию генерал-лейтенанта Курочкина, которая вела тяжелые оборонительные бои в районе Орши.

Несколько дней чувствовал себя генерал-лейтенант Лукин обиженным и беззастенчиво ограбленным. Поэтому с трудом вживался в атмосферу событий на Западном фронте, которая сразу же по приезде в Смоленск показалась ему куда напряженнее, чем в районе Шепетовки (на войне всегда самой страшной опасностью кажется ближайшая). Так и этак оценивал и взвешивал оставшиеся под его командованием силы. Две дивизии... Вроде и сила... Но и явное бессилие, коль нет 5-го механизированного корпуса, которым на штабных учениях так привык наносить неотразимые контрудары по «противнику» из-за флангов обороняющейся армии. Две дивизии, заняв оборону и образовав выдвинутую на северо-запад от Смоленска дугу, да и то рваную, прикрывали ведущие на восток дороги и наиболее опасные направления в тылу державшей оборону 19-й армии. Из этих дивизий пришлось по приказу Главкома Западного направления маршала Тимошенко выделить усиленные батальоны и бросить их на запад и юго-запад от Смоленска — в район Красное и на рубеж речки Свиная — селение Литивля, чтобы вместе с батальонами смоленских ополченцев бригады полковника Малышева защитить фланги дравшихся там частей 20-й армии.

Всматриваясь в карту и видя, как маршал Тимошенко снимает части с одних направлений

и бросает их на другие, как поспешно вводит в сражение прибывающие в район боевых действий, но полностью не сосредоточившиеся соединения, понимал, что у штаба фронта нет резервов, и будто физически, как давящую боль сердца, ощущал дырявость обороны и слабую прикрытость важных оперативных направлений. А когда ему приказали возглавить оборону Смоленска, ощутил еще и беспомощность, как боксер, вышедший на ринг без главного доспеха — боксерских перчаток. Только и успел сделать, что вернул ополченческие батальоны полковника Малышева к стенам города и приготовил их к уличным боям да принял меры, чтоб мобилизовать население для устройства завалов...

В тяжких положениях питают полководца надежды не только на свои силы, но и на ошибки и просчеты противника и на малейшую возможность достигнуть превосходства пусть на каком-либо направлении или участке соприкосновения с вражескими войсками. Поэтому с обостренным поиском мысли, с упованием на счастливое ее озарение выслушивал доклады штабных командиров и генералов, напряженно вчитывался в боевые донесения и пытливо всматривался в карту, где в обороне 19-й армии генерала Конева все явственнее намечался глубокий прорыв немецких танковых колонн, как и юго-западнее Смоленска, в полосе 20-й армии, и в итоге будто ощущал на себе тесную и хлипкую одежонку, продуваемую со всех сторон ледяными ветрами.

Правда, 14 июля был момент, когда на душе чуть развиднелось: поступил приказ командующего фронтом, что в состав 16-й армии вливается 17-й мотомеханизированный корпус генерал-майора Петрова. Но где же он? Из штаба фронта сообщили, что части корпуса где-то переформировываются после выхода из окружения. Однако так ни одна из них и не появилась в полосе армии. Узнал только от случайного окруженца, что действительно в начале июля проходили через Смоленск отдельные подразделения 209-й мотострелковой дивизии этого корпуса; заинтересовался судьбой командира дивизии полковника Муравьева Алексея Ивановича, которого хорошо знал по довоенному времени. Муравьев, как рассказал окруженец, был тяжело ранен немецким диверсантом еще там, за Минском, в районе Слонима, и оттуда отправлен на восток... И рассвет отступил, несмотря на то, что на второй день пришла от маршала Тимошенко новая, тоже сулившая надежды шифрограмма. В ней Лукину приказывалось принять от командующего 19-й армией генерал-лейтенанта Конева две стрелковые дивизии — 158-ю полковника В. И. Новожилова и 127-ю генерал-майора Т. Г. Корнеева и поставить их на рубеж южнее Смоленска — от стен города по реке Сож до деревни Гринево, создав при этом мощные узлы противотанковой обороны.

Послал генерал Лукин своих представителей в эти дивизии с приказом немедленно начать марш к Смоленску; не раз смотрел по карте на неблизкий их путь и понимал: не успеют ко времени оседлать дороги, по которым немцы рвутся к городу. Однако неверия своего никому не показывал; принимал меры, чтоб удержаться до подхода этих двух дивизий своими малочисленными силами. И еще, может быть, от отчаяния, приказал командирам частей, штабистам и политработникам поступать так, как поступал он сам в районе Шепетовки: решительно «прибирать к рукам» — подчинять себе — все, что даже случайно может оказаться в полосе их 16-й армии: разрозненные группы и группочки красноармейцев, одиночных командиров и бойцов, боевые расчеты, обескровленные подразделения, машины, отдельные танки, и, приписав их к полкам, ставить в оборону.

Ничто на фронте так не ценится, как ясность. Эта истина давно была известна Михаилу Федоровичу Лукину; однако, постигнув ее в ночь с 15 на 16 июля 1941 года, когда убедился, что немцы захватили южную часть Смоленска, чуть по-волчьи не взвыл от бессилия и обжигавшего сердце понимания: наступил тот страшный и критический момент, когда чаша весов могла трагически резко и, возможно, надолго перевеситься в пользу агрессора. Только по недосмотру немцев, а может, и потому, что полковник Малышев вовремя взорвал смоленские мосты, они с ходу не перемахнули через Днепр и не захватили северную часть города. Ведь защищать Заднепровье было нечем: почти весь гарнизон Смоленска героически погиб в ночном уличном бою...

На рассвете 16 июля, как только в штабе армии стало известно, что враг захватил южную часть города, генерал Лукин вместе с членом Военного совета армии дивизионным комиссаром Лобачевым и группой офицеров штаба примчались на машинах из Жуково в северную часть Смоленска. Остановились среди развалин кирпичных домов у вокзала и тут же были обстреляны из-за Днепра немецкими пулеметами. Этот огонь разбудил дремавшую по правому берегу нашу жиденькую оборону: в некоторых местах затакнули пулеметы, громыхнули одиночные выстрелы. Вскоре оборона была несколько усилена. Офицеры штаба разыскали спавших в каменных домах над Днепром уцелевших бойцов из дивизиона смоленской милиции и отрядов Буняшина и Никитина. Люди были усталые до бесчувствия, но, встряхнутые командами и окриками начальства, заняли позиции для обороны быстро, с пониманием серьезности обстановки.

— Что будем делать дальше?— спросил генерал Лукин у дивизионного комиссара Лобачева, глядя на него отрешенным и требовательным взглядом.

Они хорошо знали и понимали друг друга, гордились родством своих душ и верили, что мысли их ведут поиск решения в одном направлении. Но сейчас, укрывшись за стеной разбитого кирпичного дома, были в замешательстве.

— Надо доложить в штаб фронта,— ответил Лобачев, доставая подрагивающими пальцами папиросу из кем-то протянутой пачки.

— Доложить успеем. Я о решениях спрашиваю,— нетерпеливо уточнил Лукин.

— Поступит приказ выбить немцев из Смоленска.— Лобачев не спеша прикуривал от чьей-то спички и косил взгляд на командарма.— Это точно... Отсюда надо и решать.

Лукин, будто огорченный ответом члена Военного совета, резко отвернулся от него, раздраженно скрестил на груди руки. Эта его внешняя раздраженность свидетельствовала, что он напряженно размышлял о первых нужных шагах в столь беспросветной ситуации...

Военная, как и всякая другая, одаренность людей не имеет пределов, ибо жизнь с ее неустанным стремлением к постижению и совершенству гораздо шире возможностей человека. Наличие же рядом с одаренным еще одного одаренного, каким и был дивизионный комиссар Лобачев, увеличивало силу постижения обоих, так как каждый из них, Лукин и Лобачев, на оселке способностей друг друга выверял зрелость и глубину своего видения и понимания, верность или ошибочность своих суждений.

Впрочем, предположение Лобачева о том, что непременно поступит приказ отбить у немцев Смоленск, не явилось для Лукина откровением, но поторопило его предугадать оперативное решение этой задачи, которое предложит ему штаб фронта. И сразу нашлось главное русло, по которому надо было устремлять воспаленные мысли: какими силами можно выбить немцев из Смоленска? Ведь пути подхода резервов к 16-й и 20-й армиям перекрыты; соседняя, 19-я армия отступает от Витебска, с трудом отбивая непрерывные атаки немецких танков, растекаясь на юго- и северо-запад. Значит, маршал Тимошенко и начальник штаба фронта генерал Маландин будут требовать от Лукина решать задачу собственными силами. Стало быть, надо немедленно перегруппировывать все то, что сражается здесь, в оперативном окружении, и нужна связь с генерал-лейтенантом Коневым — командующим 19-й армией.

Но все-таки что было делать в те самые первые часы трагического утра, когда прорыв врага в южную часть Смоленска стал фактом? У генерала Лукина не было надежд даже на удержание северного берега Днепра до подхода сюда частей армии с других участков фронта. Ведь знал, что с восходом солнца немцы обрушат на рваную цепочку нашей обороны сотни бомб, тысячи снарядов и мин, ослепят огнем и дымом, кинут через узкий Днепр пехоту и плавающие танки, и защитникам северной части Смоленска придется погибнуть, взяв только подороже с врага плату за свою погибель. Другого исхода не предвиделось.

Если б в минуты этих тяжких раздумий, когда мятущаяся душа Михаила Федоровича билась в муках безысходности, он посмотрел на себя в зеркало, то увидел бы почти незнакомого человека. Чуть удлиненное его лицо с широко раздвинутыми глазами (раньше казалось, что они раздвинулись от веселого желания шире посмотреть на мир) обрело что-то трагическое, выражавшееся в усталом и притушенном блеске глаз, в углубившихся морщинах и особенно в опущенных уголках губ. Когда он снимал каску, волосы на его голове не имели привычного прямого пробора, были свалявшимися и казались жидкими, как побитый градом лен.

С тяжким чувством уезжал генерал Лукин из пределов Смоленска. Раздражала неосознанная вина — та самая, которая терзает почти каждого военачальника в подобном состоянии. Михаилу Федоровичу мнилось, что, может быть, он из-за усталости, из-за чрезмерного напряжения не учел чего-то, упустил из вида какие-то обстоятельства.

В «эмке», испятнанной для маскировки зеленой и коричневой краской, с ним ехал новый начальник артиллерии армии генерал-майор артиллерии Прохоров Иван Павлович, известный среди артиллеристов знаток своего дела; он умел чувствовать силу и возможности подчиненных ему полков, дивизионов, батарей, словно тяжесть и силу удара собственного кулака и, казалось, даже с ощущением твердости того предмета, на который замахнулся. Нужные сведения Прохоров будто ловил с воздуха. Погоняв по частям подчиненных ему офицеров, посидев ночь на узле связи, побывав на подвижных складах артснабжения, он уже знал все, без чего нельзя было управлять артиллерией. Но знаниями не заменить боезапаса, не заполнить лотки орудийных передков. Нужны были снаряды, много снарядов, а подвоз их в связи с тем, что немцы захватили Ярцево и перерезали магистраль Минск — Москва, прекратился. Нужно было и пополнение артдивизионов техникой, особенно противотанковой. И Прохорову, как и генералу Лукину, виделось, что только чудо могло затормозить неизбежную кровавую развязку.

Впереди их машины ехал броневичок, из башни которого по грудь высунулся адъютант Лукина старший лейтенант Михаил Клыков. Генерала Лукина всегда веселила его кавалерийская осанка. Клыков (между прочим, как и Лукин, Михаил Федорович) был кубанским казаком и, восседая в башне броневика, держал себя, как в седле — широко расправлял грудь и на дорожных рытвинах, когда броневик подбрасывало, вскидывал вверх тело, будто опирался на стремена седла и облегчал ход коню.

Сзади машины генерала Лукина, объезжая частые воронки и переваливаясь на рваном асфальте, катил в своей легковушке дивизионный комиссар Лобачев. Держали путь к магистрали Минск — Москва, на то место, где ее пересекала дорога Смоленск — Демидов. Оно, это место, все время манило к себе генерала Лукина. Нет, не потому, что отсюда рукой подать до Жуково, где в лесу был узел связи, без которого командарм наполовину слеп и глух. Михаил Федорович постоянно ощущал неприкрытость этого оперативно важного места, примыкающего к северной части Смоленска, как ощущают сквозняк слабо одетой частью тела. Ему, этому месту, зримо угрожали со стороны Демидова и Ярцева подвижные танковые клинья немцев. И отсюда был совсем близок опустевший военный аэродром, пусть с искромсанными взлетно-посадочными полосами...

Еще раз охватив мыслью эту грозную опасность, Михаил Федорович зябко передернул плечами, с тревогой посмотрев сквозь придорожный покрытый густой пылью кустарник в сторону аэродрома... Очень удобное место для высадки усиленного техникой вражеского десанта.

Проезжали небольшое село Печёрск. Над дорогой слева возвышалась аккуратно граненая церквушка. Древнеславянской вязью ле-

пились на ней ближе к крыше цифры, обозначавшие год освящения церкви: 1678.

«Сколько же событий пришлось ей увидеть на своем веку! — с печалью подумал Лукин.— Не дано камню рассказывать...»

Когда впереди стала видна автострада с маячившим на ней контрольным постом в лице одного красноармейца с карабином за спиной и красным флажком в руке, Лукин приказал остановиться. Машины укрыли на приличном друг от друга расстоянии в придорожной лесопосадке. Вместе с генералом Прохоровым перешагнули кювет и подошли к выглядывавшим из полынной проседи валунам; они, сбившись в табунок, будто ловили серенькими спинками холодные лучи только что взошедшего из-за недалекого леса солнца. Уселись на камнях, и Михаил Федорович по привычке расстегнул планшетку, под целлулоидом которой хорошо читалась карта Смоленска и его окрестностей. Подошел дивизионный комиссар Лобачев.

— Еще бы начальника штаба сюда, и можно открывать заседание Военного совета армии,— невесело пошутил Лобачев.

— Нам бы лучше несколько полков пехоты... — Лукин, достав пачку «Казбека», стал закуривать. Когда прикурил, добавил: — И артиллерии стволов сто... Как, Иван Павлович?— И он скользнул болезненным взглядом по загорелому и худощавому лицу генерала Прохорова.

— А вот и явление Христа народу,— будто в ответ ему сказал Прохоров, с удивлением глядя в сторону магистрали.

Все примолкли, тоже уставившись туда напряженными глазами: по дороге к ним приближался какой-то генерал-майор с общевойсковыми малиновыми петлицами на воротнике гимнастерки. Выше среднего роста, стройный, в запыленных хромовых сапогах, в фуражке, из-под которой выглядывали седоватые виски, он казался довольно моложавым, подтянутым, испытывая, видимо, неловкость под устремленными на него взглядами незнакомых людей с неласковыми лицами. Темный от усталости и загара лик генерала выражал озабоченность. Поравнявшись с военными, сидевшими на валунах, генерал остановился и, щелкнув каблуками, отдал честь. Представляться почему-то не спешил, и Лукин, нарушив молчание, чуть иронично спросил:

— Кого имеем честь лицезреть?

Генерал будто с некоторым вызовом и необъяснимым чувством превосходства прищурил глаза, но ответить не успел. Его опередил Прохоров, который вдруг зашелся тихим смешком, охнул и неуверенно спросил:

— Городнянский?.. Авксентий Михайлович? Чтоб я пропал — Городнянский!.. Сколько лет, сколько зим!

— Так точно. Генерал-майор Городнянский. Командир сто двадцать девятой стрелковой дивизии девятнадцатой армии,— подтвердил подошедший.

— А дивизия где?— уже с явным вызовом спросил Лукин, наперед вкладывая в свой вопрос горечь, которую, как он полагал, вызовет у него ответ генерала Городнянского.

— Вон в том лесу, в километре отсюда,— кивнул Городнянский.— Два стрелковых и один артиллерийский полк. Сейчас должны подойти еще один стрелковый и один артиллерийский...

Лукин и все, кто был с ним, словно подкинутые невидимой силой, поднялись с валунов, перешагнули через заросшую бурьяном канаву и вышли на дорогу.

-- Какая задача дивизии?— со сбившимся дыханием спросил Лукин, горячо пожимая Городнянскому руку.

— Отступаем...

— Ясно, генерал... Я Лукин... Командарм-шестнадцать. Все части в полосе шестнадцатой армии, согласно приказу Военного совета фронта, подчинены мне...

— Я это знаю...

— Надо спасать Смоленск!

— Приказывайте, товарищ генерал-лейтенант.— Городнянский взял под козырек, а затем начал доставать из планшета карту, чтобы нанести на нее задачу для своей дивизии.

Все действительно произошло как в сказке...

Продолжение следует.

КЛУБЫ ВПЕРЕДИ СБОРНОЙ

Валерий **ВИНОКУРОВ**

Лихо закрученный ход чемпионата страны на протяжении всего сезона держал в напряжении любителей футбола. Менялись лидеры, то взлетая на вершину турнирной таблицы, то скатываясь с кручи в ее низины, и к концу первенства выяснилось, что лишь три клуба — «Днепр», «Спартак» и минское «Динамо» — увереннее других пробивались и пробились сквозь дебри сложного календаря. Но, поздравляя призеров, нельзя забыть и тех, чья спортивная дерзость не просто была достойной уважения, но и во многом определила напряженный ход турнира. Этому способствовала незаурядная по замыслам и исполнению игра победителя первого круга, дебютанта высшей лиги «Жальгириса», обладателя Кубка страны «Шахтера», «Зенита» и московского «Торпедо», «Черноморца» и «Арарата». И всей этой увлекательной, насыщенной и захватывающей борьбе минувшего чемпионата полностью соответствовала и концовка соревнования клубов высшей лиги — матч последнего тура между «Днепром» и «Спартаком».

Творческая атмосфера наших внутрисоюзных соревнований, в которой ведущие команды формировали свою игру и поддерживали высокий волевой тонус, помогла как никогда удачно и убедительно выступить минскому «Динамо», «Шахтеру» и «Спартаку» на европейской арене — в Кубке чемпионов, Кубке кубков и Кубке УЕФА. Причем заслуживают всяческой похвалы не только и не столько результаты этих команд в матчах с зарубежными соперниками, сколько качество показанной в них игры, игры, нацеленной на атаку, игры смелой и результативной как во встречах на своем поле, так и на поле соперников. Неудача в Кубке УЕФА постигла лишь киевское «Динамо», уступившее слабому французскому клубу, и неудачу эту не назовешь случайной, настолько невыразительно, вяло, бескрыло выступали киевляне в чемпионате страны. Их поражение от французского «Лаваля» стало своеобразным доказательством того, что по-настоящему подготовиться к выступлениям на международной арене можно лишь тогда, когда ведешь полноценную борьбу на арене всесоюзной.

Напомню, что последний тур чемпионата страны состоялся 6 ноября, тот самый тур, что был украшен великолепным матчем «Днепр» — «Спартак». А как раз за четыре дня до финиша первенства и прошли встречи в европейских турнирах, где так успешно выступили наши полпреды, и особенно впечатляющей оказалась победа «Спартака» над английской «Астон Виллой». Словом, настроение у футболистов и любителей футбола было прекрасным. Оставалось лишь поставить восклицательный знак, что и выпало волей календаря на долю сборной, причем виделся тут даже определенный символ: кому, как не сборной СССР, надлежало исполнить заключительный аккорд в столь удачно прошедшем сезоне?

В таком настроении, казалось, не было и тени шапкозакидательства. Все понимали, что матч в Лиссабоне будет непростым. Но ведь не зря же наша сборная лидировала в отборочной группе, не случайной же была ее крупная (5 : 0) победа над португальцами в Москве и затем убедительная (2 : 0) в Москве же над сборной Польши? Не возникало и сомнений в том, что класс советского футбола выше, чем у соперников. Вот и сейчас, после того как холодным душем обрушилось на нас лиссабонское поражение, сомнения не появились, напротив даже, мы имели все основания укрепиться в мысли о превосходстве наших футболистов в классе над португальцами. А это, если хотите, наиболее огорчительный итог выступления сборной. Потому что проиграть сильному, превосходящему тебя в мастерстве сопернику не зазорно, если к тому же было сделано все, что в твоих силах. Поражение от по-настоящему классной команды даже полезно, оно может многому научить, прояснить путь, каким надо идти в стремлении совершенствоваться. А чему может научить обидное поражение от слабой команды? Увы, оказывается, и оно должно стать уроком. Каким? Вот об этом, по-моему, и надо сказать сегодня со всей четкостью и определенностью.

Дело в том, что в минувшем сезоне, когда клубы сделали очевидный шаг вперед в развитии игры созидательной, комбинационной, атакующей, показав, что не прошли для футболистов и тренеров бесследно уроки чемпионата мира в Испании, только сборная — и это, конечно, поразительное недомыслие — осталась в стороне. Ее руководителей и краем крыла не коснулись свежие веяния. И вместо того, чтобы возглавить новое, прогрессивное направление, сборная осталась в хвосте, отстав от клубов в понимании и трактовке современного футбола.

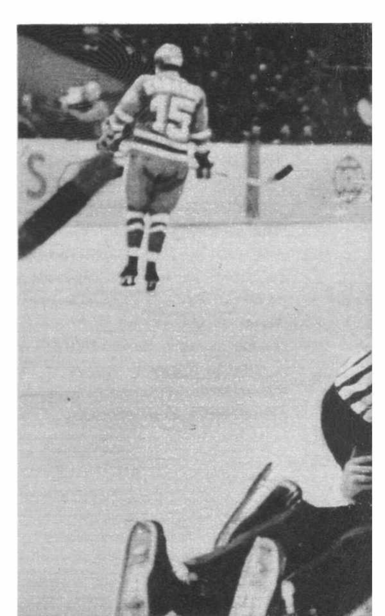
Обычно бывало так, что неудачные выступления сборной в международных соревнованиях как бы обнажали недостатки, недоработки всего футбола. На этот раз случилось иное: поражение потерпели устаревшие, регрессивные концепции конкретных руководителей сборной. Если же вспомнить о том,

ИЗ ЖИЗНИ ХОККЕЙНОГО СУДЬИ

Фото А. БОЧИНИНА

Шайба, как известно, летит со скоростью полутораста километров в час, но если она попадает в судью, он не может наказать ее даже двухминутным штрафом. А судьи в отличие от игроков шлемов не носят, вот и вертятся они, как белки, в колесе яростных атак.

Да, тут судье не позавидуешь. То ли дело судья теннисный — взирает он за полетами мячика с высоты, боксерский рефери, хоть его место не в стороне, а на настиле ринга, неприкасаем, и даже футбольный арбитр, самый близкий родственник судьи хоккейного, чувствует себя на поле в полной безопасности. Увы, не то на льду! Владеть коньками хоккейный арбитр должен не хуже фигуриста, реакция у него должна быть, как у Третьяка, а бесстрашие, как у Мальцева. Трудная у него жизнь, и в этом можно еще раз убедиться, поглядев на эти снимки.

что и неудачи юношеской и юниорской сборных страны тоже были вызваны прежде всего неумелым руководством этими командами, а не общим состоянием дел в юношеском футболе, то невольно встает вопрос и об ответственности Управления футбола, доверившего руководство сборными командами либо малоопытным тренерам, либо тем, кто давно уже переживает творческий застой.

В самом деле, взгляды старшего тренера сборной В. Лобановского, то, что принято несколько высокопарно называть словом «кредо», хорошо известны и неоднократно оспаривались в печати как многими его коллегами, так и футбольными обозревателями. Да и практика выступлений руководимых им команд в международных соревнованиях на протяжении последних восьми лет подтверждала правоту его оппонентов. Даже в нынешнем сезоне матчи сборной в Финляндии и Польше разительно отличались от ее выступлений на своем поле, что вновь побуждало комментаторов подвергать критике пресловутую теорию «выездной модели».

Напомню кратко, что в основе взглядов Лобановского лежит утверждение приоритета результата над качеством и зрелищностью игры, а функциональной готовности — над тактическим содержанием, над стремлением действовать в смелой атакующей манере. Удивительно при этом, что как раз нужного результата никак не удается добиться, а функциональная, или, попросту говоря, физическая, атлетическая готовность игроков оказывается не на должном уровне. Если добавить к сказанному, что «выездная модель» сводится к обилию игроков оборонительного плана, выходящих на поле в ущерб числу футболистов, умеющих атаковать, и к тому, что инициатива защитников сковывается негибкой персональной опекой, то становится очевидным, что с такой «игрой» претендовать на ИГРУ в полном смысле этого слова невозможно.

За полтора года, прошедших после чемпионата мира, состав сборной практически не изменился. Учитывая позитивные перемены, происходившие в течение нынешнего сезона в нашем футболе, обновление, омоложение главной команды напрашивалось (как это, кстати, осуществляли в ходе своих отборочных турниров олимпийская и молодежная команды). Однако при том, что взгляды руководителей первой сборной ни на йоту не изменились, они и могли опираться лишь на прежний состав: новые, молодые футболисты не «уложились» бы в прокрустово ложе старых схем. К слову, особенно трудно приходилось в сборной спартаковцам, которые в клубе играли совсем в другой футбол, что и привело к тому, что в Лиссабоне вместо Черенкова, Гаврилова и Родионова на поле вышли, казалось бы, совсем не те люди, которые выступали в Бирмингеме и Днепропетровске.

Сломать игру гораздо легче, чем построить. Так же, как не требуется большого умения «загнать» тренировками с высокой нагрузкой уставших к концу сезона футболистов. Гораздо труднее снять усталость, восстановить свежесть. Спустя десять дней после двухразовых тренировок в сборной все три спартаковца не сумели полностью «отойти», что чувствовалось в их игре в Роттердаме.

Словом, сборная вновь пропустит финальный турнир чемпионата Европы, что, к слову сказать, впервые случилось с ней в 1976 году, когда ее тоже возглавлял В. Лобановский. Жаль, конечно, что не удастся на практике проверить те положительные тенденции, которые проявились в нашем футболе, выводы, сделанные после чемпионата мира. Однако клубы наши, вышедшие в четвертьфиналы европейских кубков, смогут уже ранней весной проверить свои силы в матчах с сильными зарубежными соперниками и, надеюсь, укрепиться в правильности выбранного направления.

А то, что направление выбрано верное, утверждал весь ход и итог минувшего чемпионата страны. Суть полемики, какая велась на протяжении последних лет в печати и отражалась в практике ведущих команд страны, заключается, строго говоря, в противопоставлении активного игрового стиля, основанного на созидании, практицизму, в котором очковые интересы торжествуют над творческими. Кажется, еще совсем недавно лишь две команды — «Спартак» и тбилисское «Динамо» — своей практикой утверждали стиль комбинационно-творческий. Сегодня такому стилю верны не меньше половины клубов высшей лиги.

Многое в этом плане сделал прошлогодний чемпион, а ныне бронзовый призер и четвертьфиналист Кубка чемпионов—минское «Динамо». Когда минчане стали чемпионами, они естественным образом достигли вершины на том пути, какой избрали несколько лет назад под руководством Э. Малофеева. Ибо мало провозгласить преданность комбинационно-игровому стилю, освоить и совершенствовать его намного сложнее. И очень важно не останавливаться даже на вершине, потому что игровой стиль, как никакой другой, требует постоянного внесения нового, постоянного творческого поиска, что, помимо всего прочего, тоже характерная черта этой манеры.

В минувшем сезоне, в середине второго круга, интересы олимпийской сборной потребовали — подчеркну, интересы не турнирные, а творческие —изменения ее игры, перехода на новые игровые рельсы. Естественным выглядело назначение на пост ее старшего тренера именно Э. Малофеева, которому пришлось в ходе отборочного турнира перестраивать игру олимпийцев. Но что станет после его ухода с минским «Динамо»? К счастью, бывший партнер Малофеева по игре и помощник в тренерской работе В. Арзамасцев сумел сохранить найденное и освоенное, минчане под его началом преодолели трудную турнирную полосу, успешно финишировали, став призерами, и, повторяю, показали впечатляющую игру в матчах Кубка чемпионов, попутно доказав, насколько жизнеспособен их игровой стиль.

На протяжении уже многих лет приверженность своему стилю убедительно демонстрирует и московский «Спартак». В нелегкую пору пребывания в первой лиге его старший тренер К. Бесков избрал именно такой путь, хотя тогда многим казалось, что самое главное — набирать очки, чтобы скорее вернуться в высшую лигу. «Спартак» не просто вернулся, а вернулся со своей игрой и сразу же противопоставил ее царившему в то время в высшей лиге очковому началу. С тех пор команда переживала и взлеты (их было больше) и неудачи, менялся по различным причинам ее состав (и не всегда эти причины носили объективный характер), вводились новые футболисты, но все это не отражалось на стиле игры, который продолжал и продолжает совершенствоваться.

Испытав вместе со сборной горькое разочарование на чемпионате мира, К. Бесков, как и подобает сильной творческой личности, не только не свернул с избранного пути, не стал шарахаться из стороны в сторону, а сумел добавить к игре «Спартака» то, что увидел лучшего в действиях сильнейших команд мира. Сохранив изящную манеру, «Спартак» при этом стал крепче, мощнее, что позволило ему — не без каких-то потерь — выдержать огромную нагрузку, выпавшую на его игроков в ходе минувшего сезона.

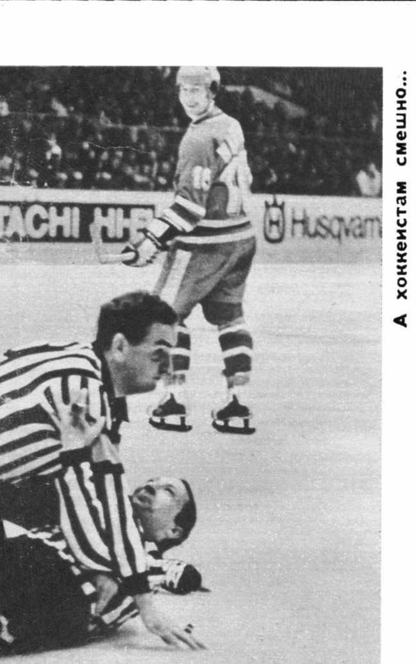
Победу творческого, комбинационно-игрового футбола подчеркнул и успех нового чемпиона страны — днепропетровского «Днепра». Его старший тренер В. Емец не имеет, конечно, большого опыта работы с командами высокого класса, но его общий тренерский стаж не столь уж мал, и мы помним, как интересно выглядел под руководством В. Емца никопольский «Колос» в первой лиге. Помним и то, как во время чемпионата мира в Испании недавно ставший старшим тренером клуба высшей лиги В. Емец внимательнейшим образом анализировал игру сильнейших сборных, обращая внимание на игровую дисциплину, на атакующие устремления команд, на разнообразие их тактического рисунка. В той или иной мере все это затем нашло отражение в действиях нашего нового чемпиона.

До сих пор самым большим достижением «Днепра» в чемпионатах страны было шестое место, но вскоре после того успеха днепропетровцы покинули высшую лигу. Фактически по двум причинам: и потому, что в основе их тогдашних выступлений лежал пресловутый практицизм, и потому, что состояла команда из бывалых футболистов, собранных со всех краев, порой весьма удаленных от Днепропетровщины. Нынешний же «Днепр» — принципиально иная команда как по игре, так и по методу комплектования состава, основу которого составляют коренные днепропетровцы, воспитанники юношеских школ города и области.

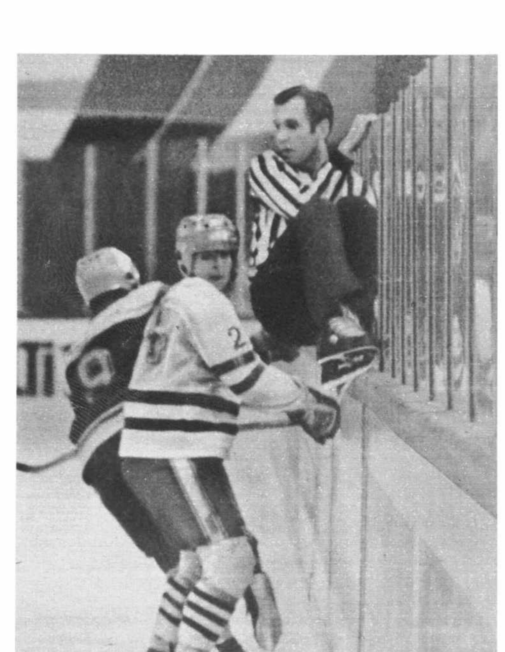
Как уже отмечалось сегодня, не одна-две, а целая группа команд верна комбинационно-игровому стилю. Тут следует назвать и «Зенит», и «Жальгирис», и «Пахтакор», и «Черноморец». И их роднит с призерами не только игровая манера, но твердое намерение опираться на местные кадры, на молодых воспитанников республиканских и областных школ.

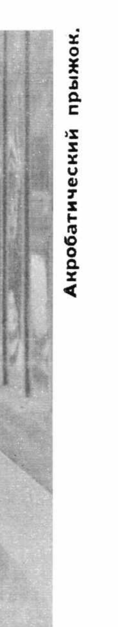
Сказались важные организационные меры, суть которых состояла в том, чтобы поставить барьеры командам, привыкшим жить за чужой счет, приглашая футболистов со стороны. Сперва опасались, что сокращение переходов затруднит создание классных команд, не позволит соперничать с зарубежными клубами, вкладывающими большие средства в покупку игроков даже из других стран. Многие, в том числе и автор этих строк, считали, что пройдет немало времени, прежде чем сильнейшие команды страны смогут полностью опереться на собственные резервы. Но быстрее, чем можно было ожидать, выяснилось: способной молодежи на местах выросло столько, что к ней надо было только приглядеться, пригласить ее, ну и, конечно, с ней поработать.

Минувший сезон можно прямо назвать сезоном молодой поросли, так много перспективных футболистов появилось в наших командах. Благодаря им, благодаря тренерам, оказавшим молодежи доверие, и прошел так интересно сезон, в котором сборную опередили клубы. Но когда есть сильные клубы, обязательно станет сильной и сборная.

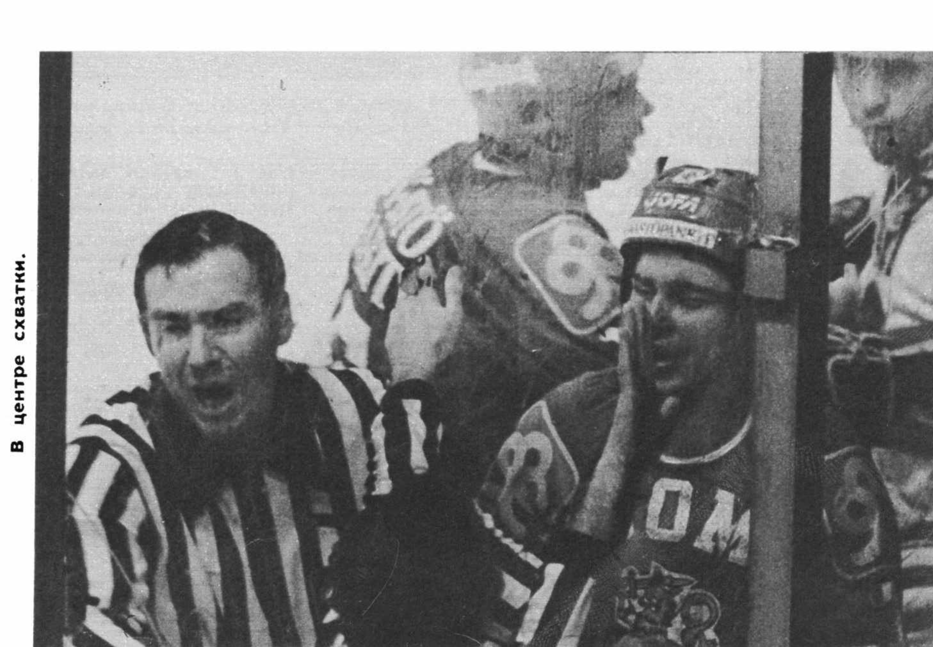

А хоккеистам смешно...

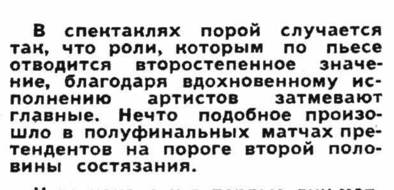
Акробатический прыжок.

В центре схватки.

**Марк ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер,
шахматный обозреватель
«Огонька»**

ПРЕДСКАЗАНИЕ СБЫВАЕТСЯ?

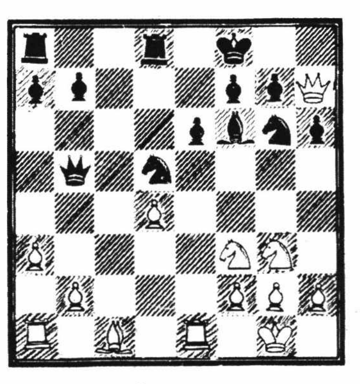

В спектаклях порой случается так, что роли, которым по пьесе отводится второстепенное значение, благодаря вдохновенному исполнению артистов затмевают главные. Нечто подобное произошло в полуфинальных матчах претендентов на пороге второй половины состязания.

И до начала и в первые дни матчей все внимание шахматного мира недвусмысленно было обращено к поединку Каспаров — Корчной, где творческий конфликт обещал быть особенно острым. Что же касается встречи Смыслов — Рибли, то отношение к ней было куда менее заинтересованным. Однако постепенно, по мере развития событий эти «запрограммированные» акценты стали неуклонно смещаться. Причина очевидна: главный герой оказался не в ударе и предназначавшаяся роль «возмутителя спокойствия» ему на старте не удалась. К счастью, общая драматургия шахматного сражения от этого не пострадала — Смыслов своим мастерством поддержал тонус зрительского интереса. Именно его игра производит впечатление одухотворенной импровизации и заслуживает наибольшего признания и аплодисментов.

Как это ни удивительно, славный ветеран, о стиле которого написаны многие тома исследований, предстает на этот раз в совершенно новом качестве. Обычно уравновешенный и спокойный, исповедующий классически ясные позиционные методы борьбы, он вдруг заиграл раскованно, романтично, даже азартно. Не влияние ли это его секунданта В. Купрейчика, имеющего славу отчаянного храбреца? Во всяком случае, и в 4-й и в 6-й партиях, где Смыслов пустился в осложнения уже в дебюте, и особенно в пятом поединке, покорившем всех смелостью замыслов и красотой комбинаций, игра нашего гроссмейстера отличалась подлинно юношеским задором. Впрочем, судите сами. Приведем окончание этой увлекательной партии без комментариев, чтобы не лишать пытливого читателя удовольствия самостоятельно разобраться во всех перипетиях сражения.

Рибли

Смыслов

Это положение возникло после 20 ходов. Оно необычно тем, что белый ферзь, оторванный от других своих сил, находится глубоко в тылу у противника в непосредственной близости от их «главнокомандующего». Поддержат ли белые фигуры этот десант или ему суждено погибнуть в одиночестве? Как показывает течение борьбы, Смыслов далеко рассчитал последствия своей смелой операции. Вот как развивались события:
21. Ке5 Kde7 22. С:h6! К:е5 23. Kh5! Kf3 + 24. gf Kf5 25. К:f6 К:h6 26. d5! Ф:b2 27. Фh8 + Kpe7 28. Л:е6 + !! fe 29. Ф:g7 + Kf7 30. d6 + ! Л:d6 31. Kd5 + ! Л:d5 32. Ф:b2 b6 33. Фb4 + Kpf6 34. Ле1 Лh8 35. h4 Лhd8 36. Ле4 Kd6 37. Фс3 + е5 38. Л:е5! Л:е5 39. f4 Kf7 40. fe + Kpe6 41. Фс4 +

Черные сдались. Эффектная атака! Как много в ней фантазии и вдохновения! И прав шахматный обозреватель английской газеты «Гардиан» Леонард Барден, утверждающий, что «эта классическая игра будет фигурировать в шахматных антологиях многие годы».

Как бы ни кончился поединок Смыслова с Рибли (впереди ведь еще целая половина матча и для подведения итогов время не наступило), даже ради одной такой партии стоило вступать в трудную борьбу. Браво, Василий Васильевич!

Менее благоприятно выглядели дела Гарри Каспарова, до того как он отложил шестую партию. Тревожил не столько счет его поединка, сколько психологический фон сражения. Вопреки предположениям Каспарову никак не удавалось пустить в ход свои козыри — комбинационный дар, стремительность в атаке, фантазию. Темпераментный шахматист, он оказался вовлеченным своим изощренным в матчевых сражениях соперником в русло позиционной, маневренной, «окопной» борьбы, где ему и непривычно и неуютно. Сказывалось и то немаловажное обстоятельство, что Корчному удалось в первой же партии выбить из рук Каспарова то грозное дебютное оружие, с которым связывались у нашего гроссмейстера стратегические планы наступления. И это было ему тем более досадно, что «новинка», которая так поразила Каспарова, оказалась вовсе не новинкой... Уже потом выяснилось, что Корчной с успехом применил идею, которая принадлежала не ему, а венгерскому гроссмейстеру Адорьяну и дважды апробировалась в международных турнирах. Корчной ее знал, а Каспаров удивительным образом проглядел. Лишившись главного боевого средства, наш гроссмейстер, как показали следующие партии, не сумел подобрать в своем арсенале равноценной замены, хотя этой проблеме, естественно, было уделено главное внимание всего его штаба.

С каким нетерпением ожидали поклонники Каспарова пятой партии!

Накануне ее претендент взял тайм-аут, использовав единственную возможность выгадать время для дополнительной ревизии своих предматчевых дебютных заготовок. Еще существовала надежда и на аналитическую реабилитацию «коронного» варианта. Любители шахмат помнили, как заиграл Каспаров после паузы в примерно аналогичной ситуации против Белявского в четвертьфинальном матче. Все и на этот раз ждали перелома. Но и в пятой партии его не произошло.

Молодому гроссмейстеру, видимо, недостает матчевого опыта, чтобы подобрать ключи к уязвимым сторонам партнера. К тому же, будем объективны, Корчной оказался в отличной форме. Такой авторитет, как Бент Ларсен, считает, например, что «в нем сейчас трудно узнать того Корчного, который показывал совершенно беспомощную игру во время матча 1981 года в Мерано». И все же вера в Каспарова не ослабела. И сейчас, накануне второй, решающей половины состязания, прогнозы по-прежнему благоприятны для нашего гроссмейстера. Ему отдают предпочтение и такие знатоки, как аргентинский гроссмейстер М. Найдорф, западногерманский гроссмейстер и психолог Х. Пфлегер, и простые любители шахмат. Любопытно, что в результате опроса зрителей, проведенного фирмой «Акорн компьютерс», финансирующей матчи претендентов, и после 4-й партии 75 процентов голосов предсказали Каспарову окончательную победу.

Для поддержания оптимизма многочисленных поклонников Каспарова (может быть, когда они будут читать эти строки, в ходе матча появятся и иные аргументы!) прислушаемся к мнению самого главного авторитета — чемпиона мира. В своем интервью газете «Файнэншл таймс» еще накануне поединков Карпов сказал: «Объективно говоря, Каспаров должен выиграть этот матч с убедительным преимуществом в счете. Однако, подобно Фишеру, он обычно очень нервничает перед началом состязания. Поэтому нельзя исключить возможность того, что на старте ситуация может сложиться для него неблагоприятно. Все же я убежден, что и в этом случае он сумеет в конце концов склонить чашу весов в свою пользу, хотя тут уже игра будет идти очко в очко...»

Первая часть предсказаний чемпиона мира сбылась. Хочется верить, что он окажется провидцем и в оптимистичной части своего прогноза...

Когда этот обзор был уже написан, из Лондона пришла долгожданная весть: Каспаров выиграл шестую партию, выиграл в жестокой борьбе, черными, на 78-м ходу. Счет в матче сравнялся. Теперь все начинается сначала, но уже в поединке из 6 партий и в новом психологическом ключе.

НА СУМСКОЙ ЗЕМЛЕ

«Сумы — годы, события, люди» — так называется экспозиция, открытая в Центральном выставочном зале столицы. Более двухсот живописных, графических и декоративно-прикладных работ рассказывают о славной истории — древней и современной — и о сегодняшнем дне сумской земли. Местные художники и их коллеги из Москвы, Харькова, Киева воссоздали мгновения минувших эпох: победу Петра I над шведами под Полтавой и встречу русских послов, едущих на Переяславскую Раду; стачки рабочих, революционные события. Запечатлели современные трудовые будни — сельские и индустриальные, дивные пейзажи края, представили портреты тружеников, партизан Великой Отечественной, деятелей культуры.

На снимке: в залах выставки.
Фото А. Гостева

СЧАСТЬЕ — В МУЗЫКЕ

Недавно я познакомилась с человеком, который уверенно сказал:

— Вы знаете, я вполне счастливый человек...

Это Михаил Муромов, начинающий композитор. Сейчас ему 33 года, а по-настоящему заниматься музыкой он начал четыре года назад.

— Почему не раньше?

— Не чувствовал в себе достаточно сил отказаться от уже освоенной профессии биохимика, от аспирантуры. А музыку начал фактически с нуля. Но в голове постоянно звучали все новые и новые мелодии. И страшно хотелось их записать, обработать, придумать что-то новое...

Музыка просто полонила его, заполнила все существо.

За четыре года Михаил Муромов успел сделать многое. Написал музыку к художественным фильмам «Просто ужас», «Вам телеграмма». Написал несколько песен на стихи поэтов М. Танича, А. Дементьева, В. Харитонова и других. А любители телевизионной «Утренней почты», наверное, запомнили этого обаятельного певца, ведь он сам выступал неоднократно со своими песнями.

Михаил Муромов.

Первый человек, который помог Муромову, был поэт В. Харитонов. Михаил показал ему свою музыку. А в ответ получил сборник стихов с просьбой написать песню.

Музыку Михаила, его песни хочется слушать, напевать. Они долго помнятся, словно звучат в тебе.

М. ГАБРИЕЛЯН

ПЕСТРАЯ СТРАНИЦА

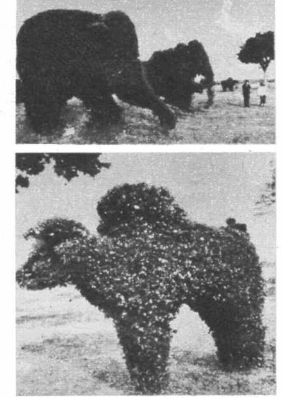
АВТОБУС НА ПЛАСТИНКЕ

С тех пор, как был изобретен граммофон, принцип воспроизведения звука не менялся — пластинка вращается и ведет по своей борозде иглу звукоснимателя. А разве может быть иначе! Может! — сказали конструкторы одной из западногерманских фирм. Они предложили запускать по неподвижно лежащему диску игрушечный микроавтобус — хитроумный аппаратик, который, двигаясь по спирали диска, воспроизводит записанную на нем музыку. Движение и звучание обеспечиваются миниатюрной батарейкой.

ЗЕЛЕНЫЙ ЗООПАРК

Зоопарку в Хонгкхае в СРВ не нужны клетки. Группа ботаников и садовников вырастила вечнозеленые деревья и кустарники в форме разнообразных зверей. Есть здесь зеленые медведи, слоны, верблюды и другие животные.

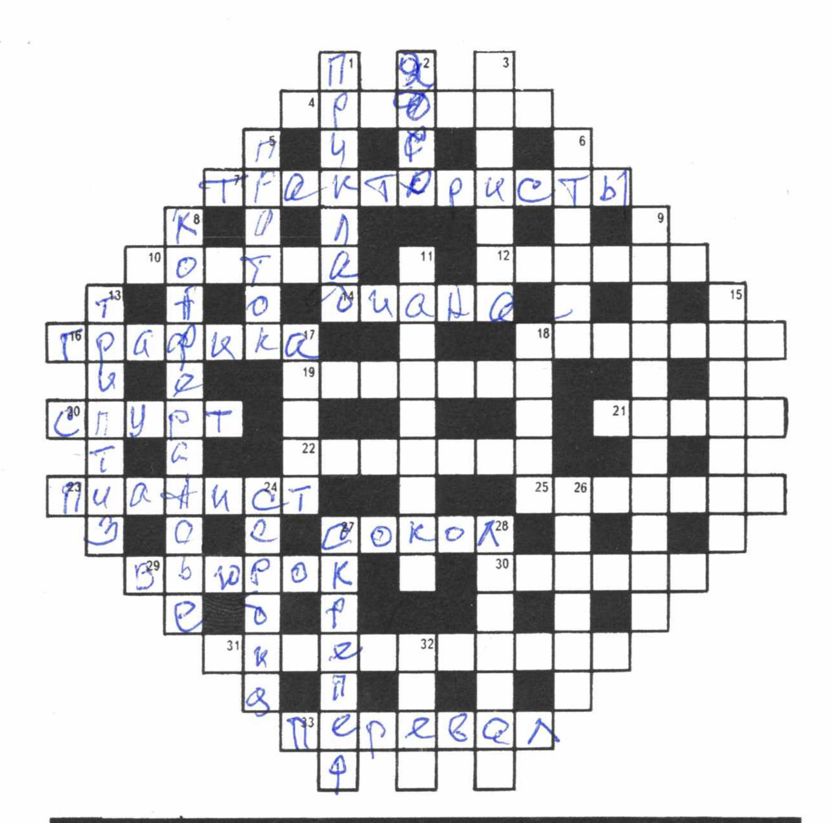

НЕ НАРУШАЙ!

В ряде стран существует строгое правило: оставленный в неположенном месте автомобиль буксируется спецмашиной на полицейскую стоянку за городом. Чтобы заполучить арестованный автомобиль, его владелец должен уплатить не только штраф, но и плату за «услуги». В Сарагосе (Испания) эта санкция распространяется также и на лошадей, мулов и ослов. Неправильно «запаркованный» мул также «буксируется» на штрафную стоянку.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Стихотворение В. В. Маяковского. 7. Фильм, снятый кинорежиссером И. А. Пырьевым. 10. Город в Сумской области. 12. Музыкальный интервал. 14. Спутник Сатурна. 16. Вид изобразительного искусства. 18. Упражнение для голоса. 19. Теплое течение Тихого океана. 20. Резкое увеличение движения в спортивных состязаниях на скорость. 21. Советский летчик-космонавт. 22. Роман Жорж Санд. 23. Музыкант. 25. Советский спортсмен, двукратный олимпийский чемпион по современному пятиборью. 27. Советская хоккейная команда. 29. Небольшая лесная птица. 30. Советский языковед, лексикограф. 31. Раздел ботаники, изучающий лишайники. 33. Дорога через горный хребет.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Составная часть автомата, винтовки. 2. Легкоатлетический снаряд для метания. 3. Многолетняя трава, эфирномасличное, лекарственное, медоносное растение. 5. Река, впадающая в другую реку. 6. Искусственный мрамор. 8. Артист эстрады, ведущий концерт. 9. Болгарский писатель. 11. Часть комбайна. 13. Произведения искусства, объединенные одним замыслом. 15. Киноактер, народный артист СССР. 17. Минерал. 18. Мяч для игры в бадминтон. 24. Социалистическая республика в составе Югославии. 26. Герой повести Л. Н. Толстого «Казаки». 27. Землеройно-транспортная машина. 28. Город в Харьковской области. 32. Зодиакальное созвездие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. «Москва». 8. Олонец. 9. Нектар. 10. Форель. 11. Острие. 12. Флаг. 14. «Барсуки». 15. Иремель. 16. Инструментарий. 19. Интенсификация. 23. Витачек. 24. Трактат. 25. Анды. 26. Церера. 28. Флакон. 29. «Нистру». 30. Шишкин. 31. Гречко.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Котопахи. 2. Экзерсис. 3. Лань. 4. Хоро. 5. Костюмер. 6. Бериллий. 12. Фигуристка. 13. «Гимназисты». 17. Туше. 18. Айва. 19. Ифигения. 20. Ткаченко. 21. Цикламен. 22. Ямаровка. 27. Анна. 28. Фуга.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Юные лыжники.
Фото А. Бочинина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Коми АССР. Эксплуатационная буровая на Усинском месторождении нефти.
Фото С. Губского (ТАСС)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 21.11.83. Подписано к печати 06.12.83. А 00762. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 779 000 экз. Изд. № 2966. Заказ № 1673.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ТЕАТР ИГОРЯ МОИСЕЕВА

Галина ГОГОТИШВИЛИ Фото В. ГЕНДЕ-РОТЕ

Неизменный успех всегда сопровождает работу народного артиста СССР Игоря Моисеева. И его новая программа «По гастрольным маршрутам» и одноактный балет «Ночь на Лысой горе» (музыка М. Мусоргского) не составляют исключения. Не знаешь, какому танцу предпочтение отдать: вьетнамской миниатюре, словно прорисованной тонкой кистью восточного художника, или «Задиристым частушкам», русскому переплясу. И, хотя никаких частушек здесь никто не поет, но они — удивительно — так и слышатся в сольных танцах. Но, может быть, первенство отдать якутскому «Доброму охотнику», поэтичному, мягкому танцу, пронизанному национальным колоритом!..

А полная драматизма и внутреннего огня «Испанская баллада», танец любви и смерти, словно навеянный стихами Гарсиа Лорки... Оригинальность пластического рисунка, яркая выразительность характеров — все очаровывает в этом маленьком шедевре.

Я не стану говорить обо всех танцах новой программы Ансамбля народного танца СССР. Каждый отличается сложными построениями, напряженным темпом и легкостью — той непринужденной легкостью исполнения, за которой, кажется, и труда-то никакого не стоит!..

Возможности моисеевских танцоров-виртуозов давно известны. Но такое владение техникой, которое они продемонстрировали, например, в сцене шабаша в «Ночи на Лысой горе», даже у них трудно было представить. Выражение восторга по этому поводу на одной из репетиций Игорь Александрович прокомментировал спокойно:

— Нужна акробатика — будет акробатика. Понадобится играть на музыкальных инструментах — будут играть. Если потребуется, то и жонглировать научатся...

Да, школа у танцовщиков прекрасная, как и способность выполнять самые невероятные по трудности задачи балетмейстера, подчиняться его творческому диктату.

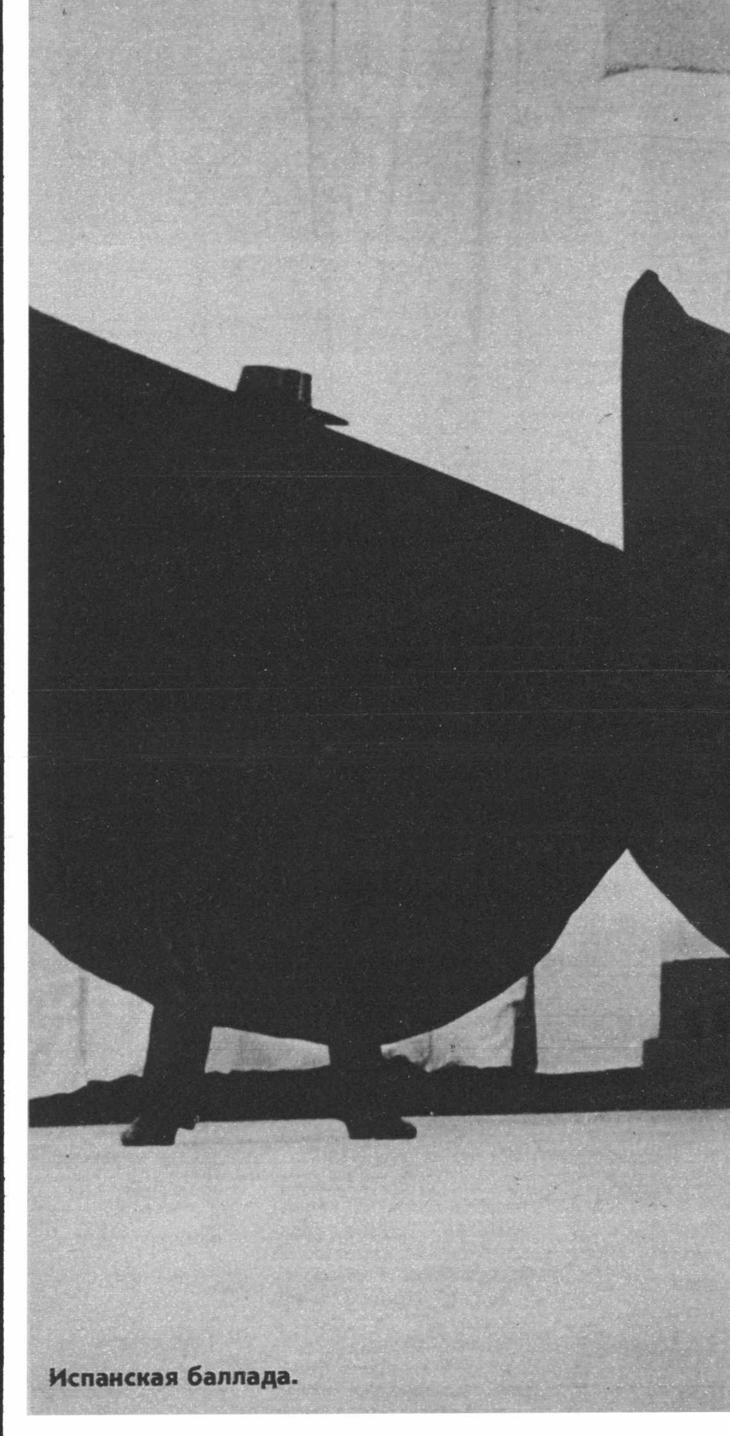
Итак, «Ночь на Лысой горе». Балет, поставленный И. А. Моисеевым по мотивам «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголя... Балетмейстер детство провел под Полтавой, на всю жизнь запомнив яркую красоту украинских народных праздников. ...В тихий ли вечер, спустившийся над Диканькой, или в волшебную ночь под Ивана Купалу собрались парубки и девчата водить хороводы, прыгать через костры... В балете, и сюжет и герои которого подсказаны гоголевскими повестями, конечно, без чудес не обойтись! И начались они с появлением среди веселой толпы толстого обжоры Пацюка, которому, если помните, вареники сами в рот прыгали. Допился Пацюк до зеленых чертей — они и привиделись ему да и утащили его на Лысую гору, на шабаш ведьм, где «все, сколько ни было их там, как хмельные, отплясывали какого-то чертовского трепака». Нельзя не отметить ту необычайную изобретательность, с которой Моисеев сочинил пляски ведьм и чертей в сцене шабаша...

Словно подхлестывая и без того бешеный ритм ударных, вылетают на середину танцующие пары, демонстрируя и невероятное по трудности движение и головоломные поддержки, словно соревнуясь друг с другом в блеске исполнения... И в тот самый момент, когда кажется, что ни артистам, ни зрителям уже не выдержать напряжения, все резко обрывается. Нечисть сразу же исчезает. Восходит солнце, и в его лучах одинокая пара юных влюбленных уходит вдаль. Этот неожиданный, словно кинематографический, прием сразу снимает накал предыдущей сцены.

Я не случайно так подробно остановилась на этой работе Моисеева. Во-первых, она выходит за рамки жанра ансамбля. Мастеру явно уже тесно стало в этих рамках. Во-вторых, щедро использовав здесь гротеск, элементы танца «модерн», балетмейстер показал, как красноречив и выразителен может быть пластический язык танца, как велики его возможности. И значение этого трудно переоценить при бедности иных балетных спектаклей последних лет, когда балетмейстеры предпочитают работать «в одну краску».

...Отгремели овации на премьере.

Ансамбль народного танца СССР на зарубежных гастролях демонстрирует лучшие образцы советского хореографического искусства, танцы новой программы, исполненной вдохновения и высокого профессионализма.

Испанская баллада.

Торжественный финал: «Праздник труда».

«Добрый охотник» — якутский танец.

Хореографическая сюита «Ночь на Лысой горе».

Венесуэльский танец «Хоропо».

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663